

Русь и Ганза: модель языкового контакта

Задача контрастивного моделирования языкового контакта не может формулироваться вне понятия текста. При переводе текста статуты или городского права, либо обмене официальными грамотами или составлении двустороннего договора трудно сопоставлять возможности языковых систем непосредственно, так как представление данного конкретного и жестко регламентированного текста в языке-цели не зависит напрямую от набора языковых средств, которые предоставляет для этого языковая система. Он в большой степени диктуется законами данного жанра в языке-цели, и языковые средства способны выполнить свою задачу лишь в меру той свободы, которая определена в их выборе рамками этого жанра. «Объектом сопоставительного анализа могут быть единицы любого уровня языка: фонемы, слова, грамматические явления вплоть до текста» (Гак 1989, 10), а в случае правовых текстов такими единицами должны быть именно тексты в первую очередь, так как их правовая и доказательная сила заключается не только в их содержании и в скрепляющих их печатях, но и в их форме. Стилиевые формы правового текста обладают содержанием и ценностью (Schmitt 1966, 139), и только в зависимости от результатов их сопоставления для последующих исследовательских шагов могут избираться более элементарные единицы.

Контрастивное сопоставление на уровне текстов может дать двоякий ответ: 1) в случае легкого и однозначного полного переключения с одной системы на другую на уровне текста может сразу ставиться вопрос о языковой реализации этого текста; 2) в случае же релевантных различий на уровне текста, не позволяющих беспрепятственной адекватной передачи жанровой формы языка-основы аналогичной формой языка-цели, интерферентные явления возникнут на уровне текста, и внутри типа аналогичных текстов языка-цели может выработаться частная модификация, разновидность текстов данного типа, обладающая чертами, происходящими из данного языка-основы.

В ситуации культурных, торгово-дипломатических — и языковых — контактов Руси с Северной Германией самыми распространенными явлениями трансференции и интерференции являются заимствованные лексемы. Например, в процессе контакта нижнене-

мер весов, денег, товаров, титулов официальных лиц или инстанций и некоторые другие понятия, в отношении которых авторы текстов на языке-цели не сочли правильным употребление родного слова или проявляли в этом вопросе колебания. Товары, деньги и меры веса представляют собой денотаты, в отношении которых язык-цель не располагает собственным термином и поэтому заимствует их из языка-основы: ср. заимствованные из русского *kune* «куна» (первоначально кунья шкурка, используемая в качестве разменной единицы), *soltnyk*, *zlotnyk* «золотник», *muszkowike* «московка», *rubel* «рубль», *borahne* «овчина», *apecki* «опойка (телячья шкура)», *schevenyssen* «шевница», *troynisse* «тройница», *doyenisse* (сшитые вместе малоценные шкурки меха» и др.). К этой же группе относятся предметы, представляющие географическое или техническое своеобразие Руси, например обозначение русской ладьи нем. *loddige*:

«...de loddige steit...» (перевод русской грамоты 1441 г. городу Колывани о Петре, ладья которого была разграблена, L-E-CUB, 9, Nr. 793) [1]¹.

«...in die lodige...» (договор о перемирии с Ливонией на 20 лет 1531 года, см. Napiersky 1868, Nr. CCCLXXVII) [2].

Названия частей русского дома употреблялись ганзейцами в новгородской общине в отношении их жилища: *clete* «помещение в доме, в т.ч. в Петровом дворе Ганзы в Новгороде, ср. в новгородской скре; *potklet* «цокольное помещение, кладовая» (ср. рус. клеть), *de senicke unde de dornsze* «сенник и горница» (сообщение о пожаре ганзейского двора в Новгороде, L-E-CUB, 9, Nr. 816, S. 559). В отношении этих денотатов колебаний в текстах не обнаружено, очевидно, они прочно связаны с местным колоритом или воспринимались как отличающиеся существенным образом от соответствующих предметов родного обихода, т. е. помещений немецкого жилища или ганзейского судна. Интересно, что ситуация симметрична: для русских немецкое судно, нем. *Kogge* также достаточно специфичное транспортное средство, для которого было сделано заимствование, ср. рус. *коча*. Они представляют собой чистые трансференты, то есть перенесены в систему нижненемецкого без нарушений или возмущений в этой системе и не вызвали в ней никаких перестроек.

Частным случаем такой трансференции может считаться калькирование, как перенос путем передачи нового понятия средствами собственного языка. Этот перенос, хотя и связан с использованием средств и возможностей языка-цели, не вызывает системных возмущений и перестроек.

Титулы и названия инстанций могут обозначаться как заимствованными словами, так и аналогичными терминами своего языка. В этом отношении тексты обнаруживают колебания: «посал-

в общем не связанные исключительно с Русью, очевидно, воспринимались ганзейцами в контексте русской специфики и поэтому также обозначались русскими (или иными славянскими) заимствованиями: граница = *grenitze* (без колебаний) (L-E-CUB, 827–80; Napiersky 1868, Nr. CXCVIII); взятка, посул = *passul*, но часто и нижненемецкие слова *gaue*, *giff* (Napiersky 1868, Nr. CCCLXXX, 1550)².

Что же касается второй группы — контактных явлений на уровне текста, то они могут привести к тому, что, например, грамоты или уставы, переведенные на русский язык с нижненемецкого, будут отличаться от собственных русских грамот и уставов, и наоборот. Внутри жанра текстов «немецкая грамота» должен в этом случае образоваться подтип «немецкая грамота, касающаяся русских дел». Контрастивный анализ в жанре грамот может выявить различия как в структуре русских и нижненемецких (или точнее для нашего случая, ганзейских) грамот, так и в выборе тех или иных способов наполнения этой структуры — специфических клише языка грамот, называемых формулами, либо в лексическом наполнении как формул, так и менее клишированных и потому больше подверженных варьированию частей грамоты. Результатом такой интерференции на уровне текста могут быть новые формулы, созданные под влиянием языка-основы, или измененные собственные формулы, либо специфическое для данного географического контекста лексическое наполнение. В последнее в конце концов входит, в качестве составной части, лексическая трансференция, упомянутая выше, а также и географически ограниченное, маркированное употребление собственных лексем.

Отбор языковых, в том числе и лексических, средств для выражения сходного содержания, являющийся одним из интереснейших объектов контрастивной лингвистики (Гак 1989, 14), может наиболее корректным образом исследоваться именно в рамках сопоставления текстов одного типа (*Textsorte*), так как в этом случае обеспечено единство структурно-жанровых, содержательных и формальных параметров сопоставляемых явлений. На этом методически строгом фоне четче выявляются и такие интерферентные явления, как измененная дистрибуция слов, не влекущая за собой нарушений в правилах системы языка-цели и потому неуловимая для метода анализа ошибок. Под дистрибуцией мы понимаем, применительно к жанрам правовых текстов, предпочтение тех или иных лексем/выражений из круга допустимых вариантов, в том числе и различное географическое распределение, т. е. соотношенность варьирующихся явлений с диалектными зонами (Ладо 1989, 37). Учитываемая при этом Р. Ладо дистрибуция по различным социально-груп-

не обладать яркой маркированностью. Во-первых, необходимо быть уверенным, что данный случай дистрибуции действительно представляет собой вариант формулы (устойчивого выражения), а не просто словоупотребление в условиях свободного выбора. Во-вторых, в условиях контакта близкородственных языков, таких, как, например, средненижненемецкий и датский или тем более средне-нидерландский, различия подчас слишком малы, чтобы можно было сделать точную атрибуцию того или иного факта.

В связи с этим предстоит принять две стратегии.

1. Выявление географически ограниченного варианта возможно лишь в результате трехстороннего контрастирования — нижненемецких текстов, содержащих предполагаемые интерференты/трансференты, с текстами на том языке, откуда предположительно пришло влияние, и с нижненемецкими же текстами, находящимися за пределами той географической области, которая затронута предполагаемым контактом.

2. При выборе пары контактирующих языков целесообразно остановиться на языках, генетически или системно максимально удаленных друг от друга и потому обладающих достаточно заметными расхождениями в системах.

В связи с важностью социолингвистического аспекта в данной работе следует не ограничиваться учетом расхождений в чисто языковом отношении, но ставить вопрос шире, сопоставляя, по Р. Ладу, не только элементы языка, но и элементы культуры (Лад 1989), к которой в большой степени относится национальная традиция делового письма и права вообще.

Для выявления характера и степени контактности нижненемецкого необходимо остановиться в качестве партнера по контакту на языке, обладающем аналогичной, или по крайней мере достаточно развитой, собственной функциональной парадигмой, включающей письменный канцелярский язык, при достаточной генетической отдаленности. Русский и английский языки, с одной стороны, в достаточной степени удалены от нижненемецкого в XIII–XVI веках и, с другой стороны, обладают самостоятельной развитой функциональной парадигмой, включающей наряду с прочими функциональными стилями деловой язык. Немаловажно и то, что оба они изучены с точки зрения существовавших в этот период форм письменного литературного языка, и в данной работе можно опереться в этих вопросах на знания, накопленные историками этих языков.

В данной работе предпринята попытка разработки модели контактного поведения нижненемецкого в ситуации его контакта с русским языком. Для сравнения с результатами исследования русско-нижненемецких контактных явлений проведено аналогичное

содержательном и функционально-стилистическом аспектах на фоне контрастирующих географических и культурных ситуаций позволит корректно сопоставить результаты и выявить их корреляцию с особенностями социалингвистических и экстралингвистических обстоятельств.

1. История изучения русско-нижненемецких контактов

В лингвистической литературе вопрос о русско-ганзейских языковых контактах и о вкладе нижненемецкого в русский язык еще не получил глубокого освещения. Так, ряд историков русского языка, в основном работающих за рубежом, уделяют в своих исторических грамматиках место, впрочем, весьма ограниченное, перечню нижненемецких заимствований в русский язык (Vlasto 1986; Kiparsky 1975). В некоторых случаях эти заимствования первично классифицируются, например, В. Кипарский в своей исторической грамматике русского языка приводит списки заимствований из нижненемецкого допетровской и петровской эпох. Как правило, обращается внимание на лексемы, связанные с международной торговлей, в частности, между Новгородом и Псковом, Полоцком и Витебском, с одной стороны, и Ганзой и Ливонией, с другой. Гораздо шире охвачен материал заимствований в специальных монографиях С. Гардинера (Gardiner 1965) и в особенности Дж. Томаса (Thomas 1978), который привлек источники и картотеку, находящиеся в России, и представил материал в полноте, с примерами и ссылками по текстам. В книге также анализируются процессы, сопутствовавшие заимствованию (семантические изменения, грамматическая ассимиляция в русском языке и т. д.) и прослеживается судьба этих лексем в последующие эпохи. При этом трудность различения между заимствованиями в русском языке, сделанными из нижненемецкого или из нидерландского (а иногда и скандинавских языков), приводит к тому, что те и другие лексемы даются общим списком. Аналогичная трудность возникает и у историков английского языка, изучающих нижненемецкие заимствования в этом языке: ссылаясь на невозможность в ряде случаев различить нижненемецкий и нидерландский источники заимствований, исследователи рассматривают совокупный фонд заимствований из Low Countries, понимаемых как территория Нидерландов и Северной Германии вместе (ср. Bense 1924; Bense 1939).

Преодолеть эту трудность в русистике частично помогают специ-

пример, рус. *шкипер*, включенное ван дер Меленом в его список нидерландизмов из области мореходства, трактуется в книге А. Власто как несомненное заимствование из нижненемецкого (ср. Vlasto 1986, 277: «Low German, not Dutch or Scandinavian»). Другие трудные случаи связаны с различием между прямым заимствованием и опосредованным, например, через польский язык. В этих случаях, при отсутствии языковых указаний (ср., например, сохранение германского ударения в русском в слове «кóмната» в противоположность заимствованному через польский украинскому «кíм'ната, см. Vlasto 1986, 277), исследователи ищут опоры в диалектной картине распространения этого слова в русском: северное расположение диалектных ареалов этого слова говорит в пользу прямого заимствования из нижненемецкого через новгородские связи, тогда как западная география заимствования косвенно свидетельствует о польском посредничестве через полоцко-витебские каналы торговли с Западом (ср. Thomas 1978).

Таким образом, несмотря на то, что языковедами проделана работа по документированной атрибуции, описанию и первичному анализу нижненемецкого лексического вклада в русский язык, многое еще предстоит сделать (аналогично обстоит дело в этой области и у историков-англистов). Кроме того, проблематика русско-нижненемецкого контакта, очевидно, не ограничивается заимствованиями. Ценным источником для изучения истории русского языка, несомненно, должны послужить возникшие уже с середины XIII века в процессе дипломатических и торговых контактов различные типы параллельных русско-нижненемецких текстов. Здесь в основном можно говорить о двух типах таких параллельных текстов.

Первый тип, более знакомый лингвистам, составляют русско-немецкие разговорники, самый известный из которых, нижненемецкий разговорник Тонниса Фенне 1607 года, издан уже в 1970–1986 гг. в полностью филологически и лингвистически подготовленной редакции Романом Якобсоном и Л. Хаммерихом (Hammerich, Jakobson 1970–1986) и представляет ценнейший и еще мало использовавшийся источник к изучению русских территориальных и социальных диалектов (см. там же, т. II, с. XIX). Его ценность как источника связана также с тем, что он снабжен нижненемецкой транслитерацией русских фраз, сделанной самим Фенне, которая по сути представляет, хотя и несовершенную, но тщательно и с большой наблюдательностью выполненную транскрипцию русской части разговорника. Его изучение в этом аспекте русской исторической диалектологии только начинается. Во-вторых, включая многочисленные переводы русских диалогов, поговорок на нижне-

4 тысяч русских лексем. В-третьих, помимо эпизодов, связанных с профессиональной деятельностью купца, приехавшего в Псков, разговорник содержит диалоги из таких сфер повседневной жизни, которые в обычной ситуации никогда не находили отражения в текстах, а значит, он является уникальным источником материала живого народного разговорного языка (о значении материала Фенне для изучения разговорного языка см. Issatschenko 1980, 283). Другой русско-нижненемецкий разговорник опубликован и введен в научный обиход сравнительно недавно (Falowski 1993; Falowski 1996). Он датируется временем до 1568 года и, как и разговорник Фенне, написан немцем. Представленный в нем русский язык еще не изучен с точки зрения его диалектных черт, в целом же считается возможным предварительно отнести его к западнорусскому книжному языку (Яцимирский 1921); в связи с диалектной атрибуцией текста отмечается упоминание в нем о Пскове. Его изучение только начинается, причем пока лишь со стороны русистики, однако уже теперь ясно, что его материал предоставляет все те же возможности, что и материал Тонниса Фенне.

Второй тип параллельных русско-нижненемецких текстов представляют двуязычные тексты грамот, торговых и политических договоров. В отличие от разговорника Т. Фенне, эти тексты, хорошо знакомые историкам Ганзы и Руси, не изучались лингвистами. Между тем такие двуязычные документы, как Нибутов мир 1392 года (см.: Валк 1949, Nr. 49; HR, 1975, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45) или текст перемирия Ивана Грозного с Тевтонским орденом 1521 года (Napiersky 1868, 329–344), демонстрируют взаимодействие двух языковых систем — русской и нижненемецкой, — в специфической форме бытования этих языков, а именно делового языка, или языка грамот. В работе с этими текстами, правда, следует учитывать, что их систематические, начиная с середины прошлого века³, многочисленные публикации предназначались в качестве источников для историков, и их редакции адекватны далеко не всем лингвистическим задачам (Winge 1992, 43; Winge 1991, 146). Что же касается результатов изучения этого двуязычного корпуса материала, то они представляют двусторонний интерес, так как в них равным образом заинтересованы и русисты, и германисты. В данной работе внимание будет сосредоточено на тех данных, которые можно извлечь из материала русско-нижненемецких языковых контактов для пополнения картины внешних контактов нижненемецкого.

В отношении места русско-нижненемецких языковых контактов в кругу аспектов, связанных с историей нижненемецкого языка,

Их количество само по себе выдвигает их в ряд источников, изучение которых необходимо как с точки зрения знаний о самом нижненемецком как таковом, так и для выяснения проблем, связанных с бытованием нижненемецкого за пределами своей территории. Справедливость первого из этих двух утверждений станет вполне очевидной, если представить себе хронологию появления русско-ганзейских текстов. Тексты на средненижненемецком языке, составленные на Руси и по поводу русских торговых дел Ганзы, относятся к наиболее ранним нижненемецким текстам, появившимся после долгого перерыва в письменной передаче, связанной с господством латыни в деловой и правовой сферах. Приведем датировки наиболее ранних текстов:

— первая редакция новгородской скры, т. е. устава общины ганзейских купцов, живших на Петровом подворье в Новгороде, относится, согласно последним данным, к середине XIII века, но не исключено и время вскоре после 1225 года (Schlüter 1911);

— договор немецких городов и Готланда (нижненемецкий текст и первоначальный набросок на латыни, см. Tobien 1845) с новгородским князем Ярославом, известный в исторической литературе как «грамота Ярослава» (die Jaroslav Urkunde), относится к 1269 году.

Если учесть, что наиболее ранними случаями перехода с латыни на родной язык в самой северной Германии были городское право города Брауншвейга (Jus Ottonianum) 1227 года, «Саксонское зеркало», очевидно, написанное до 1233 г., нижненемецкий текст городского права Любека между 1263 и 1267 годами (Peters 1985, 1216), гамбургский судебник *Ordelbok*, 1270 года (см. подробнее об этом в гл. III) и что первая городская грамота на нижненемецком языке составлена в Хильдесхайме лишь в 1272 году (всего же до 1299 года составлено на нижненемецком всего около 300 из общего числа 2500 немецких грамот, см. Peters 1973, 74), но в большинстве случаев речь идет не о городских, а о княжеских канцеляриях, а они не имели отношения к русско-ганзейским торговым взаимоотношениям, то становится ясным, что новгородские памятники на нижненемецком языке занимают в этом кругу весьма заметное и даже почетное место.

Рано сложилась и деловая корреспонденция на нижненемецком языке, связанная с Новгородом или адресованная Новгороду или из Новгорода на запад. Многочисленные грамоты, связанные с отношениями с Русью или циркулирующие между Русью и ганзейскими инстанциями, уже пишутся на нижненемецком языке в то время, когда внутриганзейские документы высокого уровня или протоколы и решения ганзейских съездов, рецессы, еще сплошь составлены на латыни: достаточно сравнить грамоту Висби ганзейским

Nr. 427). В 1360-е годы нижненемецкий начинает постепенно использоваться в ряде ганзейских городских канцелярий, причем ранее всего на востоке, но при этом все же позднее, чем в русско-ганзейских делах. Так, к ранним нижненемецким грамотам восточных канцелярий относятся грамота герцога Штеттинского 1364 года (HR, Abt. I, Bd. 1, Nr. 332), грамота епископа Каминского герцогу Штеттинскому 1364 года (там же, Nr. 333), и посольский отчет ганзейцев перед своей инстанцией в Любеке о перемирии между Ганзой и Данией, достигнутом при содействии герцога Штеттинского, 1364 года (там же, Nr. 334).

В корреспонденции с западными конторами Ганза придерживалась латыни гораздо дольше, чем в русской переписке, и даже дольше, чем в сношениях со своими восточными инстанциями. Так, с нидерландскими партнерами Ганза пользуется латынью до 1380 года (Schöndorf 1987, 49). Первая датская (королевская) грамота на нижненемецком языке относится к 1329 году (Carlie 1925, 35), но следующая — лишь к 1350 году, несмотря на то, что в условиях правления Ольденбургской династии датский двор и городская элита были сплошь нижненемецкоязычными (см. Winge 1992, 41–42); городские грамоты из Дании на нижненемецком имеются лишь начиная с 1459 года (Winge 1992, 62). В торговых делах Ганзы с Англией латынь держится вплоть до закрытия Стального двора ганзейских купцов в Лондоне королевским декретом 1579 года (ср. договор между Англией и Ганзой 1520 года, написанный на латыни, Larpenberg 1851, II, Nr. CLII), а первые английские нижненемецкие грамоты внутриганзейской циркуляции относятся к 1370-м годам (например, послание ганзейской конторы в Лондоне к ганзейским городам 1374 г., см. HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 99). Несколько раньше начинают появляться нижненемецкие грамоты в Норвегии. Так, в 1361 году канцелярия норвежского короля составляет на нижненемецком текст брачного обязательства короля перед Елизаветой Гольштинской (Schöndorf 1987, 50). Однако ганзейская контора в Бергене перешла на нижненемецкий позднее: первая грамота из Бергена была направлена в 1365 году в Росток, следующие четыре — в Любек (Schöndorf 1987, 49).

Таким образом, ценность русско-ганзейского корпуса нижненемецких текстов в хронологическом отношении не вызывает никаких сомнений. Но и в количественном отношении русско-ганзейские источники заслуживают внимательного изучения. Точно назвать число текстов или объем страниц весьма затруднительно, но можно сказать, что только в случае правовых текстов, касающихся институтов, находящихся на русской территории, и грамот, адресо-

туальна для истории нижненемецкого, как, например, аспекты его существования в Скандинавии или Прибалтике. Все эти упомянутые аспекты чрезвычайно интересны, при этом каждый характеризуется собственным большим своеобразием, например, тема нижненемецкого в ливонских городах входит в тематику «Нижненемецкий язык метрополии», тогда как изучение роли этого языка в различных частях Скандинавии дает нам целый спектр социолингвистических ситуаций для изучения его внешних языковых контактов в разнообразных конфигурациях контактирующих языков. Свое яркое своеобразие есть и в ситуации нижненемецкого контакта с русским языком.

К сожалению, из упомянутых аспектов систематическое освещение пока получил только один — судьба и роль нижненемецкого языка в Дании (Winge 1992). Полученные В. Винге результаты чрезвычайно интересны, и, кроме того, ее книга служит опорой и моделью для аналогичных исследований, однако проблематика датско-нижненемецких языковых контактов в ней не исчерпана. Что же касается соседства нижненемецкого и других скандинавских языков, то здесь можно назвать лишь отдельные статьи, посвященные нижненемецкому на норвежской, шведской, а также на датской территории (см. сборники *Niederdeutsch in Skandinavien*, I–IV; а также сборник Ureland 1977), свидетельствующие о пробудившемся интересе к судьбе нижненемецкого за пределами Германии, но также и о том, что работа в этой области только началась. Напротив, узким кругом старых работ ограничиваются сведения по англо-нижненемецким контактам (см. в целом устаревшие работы Bense 1924, 1939 и двухтомник Р. Прибша, Pribsch 1896, 1901, содержащий описание нижненемецких рукописей, находящихся в собраниях Англии). Недавним является и внимание к нижненемецкому в крайних восточных колонизованных землях; изучение нижненемецкого языка Риги или других балтийских городов только начинает приносить первые результаты (Lele 1995; Lele 1996; Pavidis 1996). В этот ряд по праву встает и задача изучения корпуса русско-ганзейских текстов, причем, в силу доброкачественности самого нижненемецкого языка этих текстов, они ценны как важное дополнение истории языка в метрополии. Исследования в этой области пока ограничиваются русско-немецкими разговорниками (Gernentz 1981; 1988; Rösler, Kopplow 1986; Rösler 1990).

Однако имеется и другой аспект, в котором русско-ганзейский материал приобретает дополнительное значение, а именно аспект контактности нижненемецкого, особенностей его контактного поведения при столкновении с другими языками. Ряд особенностей данного конкретного контакта — неблизкое родство языков. различия

различающихся этнопсихологических типов, — все это делает данный материал ценным для изучения нижненемецкого в контактной ситуации, сильно отличающейся от прочих и предоставляющей опору для сравнения и выведения наиболее общих черт, присущих нижненемецкому как смешанному по происхождению и активному по контактному поведению. Для такого сравнения можно привлечь данные о контактной ситуации в Дании, представленные в монографии В. Винге (Winge 1992), и отдельные факты, собранные в статьях, посвященных функционированию нижненемецкого в странах других скандинавских языков. Однако для контрастивных методик более целесообразно рассмотрение контакта на примере системно менее близких языков, в связи с чем параллельное исследование на аналогичном материале предпринято в отношении нижненемецкого языка в Англии.

В данной работе внимание сосредоточено на особенностях контактов нижненемецкого с другими языками. Для решения этой задачи необходимо вовлечь в круг исследования дополнительный материал. Помимо весьма внушительного по объему корпуса текстов, прямо обращенных в инстанции или из инстанций, находящихся на Руси, для прослеживания контактных явлений в нижненемецком языке следует рассмотреть и данные, не связанные прямо с русским адресатом или автором, но связанные с русско-ганзейским культурным контекстом. Например, помимо грамот, направленных в Новгород или из него, следует привлечь и письменные свидетельства третьих сторон о тех же событиях, а также общие документы ганзейских съездов, в которых в конечной инстанции отражается русско-ганзейская информация. Строго говоря, грамоты, направляемые, например, из Ревеля в Любек, или решения Любека или Висби по поводу русских дел не являются русско-ганзейскими текстами, однако если русский и нижненемецкий оказывали какое-то влияние друг на друга, оно должно быть прослежено за пределами непосредственной коммуникации между русскими и немцами, на вторичном и дальнейших уровнях коммуникации.

Предварительно поясним, что даже те параллельные нижненемецкие/древнерусские тексты, которыми мы располагаем, являются вторичными в том смысле, что в них нет непосредственного контакта русского автора и автора-немца, ибо все они, кроме самых поздних, являются результатом перевода немецкой стороной. Тем не менее, они не перестают от этого быть результатом контакта двух языковых систем. Подробнее концепция контакта в связи со стоящими в данном исследовании задачами будет рассмотрена ниже,

мер, новгородские скры) вообще не являются двусторонними, так как они написаны немцами для немцев: так, в случае устава новгородского ганзейского двора, мы, очевидно, имеем текст, первоначально писанный в немецкой конторе в Висби для немецкого же Петрова подворья в Новгороде, а в случае большинства грамот — переписку немецких купцов, находящихся на Руси, с немцами в Германии или Ливонии. Необходимо также учесть, что контактные явления, если они не спорадичны и случайны, должны быть вынесены вместе с русским контекстом на еще более внешний уровень, которым являются высказывания по тому же поводу третьих сторон. Тексты этого плана были, в связи с обозначенными задачами, включены в корпус данного исследования в качестве источников второго коммуникативного плана.

Однако возможности распространения контактных черт этим не ограничивались, так как все рассматривавшиеся двусторонние вопросы и заключенные двусторонние договоры в конце концов находили отражение или упоминание в документах высших ганзейских инстанций — регулярных съездов ганзейских городов или заседаний ганзейских судебных инстанций при разрешении споров. В результате документы общеганзейского уровня содержат пункты, относящиеся к русским делам, предназначенные для циркуляции в масштабах всей Ганзы, а не только причастных к конкретному делу городов. Тексты этого уровня следует рассматривать, на основании этой особенности адресата, как тексты третьего коммуникативного уровня. Прослеживание русско-немецких контактных явлений в текстах этого уровня должно дать важные указания в отношении их адаптации ганзейским письменным языком. Тексты этого уровня, не являясь, как и тексты второго коммуникативного уровня, в строгом смысле русско-ганзейскими, должны, однако, войти в русско-ганзейский корпус, так как они служат прямыми источниками для изучения русско-нижненемецких языковых контактов в рамках Ганзы. Отличие понятия «русско-нижненемецкие тексты» от понятия «русско-нижненемецкий корпус (текстов)» заключается, таким образом, в том, что последние объединяются не по ингерентным им признакам, а в связи с их методической релевантностью для поставленной исследовательской задачи. В случае же закрепления каких-либо интерферентных черт в норме нижненемецкого языка вне связи с историческим и прочим колоритом, эти черты должны проявиться в письменных высказываниях, не связанных с русским контекстом. Свидетельства таких источников также учитывались в качестве важных указаний, но не включены в непосредственный корпус исследования.

Таким образом, здесь будут различаться русско-ганзейские тек-

При выборе исследовательских задач и методов следует учитывать два фактора, накладывающих на этот выбор значительные ограничения. Первым фактором является упомянутое несовершенство имеющихся редакций источников по русско-ганзейским и русско-ливонским связям. При выборе изданий следует, разумеется, придерживаться тех, в которых материал в наибольшей степени лингвистически обработан и комментирован. Так, текст новгородской скры лингвистически надежнее всего представлен в параллельном издании всех семи редакций В. Шлютером 1911 года (Schlüter 1911), лингвистические аспекты учтены и в изданиях русско-ганзейских договоров И. Андреевским и К. Е. Тобиен, хотя все же эти книги задуманы как источники по истории права, а не языка. Таким образом, для тонкого детального фонетического анализа или иных исследовательских задач, связанных с оценкой фонетических данных (например, для прослеживания процессов в словоизменной системе языка) или графематических особенностей текста, эти источники недостаточно надежны. Исключение составляет, пожалуй, метод диалектной атрибуции Р. Петерса, который, хотя и опирается в большой степени на фонетическое варьирование в языке текста, но построен на оценке по совокупности признаков, как графематико-фонетических, так и относящихся к другим языковым уровням (см. Peters 1987–1990), и благодаря этому дает общую картину конкретного диалекта или территориального варианта.

Вторым фактором, ограничивающим исследовательские возможности, являются жанровая специфика корпуса русско-ганзейских текстов и их социолингвистические характеристики в целом. Для правильной оценки текстов и их особенностей необходимо понимать социальный и исторический контекст, в котором они были созданы.

Русско-ганзейские (первоначально русско-немецкие, еще доганзейские) связи имеют давнюю историю, их ранний период не отражен в сохранившихся письменных свидетельствах (Dollinger 1989). Вся русско-ганзейская переписка на нижненемецком языке относится ко времени начиная с момента перехода северогерманских городов и канцелярий на родной нижненемецкий язык, т. е. с середины XIII века. Известно о существовании более ранних торговых договоров между русскими и северными немцами, например, Генрих Лев был в середине XII века связан договором с новгородскими князьями (Barz 1978, 141), однако наиболее ранние сохранившиеся договоры относятся к концу XII — первой трети XIII вв., притом их тексты существуют только на древнерусском: это договор Новгоро-

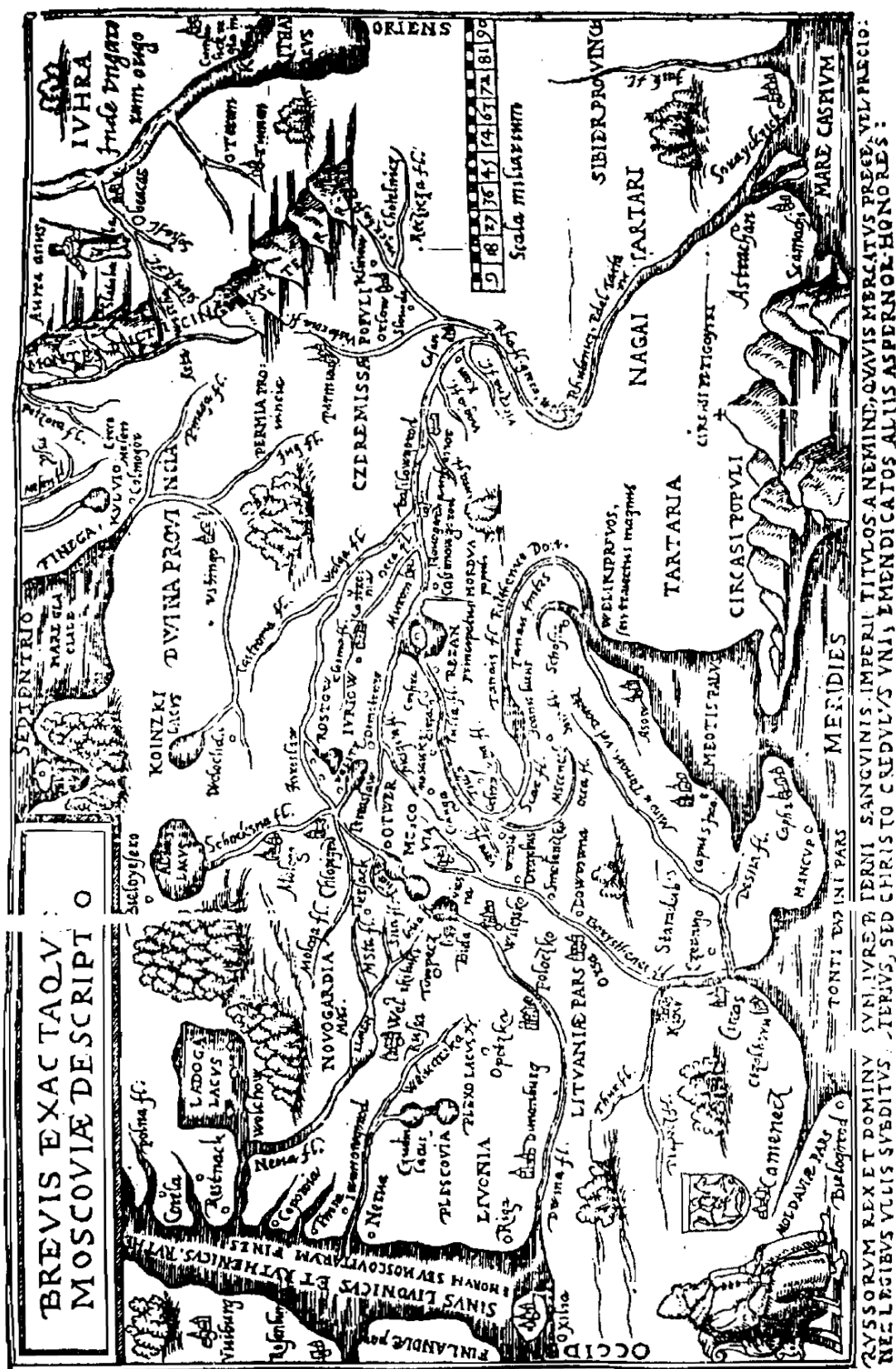

Рис. 1. Карта Московии

Из книги Рerum Moscoviticarum Commentarii... Ioannis Steclij. Antverpiae, 1557

гой и Готландом 1229 года. Относительно того, существовал ли нижненемецкий текст этих договоров, делались различные предположения (Рыбина 1986, 33, прим. 23; также о правовой основе деятельности новгородского ганзейского двора см. Choroškevič 1996, 68–69 и др.), но общий вывод состоит в том, что это маловероятно, так как, с одной стороны, не доказано, что договоры достигли ратификации (а значит, и передачи немецкой стороне с последующим переводом на нижненемецкий), а с другой, нет и следов латинского варианта текстов, который обычно служил черновиком проектов договоров в эту эпоху (Tobien 1845, 45).

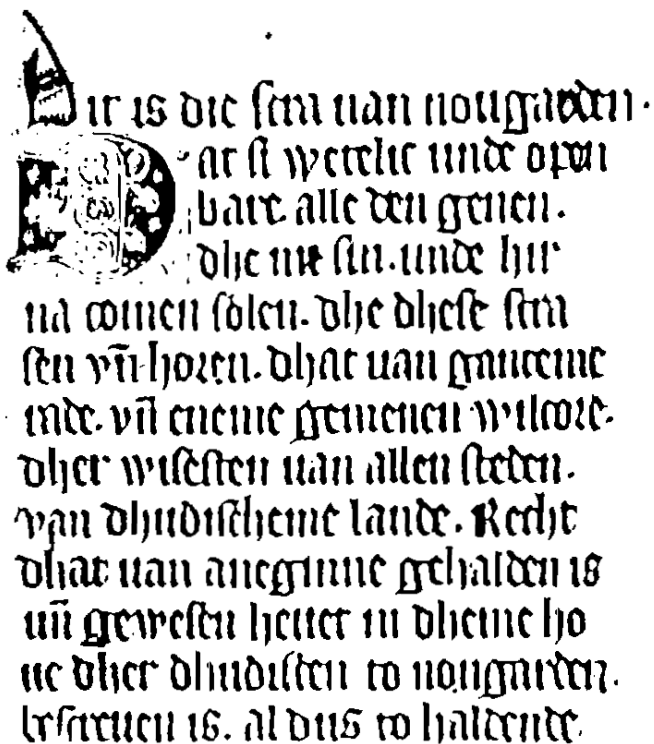
Торговые связи немецких городов Северной Германии с Русью вступили в это время уже в стадию бурного развития и требовали прочной правовой и политической базы. В результате этого активный обмен документами уже в первой трети XIII века носил сугубо официальный характер. Наиболее ранние договоры с Русью перечислены выше. С установлением официальных дипломатических и торговых отношений поток корреспонденции между Русью и городами Северной Германии увеличился. Состав этой массы письменных памятников отличается определенной спецификой, связанной со своеобразием социокультурных условий этого контакта.

Взяв за основу классификацию типов текстов (Textsorten), принятую германистами, изучающими письменные памятники, создаваемые в эту эпоху внутри Германии (Schmidt-Wiegand 1989, 261–283; Hylgaard-Jensen 1985, 1247–1451), можно выделить в русско-ганзейских текстах следующие основные типы:

1) юридические тексты высшего официального уровня, к которому относятся двусторонние политические и торговые договоры: грамота Ярослава 1269 года, Новгородская скра в семи редакциях между 1225 годом и сер. XVI века, мирные договоры (например, Нибуров мир 1392 года и др.), а также многосторонние документы, касающиеся Руси и торговли с ней и аналогичные параграфы решений ганзейских съездов;

2) юридические тексты повседневного значения, обозначаемые у К. Хюльгор-Йенсена как «юридические тексты в широком смысле»: корреспонденция и переговоры, предваряющие и подготавливающие заключение договоров и решения ганзейских съездов, а также следующие за ними, прочие официальные обращения, корреспонденция по более частным поводам (например, жалобы, подорожные грамоты, переписка в ходе подготовки посольств в Новгород или позднее в Москву, в том числе инструкции послам и согласование расходов отдельных городов в организации посольств), и др.;

1603 года и др.). Общим с первыми двумя категориями является их официальный характер и общность не только исходящей инстанции (представители ганзейских городов, организовавших посольство на Русь) и автора (один из послов или его секретарь), но также и их адресата (магистрат Любека или ливонских городов, в зависимости от организаторов посольства). Это означает, что в коммуникативном плане они аналогичны текстам первых двух групп и их социолингвистическое соположение вполне корректно. Однако по содержанию и форме они существенно отличаются от предыдущих категорий. Их можно определить как официальные тексты повествовательного направления. Они образуют особую группу, к которой могут быть также отнесены отдельные грамоты информативного назначения, например, грамота 1441 года, рассказывающая о положении дел на русских рынках (L-E-CUB, Bd. 9, Nr. 755) или показании ливонской женщины, арестованной за шпионаж в пользу Руси в Ливонской войне 1560 года (там же, Nr. 393; см. Skvairs 1996a);

4) лингводидактические тексты, к которым относятся русско-нижненемецкий разговорник Тонниса Фенне 1607 года, разговорники 1551 и 1568 года и разговорник Шrove 1546 года (Falowski 1993; Johansen 1955; Gernentz 1981, 1988; Hammerich, Jakobson 1970; Rösler, Koppow 1986; Rösler 1990).

Рис. 2. Первая страница рукописи Новгородской скры (вторая редакция) — устава ганзейского Петрова подворья в Новгороде

Жанры текстов из других разрядов согласно принятой классификации — «частная жизнь», «наука», «религия», «художественная литература» — в русско-ганзейском корпусе не представлены.

Таким образом, за исключением трех разговорников, относящихся уже к довольно поздней эпохе упадка письменного литературного нижненемецкого, весь массив русско-ганзейских источников относится к сфере управления и права. Лингвометодически

ку их значение и роль в русско-нижненемецком языковом контакте различны.

Таким образом, периоды становления и расцвета письменного литературного нижненемецкого языка представлены в русско-ганзейских источниках только сферой права и управления.

Этот факт решительным образом определяет возможности постановки исследовательских задач, направленных на выяснение характера и результатов языковых русско-нижненемецких контактов, включая и вопрос о том, возможно ли вообще интерферентное взаимодействие в языке этих типов текстов. Дело в том, что составители документов групп 1 и 2, в меньшей степени группы 3, несвободны в своем речевом поведении. Тексты группы 1 относятся к наиболее регламентированным и клишированным, хотя есть определенные различия в механизме этой регламентации в случае различного рода уставов, уложений, с одной стороны, и в случае договоров дипломатического или торгового характера, с другой.

Уставы и другие правовые своды, как правило, не оригинальны, а пишутся на основе более старых и престижных образцов. Так, например, статуты Тевтонского Ордена писались по образцу устава ордена темплиеров, копию которого магистр этого ордена торжественно именно с этой целью передал учреждающимся тевтонцам в 1198 году (Perlbach 1890, XXVII; Minzloff 1853, XXIX, XXXIII, XLI). Разумеется, такая передача символизирует преемственность в целях и идеалах и означает совершенно несимволическую политическую или административную зависимость от дарителя. Тексты городского права могли передаваться, образуя многоступенчатые связи: Любек, например, унаследовал текст своего городского права от *Jus Ottonianum* и передал его дальше на восток городам вдоль всего Балтийского побережья. Шире всех «тиражировались» таким образом тексты городского права Любека, Зоста и Магдебурга. Это означало, что в языковом отношении городское право не столько отражает койне такого «подшефного» города (Gleissner 1972), сколько передает и диктует ему языковую норму города-дарителя, насаждая ее в его канцелярии и таким образом распространяя норму влиятельных городов на больших территориях. Поскольку в русских делах высшей административной инстанцией и апелляционным судом был в период расцвета Ганзы Любек, а позднее Ревель, то неудивительно, что в корпусе русско-ганзейских текстов в основном господствует любекская письменная литературная норма.

Договорные грамоты высшего уровня могли служить подтверждению или возобновлению ранее заключенных договоров и поэтому значительно повторяли их по форме, а следовательно, и по

вершенно исключенной. Это зависит, разумеется, от положения дел в каждом из контактирующих языков. Например, язык, не располагающий развитой системой функциональных стилей, включающей установившийся деловой стиль, рискует подвергнуться сильному влиянию со стороны языка, имеющего развитый стиль деловой письменности. Очевидно, что иным будет результат взаимодействия двух языков, из которых каждый обладает развитым стилем делового письма⁴. Это означает, что контактировать могут, скорее всего, не языковые системы в целом, а лишь определенные функциональные регистры или даже отдельные их фрагменты в пределах определенного типа текстов. Если оба языка обладают достаточно закрепленной нормой делового письма, их взаимодействие все же может не ограничиваться простым переключением кодов, без каких-либо контактных искажений в языке-цели. Эти нормы могут различаться, причем тем больше, чем больше различаются культурные и исторические традиции, в которых развивалась словесность обоих языков. Таким же точно образом, при значительной формульности языка грамот в обоих языках речь идет о различных наборах формул, и на этом уровне можно также ожидать взаимодействия различных по характеру и происхождению систем формул, сложившихся в языке грамот различных народов, определяемого очевидно, целой обоймой социальных и культурных факторов. На существенность самого фактора формульности языка немецких грамот при исследовании последних в качестве письменно-литературного жанра впервые указал Г. Кордес (Cordes 1959, 74–75). В отношении же затронутых экстралингвистических факторов хочется сразу же заметить, что ожидать при контакте однозначного воздействия со стороны одного языка на другой по принципу «более престижный влияет на менее престижный» — значит сильно упрощать дело. Нижненемецкий письменный вариант ганзейской эпохи обладал престижем и значимостью, которые сравнивают с престижем английского в современном мире, однако вопрос о том, в каком направлении могут идти контактные процессы, зависит, помимо престижности, от многих социальных факторов и от их специфического сочетания в данной конкретной ситуации. Среди них фактор престижа, культурного превосходства или политического или торгового господства не только не связан напрямую с направлением языкового влияния, но может, как показывает нижненемецкий материал, при определенных условиях, находиться в обратном отношении к последнему. Принимая во внимание все вышесказанное, можно сформулировать две взаи-

2. Социолингвистическая характеристика ситуации русско-ганзейского языкового контакта

История русско-ганзейских торговых связей находит отражение во всех очерках истории Ганзы (Dollinger 1989), кроме того, в историографии Германии и России существует давняя традиция исследований различных конкретных сторон торгового сотрудничества Ганзы с Русью (Андреевский 1855; Koppmann 1893; Stieda 1884; Ahlers 1939; Goetz 1916; Goetz 1922; Angermann 1994; Angermann, Endell 1989; Kurtz 1983; Johansen 1963; Leuschner 1980; Казакова 1975; Хорошкевич 1963, Choroškevič 1996; Рыбина 1986).

Безусловно главным социальным фактором, влияющим на степень и характер русско-ганзейского контакта вообще и языкового в частности, следует считать чрезвычайную выгодность торговых связей и вытекающую отсюда желательность установления взаимопонимания и благоприятного общения.

О заинтересованности Ганзы в русских рынках хорошо известно. Интересы отдельных городов, входивших в ганзейский союз, координировались через его центральную инстанцию, которой в начале отношений с Русью был Висби на Готланде, затем в течение долгого времени город Любек, в дальнейшем все дела Ганзы с Русью велись через Ревель. С помощью этого механизма координации и взаимного улаживания спорных вопросов в судебных и апелляционных инстанциях Ганзы и на частых общих съездах Ганзы устранялась конкуренция между 73 городами, входящими в союз. Однако не одна Ганза была заинтересована в балтийской торговле с Русью. В этом с ней соперничали не только имперские интересы самой Германии, но и Тевтонский и входивший в него в виде составной части Ливонский ордена. Кроме того, Русь притягивала интересы других держав, в первую очередь тех, которые зависели от торговли на море — Фландрии, Дании и Англии. Географическая близость к пределам Руси давала Ганзе сильное преимущество, которое она эффективно использовала, перекрыв своим западным соседям путь на Русь. Кроме того, Ганза приложила огромные усилия для того, чтобы дополнить эти меры языковой блокадой.

Международная политика и торговля Северной Европы располагала в различные периоды истории Ганзы различными языками для международного общения. На ранних этапах этим языком была латынь, однако в дальнейшем, как сказано выше, такой «lingua franca» стал нижненемецкий. Определенная доля общения приходилась на нидерландский язык, использовавшийся в общении с городами

ки в Лондон нанять «enen wisen taleman, dey wol fransos kunne spreken» [3]; HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 100). В целом, однако, ясно, что Ганза была заинтересована в установлении коммуникации на нижненемецком языке, так как документы рассылались по всем ганзейским городам, которых касалось их содержание, кроме того, экземпляры документов общеганзейского значения (протоколы и решения съездов, тексты двусторонних или многосторонних договоров и др.) хранились в ратуше Любека, а позднее Ревеля. Таким образом нижненемецкий стал как средством общения, так и средством контроля над североевропейской торговлей со стороны немецких городов. Однако ключом к блокаде Руси была монополия на русско-нижненемецкий перевод. Именно этой монополией и завладела Ганза, во-первых, взяв на себя обязанность переводить всю русско-ганзейскую корреспонденцию на русский и с русского языка, а во-вторых, закрыв нидерландцам, англичанам и другим западным конкурентам доступ к овладению русским языком. Об этом красноречиво свидетельствуют принятый на съезде 1423 года в Любеке запрет «dat man jennigen Hollandesschen jungen up de sprake bringe» [4] и решение лифляндского ганзейского съезда в Вольмаре 1434 года: «Ok en sall man neynes Hollanders, Zeelanders, Campeers, Vlaminghe noch Engelsche jungen doen noch doen helpen up de sprake» [5] (HR, Abt. I, Bd. 7, Nr. 609; HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 226, см. подробнее Rösler 1990). Целью этих усилий Ганзы было удержание в своих руках связей между Западной Европой и Северной Русью.

Знание русского языка считалось очень важным и ценным качеством для купца, ведущего торговые дела с Русью. Русско-немецкие разговорники Шрове, Фенне и анонимный разговорник 1568 года, как показывает их анализ, скорее всего, были не единичными трудами такого типа, а представляли целую традицию (Rösler 1990). Авторами этих разговорников, как правило, бывали молодые купеческие сыновья, так как людям старше 20 лет считалось уже нецелесообразным начинать поприще, связанное с изучением такого сложного языка, как русский: «Nen lerekindt boven twintich jar olt scal leren de sprake in deme Nougardeschen richte noch to Nougarden enbinnen, he se we he si, de in des kopmannes rechte wesen wille» [6] (цит. по: Stieda 1884, 159). На роли таких купеческих сыновей, обучавшихся русскому языку, так называемых *sprakelerers*, остановимся подробнее в разделе 2.3 «Языковые различия. Проблема перевода и переводчиков». По разговорникам купцы могли научиться вести беседы на повседневные темы, торговаться, обсуждать качество и цену товара, заключать устные сделки. Из тематики этих разговорников ясна их повседневная необходимость. Поэтому можно предположить, что хотя для веде-

в 1406 году имущество новгородского Петрова двора было передано на хранение в Ревель, в его описи значится русская книга записей: «1 rusch denkebok» (Napiersky 1868, 128). Таким образом, ганзейцами делалось все, чтобы информация из Руси могла проходить только через их руки: недоступные западноевропейским соседям русские оригиналы переводились немецкой стороной и уже только через нее могли стать доступными Европе.

Главной и сознательно преследуемой целью этой языковой политики был контроль над русской торговлей. Располагая к тому же наиболее совершенными торговыми кораблями, Ганза и в транспортном отношении монополизировала русско-европейские связи. Ее стараниями все контакты происходили на русской почве, попытки же русских купцов снарядить свои караваны на запад решительно ею пресекались. Так произошло, например, в 1567 году, когда русские купцы попытались снарядить в Ревеле корабль в Висмар (v. Hansen 1890, Nr. 79).

Рис. 3. Меха — основная статья экспорта Новгорода на Запад

С другой стороны, и Русь была заинтересована в торговле с Ганзой. Ключевую роль в ней играл Новгород: «Благосостояние Новгорода опиралось единственно на торговлю» (Костомаров 1995, 83), и он не только собирал необходимый товар из северных русских земель (меха), но и постоянно следил за тем, что-

произведений, служивших предметом вывоза за границу, особенно воска, и куда со своей стороны новгородцы могли сбывать заморские товары» (Костомаров 1995, 83). Удерживать главенствующее положение было нелегко, так как еще со времен Андрея Боголюбского владими́ро-суздальцами велись попытки перехватить инициативу и в самом Новгороде была владими́ро-суздальская партия, добивавшаяся подчинения торговых дел Новгорода центральным княжествам.

Так создалось положение, когда с одной стороны Ганза, представлявшая собой разветвленную структуру, охватывавшую свыше 70 городов, не скрепленную государственными рамками, а с другой стороны Новгород, на котором замыкалась западная торговля больших русских территорий, играли совершенно аналогичную роль узкого горлышка, через которое соединялись два обширных региона. Сомкнувшись друг с другом, Ганза и Новгород образовали точку соединения крупных интересов, в которой обе стороны были максимально заинтересованы в установлении взаимопонимания и благоприятного контакта. Эта заинтересованность и есть, с нашей точки зрения, главный социолингвистический параметр, детерминировавший степень и характер контакта. Он определяет ту установку на достижение контакта, ту готовность на контакт и восприимчивость к чужому, которые составляют психологическую основу, на которой возможен языковой контакт.

Препятствиями для этого контакта были различия в правовых и деловых традициях, религиозные различия и язык.

2.1. Различия в правовых представлениях

Правовые представления русских и ганзейцев, исторически связанные с различными традициями, расходились в ряде моментов, и для понимания социолингвистических сторон ситуации контакта небесполезно выяснить, каким образом (например, усилиями какой из сторон) они преодолевались. На этот счет есть некоторые косвенные указания, говорящие о том, что Ганза была готова приспособливаться (разумеется, когда речь шла о сопутствующих моментах, а не о главных пунктах сотрудничества). Например, текст торгового договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 года подготавливался, очевидно, в несколько этапов. Существует латинский и нижненемецкий варианты этого договора. Согласно принятой точке зрения, предложения немцев были первоначально изложены на латыни, и этот набросок представлен для согласования статей договора с русской стороной. У текстологической проблемы, связанной с этим договором, есть

чательного, нижненемецкого, текста (списка) по сравнению с латинским. Кроме изменений в основных, принципиальных, пунктах договора, которые менее показательны для наших задач, следует упомянуть значительное смягчение всех пунктов, связанных с наказаниями. Так, по требованию русской стороны (Tobien 1845) был снят пункт о телесном наказании за воровство (ст. III), значительно смягчено наказание за вторжение новгородцев на территорию немецкого торгового двора (ст. XII), опущен пункт о наказании за порчу забора и ворот подворья (ст. XIII), в пункте о захвате жены и детей в случае побега провинившегося новгородца выпущено упоминание о детях (ст. XVIII). Немцам не удалось провести пункты о свободной торговле в Новгороде за пределами двора и об обучении немецких купеческих сынов местному языку. Отраженный в этих поправках ход процедуры согласования ясно показывает, что немецкая сторона была готова оставить последнее слово за русской стороной. О той же готовности немцев принять обычаи партнеров говорит и то, что в окончательный вариант введены характерные для русских грамот элементы структуры текста: русский зачин и поименное перечисление всех участников договаривающихся сторон.

Ответить на первый вопрос, имелся ли у договора на каком-либо этапе подготовки русский прототип, сложнее. Отмечаемые исследователями (Tobien 1845, 80) русизмы как в нижненемецком, так и латинском вариантах интерпретируются как намеренно подобранные с целью облегчить дальнейшую передачу содержания по-русски. Это весьма тонкое объяснение фактически ставит проблему стилистической интерференции, некоего предвосхищающего уподобления немецкой и латинской системы русской системе в процессе перевода. Ниже это предположение неоднократно подтвердится на материале ганзейско-новгородских текстов. Пока же достаточно отметить, что в способе преодоления правовых различий просматривается стремление ганзейцев приспособиться к партнерам.

Что касается различий и конфликтов в деловой, политической и других практических сферах, то материал полон упоминаний об ограблениях ганзейского двора и пожарах, о пленении и казнях ганзейцев и прочих тяжелых событиях. Не только конфликты повседневной жизни, но и частые за историю существования двора войны и блокады прерывали нормальную деятельность купцов и становились темой для обмена грамотами и жалобами как с Новгородом, так и между ганзейскими городами и в конце концов выносились на ганзейские суды и съезды. Надо сказать, что

2.2. Проблема религиозных различий в правовой ситуации

Одной из существеннейших сторон взаимоотношений Руси с Западом были, разумеется, религиозные различия.

В литературе достаточно сказано о завоевательном характере как восточной колониционной политики Германии в целом, так и ее наиболее отдаленных, однако не удавшихся планов — распространения своего могущества за пределы Ливонии, на Русь. Крушение этих планов, связанное в русской истории с именем Александра Невского, очевидно, не случайно предшествовало установлению мирных связей, прочно обеспеченных двусторонними дипломатическими и торговыми соглашениями. Деятельность Ганзы на востоке носила также экспансионистский характер, как, впрочем, и на крайнем западе ее сферы влияния, в Англии, где король и Тайный Совет видели в расширяющемся влиянии и растущем богатстве ганзейского Стального двора (включавшем немалые земельные владения в Лондоне) опасность для национального благополучия и неоднократно пытались ограничить присутствие ганзейцев, вмешаться в их финансовые дела, а то и закрыть двор. Последнее было окончательно сделано Елизаветой в 1598 году. Определенное сходство с положением на Руси несомненно есть. Однако если Ганза совершала свою экспансию путем финансового освоения, овладения недвижимостью и блокирования рынков, неизменно ставя экономические цели впереди любых политических и идеологических соображений, то имперская власть и папство через Тевтонский Орден преследовали на востоке задачи территориального и политического расширения, важной составной частью которого было религиозное обращение. В этом смысле взаимоотношения имперских и орденских инстанций с Русью были прямым продолжением восточной колонизации. Понятно, что в отношении Англии ничего подобного не было. Таким образом, восточная экспансия включала три течения — расширение владений германских императоров, распространение политического и экономического господства католицизма на земли, еще не приведенные под власть папы, и захват рынков союзом торговых городов Германии. Эти три силы отнюдь не во всем действовали согласованно, а подчас и прямо соперничали. Первые два течения тесно переплетались, тогда как третье развивалось особняком и часто противоречило первым двум. Начатые Генрихом Львом исторические инновации преследовали цели, противоречащие целям как имперской власти, так и папства. В его деятельности религиозная идея была всего лишь прикрытием практических планов, осуществившихся в

религиозного обращения завоеванных восточных соседей связана с этой линией восточной колонизации лишь внешним образом. Консолидированные в ходе преобразований Генриха Льва социальные силы, в дальнейшем представленные Ганзой, относились к этой религиозной задаче в зависимости от ее прагматической приемлемости. Что же касается имперской политики освоения востока, то она прямо и неразрывно связана с политикой церкви.

Это не единственный момент, в котором расходились интересы Ганзы, с одной стороны, и имперского центра и Тевтонского Ордена, с другой. Главным предметом их споров постоянно было политическое и экономическое господство в новых землях. В текстах есть свидетельства борьбы между Орденом и антиорденской партией за главенство в балтийских городах, которая не утихала в течение долгого времени. Так, в жалобе Верховному магистру орденский кандидат на судебную должность в Риге так отзывается о победившем кандидате от городской партии Риги: «seker dat en were den ordin nicht so sorchlick noch so schedelick, dar Russen, Tartaren, Littouwen und Sameyten des ordin vyandt weren, als dat de broder to Lifflande euwer gnaden ungehorsam siin» [7] (L-E-CUB, Bd. 9, Nr. 392). Со своей стороны, его рижский соперник разделял эту непримиримую неприязнь и имел к орденским братьям целый список претензий, упомянутый в той же грамоте: этот Дидерик Нагель «gaff in der Rigeschen sake vele boser articule weder den ordin und sprach, se weren papenmorders, kerkenberners und rovers und des hilgen kristengeloven verstu(r)ers...» [8].

Имперский центр и Орден, с одной стороны, и Ганза и городские власти, с другой, так же жестоко соперничали в борьбе за русский рынок. Стремясь к одной и той же цели во внешнеэкономической области, они различались в том, какое место в ней занимала религиозная идея. Это со всей отчетливостью проявляется в документах русско-ганзейских и русско-орденских отношений. Так, в послании 1371 года венгерской королеве Елизавете, в котором папа Григорий просит ее убедить князя Мазовецкого не оказывать помощи литовцам и русским в их войне против Тевтонского Ордена, говорится о «неверных литовцах и русских раскольниках, нападающих на братьев (тевтонцев) и других христиан» («infideles Litwanos et nonnullos Ruthenos scismaticos... impugnantes ipsos fratres et alios christianos...», см. Napierksy 1868, Nr. XCV). Противопоставление русских орденским братьям и «другим христианам» весьма показательно для той вплетенности религиозных пропагандистских моментов в политические и военные задачи церкви. Естественно, что та же риторика перекочевала и в документы орден-

зывал русских и по-нижненемецки (правда, следует заметить, что подавляющее большинство документов, исходящих из орденских канцелярий, писались, как и грамоты имперских инстанций, на латинском и верхненемецком): магистр Ливонского ордена пишет грамоту на нижненемецком Ревелю (1442 г.) с запретом продажи зерна русским, в которой говорит о «den ungelovigen Rossen von Grote Nowgarden» [9] (см. L-E-CUB, Bd. 9, Nr. 870). Слово *un(ge)lovich* имело в средненижненемецком значения «неверующий, суеверный, нехрист, язычник» (Lübben 1990, 436), то есть было в применении к православному христианскому народу терминологически неверным. В этой связи особенно интересно, что религиозные отличия русских воспринимаются Орденом с большей враждебностью, чем язычество балтов, ср. «den ungelovigen Rossen» (2 раза в грамоте магистра Ливонского Ордена Ревелю 1439 года), но, с гораздо большей снисходительностью, о ливонцах: «den armen Undutschen landtman» (там же, Nr. 523). Смысл такого словоупотребления ясен: за весь исторический период между 1240-ми годами, когда тевтонское нашествие было остановлено у порога Руси, и до окончательной гибели Ордена в результате Ливонских войн Ивана IV, Орден относился к Руси крайне враждебно, периодически воевал с нею и не переставал стремиться к реваншу. В отличие от русских, балты, покоренные в ходе колонизации, перестали быть врагами Ордена, а превратились в предмет его заботы.

Важным представляется и то обстоятельство, что Орден фактически нашел в лице Руси и православия соперника, опередившего его в Ливонии. Задолго до событий на Чудском озере Новгород распространил свое влияние на запад и начал обращение чуди в православие (Костомаров 1995). Следы влияния сохранились до сих пор, например, в латышском языке в виде заимствованной из русского языка христианской лексики: такие слова, как латш. *baznīca* «церковь» (< друс. диал. *бозъница* «храм»), *greks* «грех» или связанное тесно с нашей темой латш. *gramata* «книга», ранее «алфавит, письмо, грамотность, документ» были, в числе многих других, заимствованы до XIII века (Karulis 1992, 115, 312, 306–307). При столкновении с Орденом, утвердившимся в Ливонии, сопротивление части местных православных и поддержка их со стороны Руси заставляли Орден с древних времен видеть в Руси поборников язычества и врагов Христовой церкви: «Русские представлялись на западе врагами Св. отца и римско-католической церкви, даже самого христианства», — пишет Н. И. Костомаров (Костомаров 1995, 127). Аналогично развивались отношения Новгорода на севере с католической Швецией по поводу влияния на финнов. Папа римский побуждал и немцев и шведов равным образом, с двух сторон, к действиям про-

году папа Николай V освобождает Тевтонский Орден в Пруссии и Ливонии от уплаты двух третей налога с тем, чтобы эти средства пошли на дело «возвращения греков и русских в лоно католической церкви», причем оставшаяся треть предназначается венграм на их борьбу с турками. Русские, таким образом, уравниваются с турками, как неверные, и обозначаются в папской грамоте словами *infideles, hostes et inimicos fidei* (Napiersky 1868, Nr. CCXLVII).

Религиозными различиями или общностью в большой степени определялось отношение к другому народу как к своим или чужакам. Например, тесная религиозная близость (наряду с языковой близостью, допускавшей полукоммуникацию) обусловила бесконфликтное существование бок о бок датского и немецкого городского населения вплоть до XVII века (Winge 1992). Понятие *Undeutsche*, включавшее балтов и славян колонизованных территорий, обозначало чуждость языка, веры и имени (Johansen, Mühlen 1973). В дополнение ко всему сказанному важно отметить, что принадлежность к двум разным, но родственным конфессиям могла порождать больше враждебности, в особенности со стороны отцов церкви и ее институтов, чем отсутствие всяких точек соприкосновения. Близость основных догматов затрудняет миссионерскую деятельность и повышает сопротивление обращаемых, так как им трудно понять, чем их вера хуже новой.

Такой важный мировоззренческий аспект, как различия веры, должен быть в числе наиболее важных социолингвистических факторов, сопровождающих русско-нижненемецкий языковой контакт. В связи с этим примечательно, что пейоративных характеристик, связанных с религией, подобных тем, что приведены выше из материала папских и орденских инстанций, совершенно не обнаружено в ганзейских текстах. Ни ганзейские инстанции в Германии или Ливонии, ни община ганзейских купцов в Новгороде нигде не допускают ни малейшего отступления от официального тона и принятых форм обращения и величания; напротив, все ссылки на веру и бога, содержащиеся в большом количестве в описываемом корпусе текстов, делаются совершенно инклюзивно, без уточнения каких-либо различий. Приведем примеры из русско-ганзейских источников.

Пример 1. Официальная по содержанию и форме подорожная, данная дьяку митрополита Киевского Исидора городом Данцигом (1438 год, на нижненемецком языке) называет последнего полным титулом: «*de erwerdigste und grotmechtige here metropolitanus van Constantinopell und over alle Ruszlande in der geistlicheit overste*». [10]

Пример 3. Грамота Любека архиепископу Новгородскому и всем жителям Новгорода по поводу ущерба, нанесенного немцами русским купцам на Неве, 1420 года, открывается обращением: «Erwerdigeste gestlike vader in Gode unde mechtige here, her ertzebiscop». В дальнейшем в тексте находим «leve gestlike vader», «leve erwerdigeste gestlike vader» и «juwe geestlike herlicheid unde leve»; заканчивается грамота «beware God almechtich tho langen zaligen tiden, bedende over uns» (HR, I, Bd. 6, Nr. 137). [12]

Пример 4. Ганзейские купцы имели особые основания уважать новгородского архиепископа, так как он имел большое влияние на светские дела в Новгороде. Часто, особенно по спорным делам или жалобам, ганзейские города обращались не к светским инстанциям в Новгороде, а к владыке. Особенно характерен один эпизод, показывающий, какое большое значение придавалось ганзейцами вмешательству архиепископа. Отношения между Новгородом и Ганзой обострялись многократно, и ганзейские купцы, жившие в Петровом дворе в Новгороде, почти постоянно находились в очень тяжелых условиях, часты были конфликты с местными жителями и властями. В 1417 году, стремясь спасти зашедшие в тупик переговоры о возобновлении отношений, ганзейские города обратились за помощью к владыке Симеону, прося его благословить новгородцев на заключение договора. Запись об этих событиях сохранилась в трех вариантах: в грамоте самого владыки, направленной в Ригу, Дерпт и Ревель, в грамоте новгородцев тем же городам и в словах из грамоты Риги, Дерпта и Ревеля, приведенных в грамоте новгородцев (HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 482–484). Такое трехстороннее освещение одного и того же эпизода позволяет сравнить формулировки (1) титула и обращения, (2) просьбы и (3) результата — принятия благословления, — в передаче трех сторон:

Симеон: (1) van deme ertzebiscope van Nougarden Smonen,
(2) dat ik solde segenen de myne,
(3) also hebbe ik myne kindere gesegent,
unde de hebben myne segeninge to sik genomen alze myne kindere; [13]

Новгород: (1) tho unseme vadere, deme ertzebiscope van Nougarden Smonen,
unse hilge vader, ertzebiscope, etc.
Smonen, unses vaders,
(2) Grote Nougarden unde sinen kinderen de segenynghe gaf,
(3) unde Groten Nougarden nam des ertzenbisscopes segenynghe, [14]

ганзей- (1) (wii bidden dy) hilge vader, ertzebischoep van Nou-

Те же формулировки используются и в грамоте Новгорода городу Дерпту 1421 года, где в ссылке на мир 1417 г. вновь упоминается эпизод благословения (HR, Abt. I, Bd. 6, Nr. 304).

Как видно из сравнения трех вариантов в примере 4, а также из других примеров, формулировки не обнаруживают релевантных отклонений, указывающих на какие-либо изменения или уточнения в обращении и величании. Ссылки на Господа не опускаются и делаются полностью инклюзивно.

Пожалуй, самым ярким примером толерантности ганзейцев к различиям в религиозных институтах и обрядах является их отношение к русскому правовому обряду целования креста и связанное с этим обращение с самим термином *crucekussing*. Однако, поскольку этот термин входит в одну из самых важных и постоянных формул языка русских грамот, об этом пойдет речь ниже в связи с языком грамот. Здесь же можно на рассмотренном материале сделать вывод о том, что при всей важности той роли, которую играли в жизни общины церковь Св. Петра на ганзейском дворе и священник, и при той жесткости распорядка жизни общины купцов в Новгороде, религиозные различия не накладывали заметного отпечатка на отношения ганзейцев к русским партнерам и официальным инстанциям.

2.3. Языковые различия.

Проблема перевода и переводчиков

Выше уже говорилось, что среди русско-ганзейских текстов есть несколько, существующих в виде параллельных русского и нижне-немецкого вариантов. В связи с ними можно представить себе процедуру перевода документов, без понимания которой нельзя построить модель языкового контакта в этой ситуации.

Текст договора Новгорода с ганзейскими городами 1392 года (так называемый Нибуров мир) существует в двух синхронных вариантах — русском и нижненемецком. Не вызывает сомнений, что оригинальным был русский текст, который затем переведен на нижне-немецкий. Экземпляры рассылались в основные инстанции Ганзы (Любек, Висби, Ревель) и другим причастным сторонам, благодаря чему мы располагаем несколькими нижненемецкими списками. Два из них снабжены пометками, проясняющими вопрос перевода. Рукопись R (хранящаяся в городском архиве Ревеля) имеет надпись: [Dit is de copij]a de crucekussinge der Russen van der nyen privilegie in Dudesch [getolket] aldus ludende] [16]. Другая рукопись, R1 (также из городского архива Ревеля), имеет в конце приписку:

Примерно так же обстояло дело и в 1415 году, в котором произошел казус, описанный в грамоте города Дерпта городу Ревелю. Дерпт за неимением русского писца обращается к совету Ревеля с просьбой, если Ревель располагает русскоязычным писцом, перевести грамоту и отослать в Новгород (HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 165). В грамотах менее официального содержания часто прямо в тексте есть указание на перевод. Например, письмо 1417 года от Дерпта Ревелю (HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 484) сообщает о приезде новгородских послов с двумя грамотами, одна из которых заверена печатью архиепископа Новгородского (*den enen under des ertzebisscopes ingesegele*), а другая — городской печатью Новгорода Великого (*den anderen under Grote Nougarden ingesegele*). Последнее несомненно означает, что привезены оригинальные русские новгородские грамоты, причем только в русском варианте, так как содержание этих грамот приводится в письме после следующей вводной фразы: «*up Dusch utgetolket ludende van worde to worden, alse hiir na steid gescreven*» [18]. В том же 1417 году совет Дерпта сообщает совету Ревеля о тех же новгородских грамотах в другом письме, в котором повторяются те же фразы, а в конце еще раз указывается, что грамоты были переведены на немецкий: «*Desse vorgescrevene Russche breve, utgetolket in Dusch, hebben wi... na gesant tor Rige*» [19] (L-E-CUB., Bd. 5, Nr. 2161).

В посольском отчете 1436 года рассказывается о жалобе, с которой новгородцы явились к послам на двор, где она, как обычно, была переведена на немецкий язык («*de clegeliken zake..., de up Dutzsch worden uthgetolket unde gescreven...*» [20] (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 586)). Ниже в этом же документе упомянут и переводчик, который, очевидно, выполнил эту работу — «*Hermen unse tolk*» (там же, с. 514). Что посольствам придавались собственные переводчики, видно и из финансового отчета посольства юрьевского посла Томаса Шрове (Thomas Schroue) в Москву в 1494 году: среди расходов означено и жалованье переводчику за 18 недель (*Den tolcke gegeven vor 18 weken lon 13^{1/2} марок*) — это в полтора раза больше, чем заплачено за то же время слуге («*Hinrick Kummen, eunen deuner*») (HR, Abt. III, Bd. 3, Nr. 433). В грамоте Любека лифляндским городам также предлагается направить в Новгород посла «*vnde tovoghen ene enen guden tolk*» [21] (LUB-I-8, Nr. DXLIX). В письме 1421 года немецких купеческих сынов, находящихся в Новгороде, в Ревель (HR, Abt. I, Bd. 6, Nr. 314) рассказывается о тяжелых событиях, связанных с пленением немецких купцов в Новгороде и гибелью ганзейского гонца от рук новгородцев. Он был перехвачен новгородцами с письмами на волю, которые новгородцы заставили перевести («*de breve worden den*

Чтение переведенной грамоты вслух было обычной формой вручения официальной грамоты и доведения ее содержания до сведения адресата. Таким же обычным было и зачитывание ответа. О таком эпизоде рассказывает письмо ганзейской общины Новгорода в Дерпт (HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 616): они описывают сцену ответа на послание, привезенное посольством Ивана Эппеншеде (Iwan Eppenschede) в 1409 году: «De bref wart upgeantwordet upe des bisschopes hove, unde wart gelesen, dar wy jegenwordych weren...» [23]. Сходным же образом те же авторы рассказывают о том же самом в письме Ревелю (Nr. 617): «De Nouwerder lesen eren bref oppenbare, dar wy jegenwordych weren...» [24].

В письме магистра Ливонского Ордена (1420 год, на верхненемецком) также есть указание на то, что перевод русского документа делался в орденской инстанции: «des briffes abescrifft hir czu Dewtsche, nach dem Ruwsschen» (Napier-sky 1868, Nr. 210). Письмо магистра Ливонского Ордена Вальтера фон Плеттенберга Верховному магистру Альбрехту от 22 мая 1515 года наполовину посвящено трудностям дипломатического общения с русским двором (Napier-sky 1868, Nr. 349). Так, послу Ордена было предписано истребовать у русской стороны ответа на латыни или немецком языке («die anthwordt auff Latein ader Teuttz, auss der Canntzlie des Grosfurstenn furdernn»), однако «hott der bothe die anthwordt nicht anders dann auf Reussisch nach gewonth Irer Cantzlye konnenn Irlanghen». В результате пришлось «breff durch vnsern hemlichenn geschworenn vnnd Getruenn Tolmetzenn habenn lassen teuttzschen vnnd inn aller mossenn vonn worthenn zu worthenn... Losszenn auss Settzenn...». Далее автор оправдывается в проволочках с передачей грамоты, указывая, что единственной их причиной было то, что «wir vnsernn ghesworenn Tolmetzenn nicht zur Stelle bei vnns gehabth, wie woll wir mher tolmetzenn vnnd andernn die der Sproche vnnd schrifft irfarenn bie vnns habenn...». Из этого отрывка ясно видно, что западная сторона в сношениях с Русью должна была полагаться на своих собственных переводчиков и тех, которые «язык и письмо у нас познали». Важно также указание на присягу, под которой находился такой профессиональный переводчик. При наличии переводчика только с одной стороны его роль в переговорах, разумеется, становилась исключительной. Известен случай, когда переводчик, обвиненный в неточной передаче смысла, был приговорен к суровой казни, но сумел избежать ее, доказав правильность своего перевода. Аналогично обстояло дело и в обмене грамотами с Орденом. Так, магистр Ливонского Ордена сообщает (в письме 1420 года, на верхненемецком, Napier-sky 1868, Nr. 211) Верховному магистру Тевтонского Ордена о грамоте

В начале XVI века, однако, русская сторона располагала переводчиками, знающими немецкий язык. Так, в отчете Иогана Роде о посольстве в Новгород 1510 года говорится уже о целом штате переводчиков и писарей при дворе великого князя: первым послов приветствовал княжий переводчик Власий (*Blasius, des grotforsten tolk*, HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 541), на следующий день к послам приходил писарь великого князя («*her grotfurste schriver Sommerocke*») в сопровождении четырех переводчиков и многих бояр («*myt 4 tolken unde etlicken bojaren*») с дарами послам от князя (там же, с. 651). Еще через день, в понедельник, состоялось вручение письменного послания, которое во вторник было переведено под руководством Власия в резиденции посольства, то есть в их присутствии: «*dar de heren sendebaden... sulvest mochten horen unde weten, wo idt utgetolket worde*» [25] (там же, с. 651).

Из этих примеров ясно видно, что до определенного, довольно позднего времени перевод между русским и нижненемецким языками делался немецкой стороной при помощи толмачей и переводчиков. Последние часто были из числа эстонцев и ливов, знавших русский язык. Имеется немало документальных свидетельств о таких профессиональных переводчиках — жителях Ливонии, например, в 1440 году Иван Эппеншеде, хорошо известный по документам гражданин Юрьева, отчитывается перед Любеком в получении взысканной с некоего Гереке Хобера суммы в 46 марок 2 шиллинга, «*de Hinrik van der Heyde vor Ghereken, de sprake rusch unde eetensch to lerende, utgegeven hadde*» [26] (L-E-CUB, 9, Nr. 650; также LUB, 7, Nr. 844). На основании многочисленных подобных свидетельств можно косвенно предположить, что обучение и русскому, и эстонскому языкам было доступно немцам в балтийских городах, в данном случае в Дерпте. Существование значительной доли ливонского населения, владеющего кроме родного языка, в различной степени нижненемецким и русским, можно предполагать для всего интересующего нас исторического периода. О русском влиянии на эти области до прихода сюда Ливонского Ордена говорилось выше. С установлением немецкого господства в Ливонии русские купцы не перестали стремиться сюда, и несмотря на преграды, которые Ганза ставила на их пути в распространении самостоятельной русской торговли на Западе, следует иметь в виду некоторое русское присутствие в городах Ливонии. Например, по документам, хранящимся в госархиве Латвии в Риге, известно, что русские купцы владели недвижимостью в Риге (Dimante 1996), хотя в целом, очевидно, говорить о постоянном русском населении в Риге в допетровскую эпоху трудно, так как права русских и возможности селиться в Риге были сильно ограничены⁵. Очевидно, и факты импорта ливонцев

детали, как то, что упомянутой лазутчице было выдано русское платье для того, чтобы она могла беспрепятственно возвратиться в расположение русских к своему «работодателю» (ее коллеги-мужчины, тоже прибалты, имели на этот случай письменные документы, удостоверяющие, что они служат русской стороне, см. Napiersky 1868, Nr. 393). Таким образом, владение русским и нижненемецким было, очевидно, не так уж редко среди местного населения Ливонии, из которого могли происходить профессиональные толмачи. Известно, что в 1253 году один такой *tolk* добился даже известности и признания своих заслуг и был пожалован землями от архиепископа (L-E-CUB, 1, Nr. 247). С другой стороны, и русские, приезжая в лифляндские города, пользовались услугами местных толмачей (Stieda 1884, 158). Например, когда в 1345 году в Ревель прибыли по делу о наследстве русского купца его товарищи Артемий и Терентий, с ними был толк Nicolaus, находящийся на службе у их компании (L-E-CUB, 2, Nr. 835). По мнению В. Стиды, они могли, судя по именам, быть и немцами: ср. имена упомянутых в лифляндских источниках за 1253–1405 гг. толмачей Claus Cure, Hans Durcop, Nikolaus, Hans, Sassenbeke (L-E-CUB, 1, Nr. 247; CUB, 2, Nr. 835; CUB, 3, Nr. 1331; CUB, 4, Nr. 1601, 1672, 1685). В случае толмачей-лифляндцев, очевидно, речь может идти как о немцах, так и об онемеченных балтах.

Однако и немецкие юноши из коренных немецких купеческих семей не лифляндских, а даже крайних западных областей Германии активно изучали русский язык (*sprakelerers*) и могли, очевидно, работать в качестве толмачей или переводчиков. Они, возможно, имеются в виду, когда в документах встречаем упоминание об «*den baden, denn korman unnd de sprakelerers mith eren guderen...*» [27] (грамота магистра Ливонского Ордена Великому князю московскому, 1496 г.: HR, Abt. III, Bd. 3, Nr. 542). О таких же молодых полиглотх магистр Ливонского Ордена подробно сообщает Ревелю, что «*unnse Russche tholk, nemptlick Hartleff Pepersagk*» добился у новгородского князя освобождения восьми немцев, изучавших в Новгороде русский язык: «*Mith dem antworde is unsze tolk wedder gekamen unnd achte van den sprakelerers mede gebracht, der 2 uth Lubke sin, de eine her Luitke van Thunenn sone, de ander uth Hamborch Hans Kuntzen szone, de derde uth Derthmunde Hans Degingk, de verde uth Reval Marquardt Bretholdes sone, unnd sust uth andern steden*» [28] (HR, Abt. III, Bd. 3, Nr. 697). Для более раннего периода русско-ганзейских отношений, таким образом, приходится иметь в виду преобладающую роль переводчиков-немцев или онемеченных балтов, работавших для немецкой стороны.

Рис. 4. Прием западных послов при московском дворе

Гравюра Г. Гебеля из книги «Три посольства, предпринятых графом Карлейлем от имени его величества короля Великобритании ко двору царя и великого князя Московского Алексея Михайловича, с любопытным описанием земли Московской, а также Ливонии и их обитателей». Изд. Иоганн Габриэль Эрт. Франкфурт; Лейпциг, 1701 (Des Graffen von Carlile Nahmens dr. Koeniglichen Maj. Groß-Britanniens abgelegte Drey Gesandtschafften Alexium Michaelowiß Czaren und Groß-Fürsten in Moskau... gesamt einer Curieusen Beschreibung des Landes Moscovien... Lieflands und deren beyderseits Einwohnern... Frankfurt und Leipzig, 1701. Verl. Joh. Gabriel Ehrt.

нии этих переводчиков можно составить по регулярно ведшейся документации этого приказа: так, в приходно-расходных книгах московских приказов можно проследить выплаты жалованья, например, в 1617 году «немецкому толмачю Данилу Вицкину», который в другом месте назван Данилой Вицковым, а в третьем сообщается: «немецкому толмачю шкотского языка Данилу Вицкину. в его мес-

ный «для толмачества под Тихвин», «шкотцкий немчин Якуб Дреф» и «переводчик Посольского приказу Павелъ Томасовъ» и др., однако встречаются, возможно, и русские, ср. «немецкого толмача Родю Иванова» («Приходно-расходные...», 1912, 281, 308, 369, 593, 615, 672, 776). В 1510 году, как сказано выше, посольство Роде также пользовалось услугами переводчиков русского двора (см. выше).

На вопрос, как рано сложилось такое положение, точно ответить трудно. Однако по документам, входящим в русско-ганзейский корпус, можно положительно сказать, что посольство 1436 года в Новгород было одним из наиболее ранних, от которых сохранился полный текст посольского отчета (в которых обычно процедура оформления и перевода договорных документов описывается шаг за шагом, см. HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 586), в котором в параграфе 49 сообщается о том, как писался итоговый документ переговоров: после улаживания последнего нерешенного вопроса «*worde wy id ens myt groten arbeyde, unde ens breves vorrameden samtliken myt ome up Rusch, hirna uthgetolket up Dutzsch*» (следует немецкий текст договора) [29]. Из этого фрагмента однозначно ясно, во-первых, что русский текст был первым, так как представители князя в этот же приход еще обсуждали с послами один из пунктов переговоров, во-вторых, что этот русский текст они составляли вместе в резиденции посольства и, в-третьих, что немецкий перевод делался не только позднее, но, возможно, уже специально для отчета, ср. «*hirna uthgetolket*». В следующем параграфе отчета говорится об обмене грамотами, заверенными печатями обеих сторон и «*Item de Russen besegelde breff is by deme rade van Darpte*». Два нижненемецких перевода сохранились соответственно в Ревеле и Любеке. Здесь, как видим, та же сцена совместного написания текста договора в помещении посольства, но не говорится о князееых толмачах или переводчиках: по всей видимости, переводчики были с немецкой стороны, и текст писался совместно только на русском языке.

Когда именно между 1436 и 1510 годами появляются в русско-ганзейских сношениях переводчики с русской стороны, сказать трудно. Во всяком случае, в 1448 году Любек обращается к архиепископу Новгородскому с просьбой дать немецким послам «*enen guden tolk, de dar gherecht to zii unse meninghe unde inholdinghe unser breve lympliken unde vornemliken vor den here ertzebischopp und vor Groten Naugarden bringhen moge*» [30]. Как видим, к этому году уже не только несомненно наличие нужных толмачей в новгородской канцелярии, но их квалификация не вызывает сомнений, и Любек далее просит владыку позаботиться о том, «*dat gii dat willen in dat Dudesche setten laten unde sendet uns dat Russche mit deme*

ских толмачей и переводчиков, если речь идет, как в данном случае, о подготовке предложений немецких послов. Очевидно, при написании итогового документа присутствовали бы, помимо переводчиков, официальные представители Новгорода, князя и архиепископа. С таким же основанием можно считать для времени, предшествовавшего этому году, типичной такую ситуацию, когда совместно составлялся русский вариант, а перевод делался немецкой стороной. Сделанный таким образом перевод обычно в копиях хранился, помимо центральных инстанций в Висби, Любеке или Ревеле, в причастных к рассматриваемому делу городах.

Реконструированная таким образом процедура перевода позволяет представить возможную модель конкретного коммуникативного акта. Все процессы, связанные с языковым контактом, фактически происходили в момент перевода, причем до 1440-х годов скорее всего, обычно на немецкой стороне, а начиная с этого времени — и на русской (переход этот, разумеется, не может пониматься, как резкий рубеж). В обоих случаях это происходит, по рассмотренным выше данным, на немецкой стороне, с носителями нижненемецкого. Точнее можно сказать, что в коммуникативном акте участвуют немецкие адресаты и исходящие инстанции и их переводчики, с одной стороны, и русские адресаты при посредничестве их переводчиков. В качестве исходящей инстанции русская сторона может непосредственно в контакт не вступать, так как ее текст переводится тем же посредником — переводчиком любой из сторон, который в коммуникативном обмене документами занимает положение автора текста. Здесь лишний раз можно убедиться в необходимости различения коммуникативных ролей исходящей инстанции (*Aussteller*) и автора данного текста (*Schreiber*). Их роли существенно различны в плане осуществления коммуникации и, следовательно, в интересующих нас контактных процессах. Если исходящая инстанция диктует, в зависимости от адресата, выбор языка, на котором выполнен текст, и общих, «стратегических» черт текста (содержание и тон обращения), то само выполнение перевода, вместе с конкретным выбором языковых средств, зависит от квалификации переводчика и той традиции, в которой он воспитан. Участие русской официальной стороны в контакте оказывается, хотя и весьма релевантным, но непрямым: 1) в виде адресата, на которого ориентируется немецкая сторона, и 2) в виде исходящей инстанции, замещаемой в непосредственной коммуникации писцом-переводчиком.

В вопросе об участниках самого контакта, который приобретает критичность при том ограниченном присутствии русских людей в акте коммуникации, представленном каждым из текстов, следует искать ответа в том, что, во-первых, в отсутствии контакта между

зейских купцов и участников посольств, создавая базу и предпосылку для контактов. Эта практика, разумеется, не нашла прямого отражения в текстах, составляющих русско-ганзейский корпус, но только она могла открыть ту дверь, через которую языковые факты, приобретенные нижненемецким в его общении с русским, могли проникнуть в письменно-литературный нижненемецкий и достичь Любека. Таким образом разрешается проблема русско-нижненемецкого языкового взаимодействия в уникальной ситуации — в ситуации обмена до 40-х гг. XV века письменными текстами между немцами и немцами же, а именно ганзейскими купцами в Новгороде или переводчиками русских текстов, с одной стороны, и ганзейскими инстанциями в Германии и Ливонии, с другой. Иначе говоря, проблему русско-нижненемецкого языкового контакта корректно ставить в аспекте изучения особенностей контактного поведения нижненемецкого языка по отношению к русскому.

Социолингвистически корректная постановка задачи требует учета особенностей текста с точки зрения социальных характеристик участников коммуникации. Чтобы быть уверенным в том, что в анализируемых примерах содержится материал, однородный по представленному в нем социолекту, необходимо провести отбор по критериям, принятым в исторической социолингвистике: по социальным группам, профессиям, возрастным группам и полу. Последний рассматривается как разновидность социальной группы.

С точки зрения этих требований можно утверждать, что язык, представленный в русско-ганзейских текстах, однороден в отношении социолекта. В коммуникации участвуют представители одного и того же или близких социальных слоев: немецкого богатого купечества, занятого в международной торговле, и городского патрициата, занимающего должности в магистратах немецких городов и других ганзейских инстанциях. Коммуникация идет в строго служебном русле, и в ней не представлены сферы частной и семейной жизни корреспондентов. Ганзейские купцы в Новгороде жили замкнутой общиной монастырского типа, без семей, что сужало и спектр участников переписки по возрасту и полу. Можно утверждать, что маркированность языка по полу отсутствует полностью. Исключительно официальный характер всей массы текстов позволяет считать язык нейтральным с точки зрения различий по полу, так как для времени, о котором идет речь, «женская речь» должна была бы составлять маркированную сторону оппозиции, а при ее отсутствии не приходится говорить о такой оппозиции вообще. Исследование корпуса позволило обнаружить лишь один текст, относящийся к русским делам, в котором возможна на основе косвенных данных

см. Napiersky 1868, Nr. 393). Грамота представляет собой отчет в вышестоящую инстанцию, по структуре текста и характеру языка обнаруживает черты переработки: очевидно, в его основе лежит протокол допроса, написанный в диалогической форме. В результате литературной обработки более важные с точки зрения оперативной военной информации части написаны более литературным, синтаксически обработанным и сложным языком, тогда как наименее значимые эпизоды, относящиеся к личности самой шпионки, оставлены практически без переработки, в форме прямой речи. Как показала работа, эти крайне скудные фрагменты текста не позволяют обнаружить каких-либо языковых особенностей, которые можно было бы связать с противопоставлениями по полу, хотя с точки зрения экстралингвистических различий здесь и возможны некоторые любопытные наблюдения (см. подробнее Skvairs 1996a). Совершенно очевидно, что сама исключительность этой находки свидетельствует о том, что правомерно рассматривать весь русско-ганзейский корпус как в языковом отношении нейтральный с точки зрения противопоставлений по полу. Таким образом, рассматриваемый в этой главе корпус материала составлен из текстов одной категории (относящихся к праву и управлению), однородных с социолингвистической точки зрения.

С перечисленными социолингвистическими параметрами тесно связан вопрос об однородности материала с точки зрения представленности в нем одного уровня функциональной парадигмы нижне-немецкого языка (а также с учетом того же относительно русского языка). Городские грамоты, к которым относятся рассматриваемые тексты, могут значительно различаться в этом отношении. Согласно классификации городских грамот Феддерса (Fedders 1988, 62), который исследует связь языка грамот с местным диалектом канцелярии, следует различать грамоты местного, внутригородского значения и грамоты, относящиеся к сфере внешних сношений города и канцелярии. Среди последних выделяется подгруппа региональных и надрегиональных текстов. Наши тексты относятся несомненно к последней подгруппе, причем многие тексты имеют международный уровень. Язык таких текстов, как соглашаются все исследователи, не связан с узкодиалектными чертами (Fedders 1988, 63; Gleissner 1972), а представляет письменную норму литературного нижне-немецкого варианта.

Говоря об отборе конкретного материала для сравнения, укажем, что методическая корректность требует, чтобы при извлечении фрагментов текстов выбирались однородные в социолингвистическом плане примеры, то есть чтобы сравнение происходило в «*einem einheitlichen Sachbereich. einer einheitlichen Schreibsituation und einer*

риант на примере русско-ганзейских грамот, составленных немецкой стороной в коммуникативном акте с русской стороной или в ходе прямого перевода с древнерусского. Немецкая сторона является носителем языкового контакта, тогда как русская сторона представляет собой источник интерферентных или трансферентных влияний в качестве автора прототипа (в случае прямого перевода) или в качестве адресата.

В силу высокой степени формульности языка грамот предмет изучения этих интерференций и трансференций может быть состав формул русско-ганзейских грамот или выбор лексического оформления в частях грамот, допускающих варианты.

На основании сплошного сравнительного анализа свыше 230 текстов, относящихся к деловой и правовой сфере (параллельных текстов договоров, прочих грамот, посольских отчетов, уставов и соглашений) для исследования механизмов и условий контактного влияния были выделены следующие единицы:

а) формулы, специфичные для нижненемецких текстов, входящих в русско-ганзейский корпус:

- 1) формула крестоцелования,
- 2) формула «бьем челом»;

б) специфичный для данного региона выбор варьирующих формул или лексического оформления:

- 1) формула «мир dokonчати»/«dokonчати»,
- 2) формула «к нам приехали».

3. Особенности нижненемецких текстов русско-ганзейского корпуса источников

1) Формула крестоцелования (= нем. *crucekussing*)

Примеры этой старейшей и обязательной формулы русских грамот находим, начиная с ранних новгородских текстов.

Пример 1. Грамота князя новгородского Александра о заключенном с немцами торговом договоре (предположительно 1262 г.):

«А се старая наша правда и грамота, на чемъ цѣловали отци ваши и наши крестъ»;

«...на томъ крестъ цѣлуемъ»

(L-E-CUB, 6, Nr. MMMXXXIII).

Пример 2. Грамота из Полоцка, 1264 г.:

«На семь же целуйте ко мнѣ крестъ»

(L-E-CUB, 6, Nr. MMMXXXIII).

«На томъ Яковъ, да Иванъ из Любка, да Григорѣй, да Иванъ из Гоцкого берега хрестъ цѣловаль про тыи товаръ, безъ хитрости»

(L-E-CUB, 6, Nr. MMMXCIV).

В ходе русско-ганзейских контактов немецкая сторона приняла эту юридическую форму свидетельствования договора, о чем говорят многочисленные записи в грамотах, подобные последней. Эта формула отсутствует в ганзейских документах, относящихся к другим территориям деятельности Ганзы, однако она является непременной формулой всех нижненемецких текстов договоров ганзейцев с русскими. Обряд целования креста на Руси был необходимой формой принесения клятвы во время заключения важных договоров и формой скрепления и верификации самого текста. Несмотря на существование текста, содержащего поименный перечень всех участвовавших в заключении договора и скрепленного печатями участников договора с обеих сторон, ссылка на имевший место обряд целования креста обеими сторонами имеет, по всей вероятности, самостоятельную юридическую силу. Например, смерть тех, кто участвовал в целовании креста на каком-либо договоре, может служить основанием для возобновления договора путем повторного обряда (ср. в примере [49] фрагменты из грамоты города Любеку Великому Новгороду 1448 года: LUB, I-8-Nr. DLIII), даже если сами старые грамоты сохранены. Это приводит к тому, что в русских грамотах часто вместо ссылки на договор стоит ссылка на обряд целования креста: по тому крестному целованию. Часто также ссылки на договор и крестное целование идут параллельно: «ни какъ не пристава-ти, ни которыми дѣлы, ни которою хитростію, по сѣмъ перемир-нымъ грамотамъ і по сему крестному целованью» (грамота Вел. кн. Василия Ивановича 1521 г. о перемирии с Ливонией на 10 лет, см. Napiersky 1868, Nr. CCCLXIX). Последнее обстоятельство привело к семантическому сдвигу у сннем. *crucekussing*, которое в этих двусмысленных для немцев контекстах может обозначать как процесс целования, так и результат его, то есть сам документ. В отличие от русских оригиналов, немецкие переводы обнаруживают семантическое размежевание и наличие у сннем. *crucekussing* отдельного значения «документ». Это размежевание фиксирует в своем словаре Август Люббен (Lübben 1990, 192) в качестве двух отдельных значений «обряд целования креста, подтверждение (мирного) договора» и «сам (мирный) договор». Помимо семантического переосмысления, произошедшего в процессе калькирования этой русской формулы, здесь можно предположить и влияние собственной немецкой словообразовательной системы. Русское абстрактное «целование» закономерно передается в нижненемецком образованием на *-ing*. Однако именно в этой модели регулярно происходит смешение двух

что для обозначения договора, грамоты, посольской грамоты в нижненемецких текстах, относящихся к различным регионам ганзейских контактов, существовала целая группа синонимов или близких по значению слов, употребляемых в синонимичных контекстах, например, *breff*, *orkunde*, *eyndracht*. Весьма частотной является в этой группе модель существительного на *-inge*: ср. *eynyngh* «договор, соглашение», *werving* «посольская грамота», *setting* «устав, уложение», *versekering* «охранная грамота», *handfestnyng* «договорная грамота». Под влиянием системных взаимоотношений в этой группе, очевидно, и произошел семантический переход с обряда целования креста на документ, грамоту у снем. *crucekussing*. Аналогично развивалась, очевидно, и семантика некоторых из перечисленных немецких терминов, например, *werving* (от *werven* «излагать пункты, предлагаемые стороной для включения в договор») или снем. *handfestnyng* «рукопись, заверение документа подписью; сам этот документ» (Lübben 1990, 136), заимствованного из нижненемецкого в датский язык, ср. дат. *Handfastning* «договор», обозначающее, например, «Земский мир» 1360 года короля Вальдемара IV. Этот термин дважды употреблен и в латинском тексте этого договора, ср. «*statuta, handfestnyng et decreta*» (текст Земского мира см. у Антонова 1995, 47). Очевидно, что семантика процессуальности утрачена и этим термином, и перечисленными выше немецкими словами, в том числе и калькированным *crucekussing*.

Рассмотрим случаи употребления ннем. *crucekussing* в русско-ганзейских источниках. Примеры распределены, в соответствии с определенными выше методическими принципами, по коммуникативным планам по степени близости к непосредственной ситуации контакта.

Первый коммуникативный план: русско-ганзейские двусторонние документы

Пример 1. Грамота Ярослава 1269 года в нижненемецком варианте не содержит обычного завершения с упоминанием обряда целования креста, однако употребленное в латинском наброске «*osculabuntur crucem, sicut moris est*» (Tobien 1845, 86), несомненно, соответствует русской формуле и ннем. *crucekussing*. Исследователи этого текста сходятся на мнении, что это русизм, внесенный в латинский прототип грамоты. Это предположение представляется совершенно оправданным, так как нами встречены и другие случаи передачи формулы крестоцелования в латинских проектах договоров с русскими, подготовленных ганзейцами: например, в до-

Эти примеры показывают, что обязательная для русских текстов договоров формула предусмотрительно вводилась ганзейцами в их текст уже на стадии проекта. При переводе окончательного текста договора на нижненемецкий переводчик употреблял немецкую кальку *dat cruce cussen/crucekussing*, реже *crucebref*.

Пример 2. Охранная грамота князя новгородского Андрея, данная послам из Любека (ок. 1301 г.):

«Gi hebbe uns juur breve gesant uppe den olden vrede und uppe dat olde recht und de crucekussinge...» [32]

(L-E-CUB, 6, Nr. MMMLX).

Пример 3. Донесение ганзейской общины Новгорода городу Риге о конфликте купцов с новгородцами, 1331 г.:

«do spreken de ruscen se en kerden sich nicht an de breue. noch an de crucekussinghe» [33]

(L-E-CUB, 6, Nr. LXXV, с. 57);

«...hebbet de Nogarder dat cruce den duschen ghecust. vnn de duschen weder dat cruce ghecust den Nogarder...» [34]

(та же грамота, с. 60).

Пример 4. Нибуров мир 1392 г. содержит многократно данную кальку во всех трех нижненемецких переводах (рукописи L, R1, R2): «посадникъ [и проч....] хрестъ целовали» переведено как «...so heft [de borchgreve...] dat cruce kusset» (L), «...hebbe wy dat cruce gekusset» (R1), «...hebben dat crusse dar upp gekusset» (R2), а фрагмент «...по старому хрестному целованию...» переведено как «na der olden crucekussinge...» (L), «...na den olden crucekussingen...» (R1), «...na der olden kruskussynge...» (R2) [35]

(HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45).

Пример 5. Договор 1409 года между ливонскими городами и ганзейской общиной в Новгороде, с одной стороны, и Новгородом, с другой, содержит эту кальку дважды:

«...na den olden breven unde na der kruskussinge...» [36]

(HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 618).

Пример 6. Грамота Великого Новгорода Риге, Дерпту и Ревелю, 1417 г.: сообщает о принятии городом благословения архиепископа Симеона и о готовности возобновить старые договоры:

«Wille gy den olden vrede unde kruskussinge befesten?»,

«...na de olden kruskussinge...» (2 раза) [37]

(HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 483).

Пример 7. Грамота 1420 г. Юрьева (Дерпта) Великому Новгороду о жалобе ганзейских купцов в Новгороде на нарушения договора:

«Dat en is nicht recht na der kruzekussinge» [38]

(HR, Abt. I, Bd. 6, Nr. 138).

«...dar waert de crucekussinghe ersten befestet unde na vor Nau-garden bekusset...» [39]

(L-E-CUB, 9, Nr. 80).

Пример 9. Письмо 1489 года от ганзейской общины в Новгороде городу Юрьеву с сообщением об успехе московского посольства:

«...koppslagen na der kruskussynghen...» [40]

(HR, Abt. III, Bd. 2, Nr. 266).

Пример 10. Письмо того же года от ганзейской общины в Новгороде городу Юрьеву с жалобой на Новгород:

«...unnd ock noch de crucekussinge nicht na erwiset efft yn-holt...»;

«Dat wil he holden midt der krucenkussinge myt syme ede»;

«...dat se nicht rechte richten nha der krucenkussinge» [41]

(HR, Abt. III, Bd. 2, Nr. 261).

Второй коммуникативный план: корреспонденция третьих сторон о событиях, связанных с русскими делами

Пример 1. Русская формула, употребленная в тексте Нибутова мира 1392 года, оказалась перенесенной в текст заключения послов И. Нибура, Х. ван Фландерена и других, которые обсуждали по возвращении из посольства в марте 1392 г. в Юрьеве (Дерпте) итоги миссии Нибура:

«...alse de krusekussinge und de breve... wol utwisen...» [42]

(L-E-CUB, 6, Nr. MMCMXXV).

Это заключение, или рецесс, является документом, составленным для центральной инстанции (очевидно, Любека), и может считаться поэтому свидетельством распространения формулы не только на второй коммуникативный план (тексты третьих сторон о русских событиях), но и на третий (тексты, циркулировавшие в центральных инстанциях Ганзы).

Пример 2. Послание Риги Ревелю о запрете торговли с Новгородом, 1409 г.:

«...wenthe se dar ane de crucekussinghe ghebroken hebben...» [43]

(HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 615).

Пример 3. Сообщение ливонских городов Любеку, Висби и ганзейской конторе в Брюгге, 1416 г., о посольстве в Новгород:

«...ghan yeghen des copmans rechticheide, privilegia unde yeghen de cruskussine...» [44]

(HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 298).

Пример 4. Грамота Юрьева Ревелю об ответе своего посла из Новгорода, 1421 года:

«...myd unseme breve der crucekussinge...» [45]

«...So dat men eyr to vrede vnde nyer cruskussinge myt en ko-
men moge...» [46]

(Napiersky 1868, Nr. CCLXXXII).

Примеры показывают, что при пересказе русско-ганзейских текстов или ссылке на них трансферентные формулы в немецком тексте сохраняются, более того, они употребляются и в тех случаях, когда нет цитирования текста, а только идет речь о договорах с русскими. Данная формула стала, таким образом, самостоятельным выражением в немецком для обозначения процесса заключения договора или самого этого договора с Русью. Последнее стало возможным в результате семантического сдвига с обряда целования креста на сам документ, который произошел уже в самом нижненемецком, так как в русских оригиналах семантический переход не прослеживается.

На втором коммуникативном плане возможны искажения этой формулы. Так, в грамоте Юрьева Ревелю 1412 года (то есть представляющей относительно ранний пример ее употребления) приводится полный текст грамоты ганзейской общины Риге о притеснениях, чинимых немецким купцам со стороны новгородцев (L-E-CUB, 6, Nr. MMCMXC). Эта цитированная «*van worden to worden also hiir na gescreven steit*» грамота является текстом первого коммуникативного плана. Однако интересующий нас пример содержится в той части грамоты, которая принадлежит перу юрьевцев (а значит, относится ко второму коммуникативному плану), и интересен тем, что в такой форме — *krussinge*, — данная формула нигде не встречается (не указана она и у Люббена). Что имеется в виду именно традиционная русская формула, видно из контекста и синтаксического окружения, в котором употреблено данное слово ганзейцами в их послании рижанам: «...*dat de Dusche kopman bi reddelicheit und bi older vriheit bliven moege, und geven den unsen recht, also wi gerne den eren hiir in unsen steden wedder doen willen, na der krussinge*» [47]. Это, вполне возможно, ошибка юрьевского автора, сделанная им без влияния новгородского письма, в котором, судя по процитированному в грамоте тексту, о старых соглашениях сказано иначе, со ссылкой на *скру*: «...*dat des nicht meer en schee und mit eneme eslikeme werde gehalten na der schra, und een eslik darna werde gerichtet de dar ane breke*» [48]. С одной стороны, такая самостоятельность юрьевской канцелярии говорит о том, что данная формула достаточно закрепились в языке канцелярий, чтобы употребляться в переписке третьих сторон о русских делах. Но и достаточно десеманти-

ли перед глазами образец в виде текста первого коммуникативного плана.

Процесс воздействия русского прототипа на немецкий текст особенно четко прослеживается, когда имеются циклы грамот, относящихся к одному событию, но имеющих различных авторов, исходящие инстанции или адресатов. Приведем пример таких циклов грамот.

Цикл грамот 1

а) Грамота от 10 ноября 1448 года от Любека князю новгородскому и всему Новгороду с предложением возобновить переговоры о подтверждении старых договоров:

«...dar dosulues ene crutzkussinge vp vorramet wart...»;

«...personen, de de crutzekussinge makeden vnde de vormydelst deme kusse des hilgen cruces de crucekussinge vorsekerden vnde beuesteden, vp dat de crutzekussinge de ernsthafftiger vnde vaster gehalten werde...»;

«...dat de guden olden, de dat crutze gekusset hadden, van beyden tzijden vorstoruen sin...»;

«...mit vorkorttinge der crutzekussinge...»;

«...vp der olden crutzekussinge...» etc. [49]

(LUB-I-8, Nr. DLIII).

б) Написанная двумя неделями ранее (28 октября 1448 года) грамота Любека ливонским городам о возобновлении переговоров с Новгородом о подтверждении старых договоров:

«...wente de crucekussinghe en were... nicht gehalten...» [50]

(LUB-I-8, Nr. DXLIX).

Сопоставление этих двух примеров демонстрирует употребление формулы, обусловленное ориентацией на адресата и употребление ее же в переписке с третьей стороной.

Цикл грамот 2

а) Сигизмунд Литовский скрепляет договор Риги и Полоцка, грамота 1439 года на нижненемецком языке:

«...werdet dat cruce darvpp kussen...» [51]

(Napiersky 1868, Nr. CCXLII).

б) Формула скрепления и свидетельствования грамоты того же Сигизмунда с Ливонским Орденом 1439 года иная:

«Des tho Orkunde v. merer bestedinge willen hebbe wij vnse Ingezeghel van rechter wisscop laten hengen an dessen breff» [52]

(Napiersky 1868, Nr. CCXLIII).

Цикл грамот 3

а) Грамота великого князя Василия Ивановича содержит текст договора о мире и торговле с 70 немецкими ганзейскими городами 1514 года, на нижненемецком языке:

«...na dussen Cruskussinge...» (5 раз);

«...na dussen Biefriede unde na der Kruskussinge...» (6 раз);

«...hebben gekusset det Krucze...» (о немцах) [53]

(Napiersky 1868, Nr. CCCXXXI).

Любопытно сравнить с этим примером текст другой грамоты великого князя Василия Ивановича 1515 года, написанной Верховному магистру Ливонского Ордена. Это та самая грамота, за проволочку с получением которой просит прощения магистр Плеттенберг в связи с тем, что пришлось срочно искать переводчика. Работа этого случайного переводчика резко отличается от обычной манеры перевода. Видно, что он не владеет принятой формой передачи на немецком русских грамот. Например, этот перевод представляет собой один из редких примеров, когда год написания грамоты не переведен в европейскую систему летосчисления, а стоит дословно с русского «Geschreuen Inn vnnser Herschopye vp vnnsem Slotte thor Musskow Im seuendusenstenn vnnd dre vnnd twintigestenn des twe vnnd twintigestenn dages inn dem meye» [54]. Говоря о союзе против польского короля, переводчик дважды употребляет слово *eneghung*, слова же *crucekussing* в тексте нет (Napiersky 1868, Nr. CCCXLIX).

Сравнение этих двух почти одновременных грамот, вышедших из одной канцелярии, показывает, что употребление территориально ограниченных формул опиралось на переводческую традицию: переводчик, не знакомый с традицией передачи русских грамот, склоняется к буквальному переводу и употреблению нейтральных формул.

В результате трансференций складывается положение, когда заимствованные формулы прочно связаны с русским контекстом и вместе с ним проникают в корреспонденцию других канцелярий, не участвовавших непосредственно в контакте (второй коммуникативный план).

Однако этим не ограничивается подвижность трансферентов в ганзейском корпусе. Дипломатические сношения и заключение договоров в конечном счете находят отражение в центральной инстанции Ганзы, и таким образом русские трансференты **проникают на третий коммуникативный план**, оказываясь, например, в любекских текстах и получая доступ туда, где вырабатывается норма и эталон письменного языка. Так, например, рецесс съезда

ливонских городов и о предстоящем закрытии новгородской торговли и прекращении действия всех прежних договоров, в том числе Нибурова мира 1392 года:

130.3: «...dat men se by Nyeburs krutzekussinghe unde aller andere krutzekussunghe, olde lovelike wonheyde, vrygheyde unde rechticheyde laten wille...»;

130.4: «...by allen krutzekussinghen...»;

132: «...dat Nyeburs krutzekussinghe unde andere krutzekussinghe, de to Wysbu synt...» [55]

(HR, Abt. II, Bd. 6, Nr. 356).

В этом тексте особенно интересен третий пример («что Нибуров договор и другие договоры, которые находятся в Висби...»), в котором под словом *krutzekussinghe* совершенно однозначно имеется в виду конкретный пергамент с текстом договора, а не обряд или даже договор.

Инструкция послам, направляемым в Новгород, 1510 года, составленная, скорее всего, в Любеке, так как единственная ее рукопись находится в Любекском архиве (HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 542), содержит, помимо пунктов, предлагаемых ганзейской стороной для переговоров, также наставления, касающиеся порядка изложения этих пунктов, тактических и риторических правил, вплоть до образцов обращений, перечисления титулов великого князя московского и новгородского Василия:

«...sine rede funderen up des konighes breff mith deme vorgulden segel unnd olde crutzkussine...»;

«...mannichfoldige crutzkussinge unde de breff under den gulden segel...»;

«...eyn lantfrede... to 14 jaren bekusszeth unnd fullentoghen is twisken dyner groth. vaderliken erve und dem ghemenen lande tho Lifflande...» [56]

(HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 542).

Из последнего примера также видно, что инструкция написана в форме обращения к князю, о чем свидетельствует форма 2 лица: «dyner groth. vaderliken erve». Этот любекский текст несомненно представляет собой образец или попросту заготовки для речи послов в Москве. Как видим, формула *crutzkussinge* неоднократно употребляется в этой инструкции, относясь, очевидно, с точки зрения любекских ратманов, к обязательной терминологии русско-ганзейских дипломатических сношений. В составленных по этой инструкции текстах трех рукописей обращения послов в Москве 24 февраля 1510 года (одной из Ревеля и двух из Любека), как и следовало ожидать, встречаются выраже-

«Dussze frede is van den statholderen unde anderen olderluden na wontliker wysze bokusset unde na synem bovele vorsegelt gewesenn» [57]

(HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 543).

В проекте договора, заключенного в результате этого посольства, также многократно встречается ннем. *crutzekussinghe* (HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 544).

Все сказанное не означает, что собственные нижненемецкие обозначения везде заменены этим трансферентом. Разумеется, в русско-ганзейском корпусе текстов встречаются и обычные исконные способы обозначения договора, как общерегиональные термины, так и диалектно ограниченные варианты. Они выявляются при сравнении аналогичных частей грамоты (Carlie 1925) и часто стоят в схожих или одинаковых конструкциях и контекстах. Сравним два аналогичных отрывка из грамоты Риги Ревелю 1468 года о жалобе новгородского посла магистру Ордена на Ригу, Нарву и Ревель (HR, Abt. II, Bd. 6, Nr. 69):

1) «...dat wii den eren hir gunnen unde tolaten, wes ze den unsen dar gunnen unde tolaten na der crucekussinghe, de wii hebben gehalten unde holden willen, de zee doch gebroken hebben...» [58];

2) «...wolde gii den vrede holden, se wolden [en] ok holden...» [59].

Этот текст относится ко второму коммуникативному плану, т. е. в нем содержится корреспонденция о делах в Новгороде, но адресатом и исходящей инстанцией являются третьи стороны. Мы видим здесь употребление в идентичных контекстах и идентичных синтаксических конструкциях синонимических терминов, обозначающих договор: территориального варианта *crucekussinghe*, характерного для русско-ганзейской корреспонденции, и нижненемецкого *vrede*, не отмеченного территориальной спецификой.

Протоколы ганзейских съездов — это специфичные сводные документы, куда собираются аналогичные тексты не только из России, но и из других частей Европы. Это означает, что каждый параграф протокола съезда, посвященный какому-то отдельному региону, может содержать трансференты или прочие черты влияния этого региона на нижненемецкий. Так в действительности и происходит: в текстах, связанных с Англией, Францией или Фландрией, встречаются варианты, типичные для этих регионов ганзейской торговли. Например, сильно латинизированный характер ганзейско-английской переписки, обусловленный тем, что английские инстанции (королевская канцелярия, Тайный совет) на протяжении всего времени существования ганзейского двора в Лондоне не перестают пользоваться латынью в своих обращениях к Ганзе и нем-

адресатам в Англии или из нее. Естественным образом, слово *gusekussing* в текстах англо-ганзейского корпуса не встречается. В соответствующих контекстах и конструкциях здесь употребляется, наряду с нейтральными, общими для нижненемецкого словами как *eyndracht* или *breff*, территориально соотнесенное слово *composicie*, характерное для англо-ганзейской корреспонденции.

Этот вариант названия договора является заимствованием из латинского. В грамотах, написанных на латинском языке, оно нередко, ср. в грамоте князя Витаутаса, скрепляющей договор Риги с Полоцком (1406 г.), в латинском тексте «*compositionem amicabilem posuimus*», соответствующее в переводе нижненемецкому «*vruntlike eninge gesat... hebben*» [60] (L-E-CUB, 6, Nr. MMCMLXVII). Территориальным это латинское заимствование является не в силу происхождения — напротив, в латинских текстах оно широко распространено, — а в силу ограниченности того ареала, на котором этот латинский термин был перенят нижненемецким языком грамот. Он, например, не встречается в источниках ганзейско-новгородского круга, однако типичен для западных контактов Ганзы.

Из текстов первого коммуникативного плана можно привести договор 1478 года, положивший конец многолетней борьбе между ганзейским Стальным двором в Лондоне и кельнской купеческой общиной в Англии (см. Schulz 1911, 129–130): «...vmme dat den de koeplude van Kollen der vorschreuen composicien na erem inholde nicht vulgeden...»;

«...so dat allent de composicien to Bremen vp der dachfart mer, breder vnd klarer vtwiset vnd inholdet» [61]

(Lappenberg 1851, Nr. CXXXVII, с. 157–158).

Другим примером текста первого коммуникативного плана может послужить письмо 1449 года от ганзейской общины в Лондоне послам ганзейских городов с пожеланием «...dat dat in der composicien vorwart worde, dat men uns vul ind alle bii privilegien sall halden...» [62]

(HR, Abt. II, Bd. 3, Nr. 569).

Эти примеры относятся, как уже отмечалось, к текстам первого коммуникативного плана (тексты, исходящие из ганзейского двора в Лондоне). Аналогично тому, как было показано на примере русских трансферентов, эти англо-ганзейские территориально ограниченные варианты начинают подниматься на более высокий коммуникативный уровень, расширяя таким образом географию своего функционирования. Так, слово *composicie* встречается в текстах второго коммуникативного плана (корреспонденция третьих сто-

«wo twisschen der crone van Frangriken und den steden eyne composicie und eyndracht... gemaket isz» [63]

(HR, Abt. II, Bd. 6, Nr. 283).

Латинизм здесь употреблен в паре *composiscie und eyndracht* «договор»; употребление синонимов или близких терминов в парных конструкциях весьма характерно для языка рассматриваемых грамот (ср. также ниже *articule und puncte*).

2) Формула «бить челом»

(= *houetslaghe* или *hovetslan*, а также в глагольной конструкции *syn/eren houet slan*)

Ко времени создания рассматриваемых текстов это речевая формула, специфичная для ганзейских текстов только в сфере ее русских контактов. Она восходит к русскому обряду челобитья, когда поклон в землю клался в знак вассального подчинения (Покровский 1933, 49–50). Позднее челобитьем стали называть униженную просьбу. С XV века на Руси выделяется разряд челобитных грамот, или просто челобитных, как подгруппа внутри жанра грамоты. В нашем корпусе калька *hovetslagh* встречается обычно при обозначении прошений или посольских документов, излагающих пункты, предложенные одной стороной для обсуждения с противоположной стороной в ходе подготовки договора. Такие пункты, разумеется, не обязательно должны были содержать просьбу. Однако приведенные ниже примеры показывают, что текст, оформляющий эти пункты, часто составлен в просительной модальности.

В средненижненемецких текстах, не относящихся к русским связям, обычным термином для обозначения таких документов служат слова *breff* и в особенности *werving*, *werf*. Часто предложения послов для переговоров, которые имели вид списка, состоящего из отдельных положений, желательных для включения в обсуждаемый договор, назывались просто *пунктами*. Например, участники Нибурова посольства в Новгород в 1392 г. называют документ, с которым они ездили к новгородскому князю на переговоры, *articule und puncte* (см. протокол послов, составленный по возвращении из Новгорода, изданный у Бунге: L-E-CUB, 6, Nr. MMCMXXV). В самом тексте договора, естественно, нет обозначения этого предварительного проекта, но сказано, что послы «*hebben gesproken myt dem borchgreven van Nougarden Tymofei Jurjevitze... unde hebben geworven*» (следует изложение пунктов) [64]. Производные от этого глагола слова *werving* и *werf* часто употребляются для обозначения аналогичного документа.

Примеры 1–2. Грамота Новгорода Колывани (Ревелю), 1441 г., с требованием управы для новгородца Петра, ладья которого была разграблена и люди побиты, существует как в русском оригинале, так и в современном переводе с пометкой «Peter Novitorssz breff utgetolket upp Dudessz» (обе рукописи хранились в архиве Ревеля). Фраза из русского оригинала «Боуде вамъ вѣдомо, здѣсе намъ билъ челомъ и жаловался нашъ брате Новгородечъ Петре...» (Валк 1949, Nr. 71) переведена следующим образом: «Gi sullen weten, hir hevet vor uns syn hovet geslagen unde geclaget unsse broder, en Noerder Peter...». В той же грамоте нижненемецким «He sloch jw syn hovet...» переведена фраза «И онъ вамъ билъ челомъ»

(L-E-CUB, 9, Nr. 793).

Примеры 3–4. Рассказ ганзейской общины Новгорода городу Риге о возникшем у нее конфликте с горожанами Новгорода, 1331 года, иллюстрирует переход кальки с одного коммуникативного уровня на другой. Переданные в прямой речи слова немецких купцов, членов ганзейской новгородской общины, обращенные к новгородцам, относятся, несомненно, к первому коммуникативному уровню:

«...iu heren sla wi vnse houet. wi sin schuldich. vorbarmet iu over vns»;

(Napiersky 1868, Nr. LXXV, с. 60).

В тех же выражениях написана и часть текста, обращенная к магистрату города Риги:

«...vnn de Nogarder hebbet sich ouer de duschen vorbarmet. na erre bede. vnn na erme houetslande...» [65]

(там же).

Примеры 5–6. Протокол съезда лифляндских городов в Ваве 1514 г. содержит изложение ответа новгородской стороны на просьбу ганзейских послов разрешить им проехать в Новгород для переговоров, в котором употреблено и существительное *hovetslach* в значении «документ, прошение», и глагольная конструкция «sin hovet slan»:

«...wen ere sendebaden worden dem grotfurst en hovet slan umme einen frede, szo wil der grotfurst ansihen en hovetslach und wil den Dutschen copman begnadigen und vorgonnen em tho copslagen in sin vaderlike erve tho Grote-Neugarden...» [66]

(HR, Abt. III, Bd. 6, с. 507–520).

Этот пример можно отнести к первому коммуникативному плану, так как он содержится в цитате из русского документа, однако следует отметить и тот факт, что упомянут он в общеганзейских актах, то есть на третьем коммуникативном уровне. Это значит, что формула имела те же возможности восхождения от узколокального употребления к общеганзейскому. Это место портрета или разлуки

Источник этого трансферента тоже сохранился: это изложенный в том же протоколе ответ великого князя Василия Ивановича с его согласием на посольство (на верхненемецком), в котором читаем: «...geschickt zcu unseren stathaltern... mit iren houbtslaghen...», «...uns ir hobt slaghen von iren wegghen umme geletsbrief», «...szo wir werden ansehen ire haubtslahen...» (там же, с. 513).

Пример 7. Серия грамот, написанных в течение нескольких дней 1514 года, касающихся одного и того же эпизода:

- а) грамота от 30 марта от имперского рыцаря и советника одному из ганзейских городов (внем.);
- б) его же грамота от 29 марта великому князю (внем.);
- с) его же грамота русскому должностному лицу, без даты (внем.);
- д) грамота князя Василия в ответ на предыдущую грамоту, без даты (внем.);
- е) грамота участников ганзейского посольства к князю, от 30 марта, обращенная к магистру Ливонского Ордена В. фон Плеттенбергу, на нижненемецком.

В этих уже сравнительно поздних документах интересно не только употребление формулы *crucekussinghe* только в тексте ганзейских послов (е), то есть на третьем коммуникативном уровне, при отсутствии этой формулы в верхненемецких текстах к русской стороне или от нее, но и дистрибуция формулы *houbtslaen* в зависимости от адресатов и исходящих инстанций. Вариант *houbtslaen* употреблен только в текстах, обращенных к русской стороне или от нее. В корреспонденции между двумя немецкими сторонами использованы только обычные немецкие термины «*werbungh vnd handlungh*» (а), которые есть также и в (б) — «*meuyner handelunghe vnd werbung*», и в послании (с) от немца к русской стороне — «*der koffmans handelungh vnd werbungh*», а в ганзейском послании (е) те же сообщения сформулированы в иной модальности и использованы ннем. «*Artikelen*», «*wie bodedinghet hebben*» [68].

Эта дистрибуция говорит о различном статусе трансферентов «*crucekussing*» и «*hovetslaen*» в ганзейском деловом письме: если первая формула, как мы видели, в это время уже приобретает самостоятельный статус в нижненемецком и употребляется третьими сторонами без того, чтобы это было спровоцировано русским обращением, то вторая формула еще зависит от состава корреспондентов и употребляется в ответ на употребление термина русской стороной.

Почти все встреченные случаи использования формулы «*hovetslaen*» относятся к текстам первого коммуникативного плана, за очень небольшим исключением. Примеры 2–3 и отрывок из посольского списка 1510 года — примеры использования на втором и

ями, когда цитируется русский источник или речь, обращенная к немцам, и не стало, по всей вероятности, таким распространенным в ганзейских инстанциях, как использование формулы *crucekussing*. Формула *hovetslan*, etc. осталась географически ограниченной. О том же свидетельствует и материал другой области ганзейской торговой деятельности на Руси: автор русско-нижненемецкого разговорника, относимого исследователями к Пскову 1607 г. (Hammerich, Jakobson 1970), Тоннис Фенне, явно не знаком с нижненемецким трансферентом *hovetslaen*, ср. его глоссу *tzelobitia = eyn tzelobitien schriuen* (Hammerich, Jakobson 1970, III, 427, 1), где первая часть содержит русское слово в обычной для Фенне немецкой транскрипции, но вторая часть — несомненно нижненемецкая и содержит его рекомендацию — пользоваться прямым заимствованием. По всей вероятности, немецкая купеческая среда в Пскове в начале XVII века не пользовалась калькой *hovetslan*, что лишний раз говорит о территориальной ограниченности последней, причем не только для Германии, но и на русской почве: она принадлежит, очевидно, только к новгородско-ганзейскому кругу текстов.

С чем связана такая разница в судьбе двух обсужденных формул, сказать трудно. Можно высказать лишь некоторые осторожные предположения. Первое связано с функцией и значением формулы в языке грамот. Обе формулы предназначены для использования в очень частотных пассажах. Практически можно сказать, что сообщение о послах, прибывших с предложениями на переговоры, — столь же частотный эпизод, как сообщение о заключенном в результате этих переговоров договоре. Вторичные ссылки и на те, и на другие эпизоды делаются очень часто. Это значит, что в количественном отношении значимость обеих формул одинакова. Различна, правда, ее семантика в структуре грамоты. Формула целования креста есть формула заверения грамоты, ее удостоверение, без которой русская сторона могла счесть грамоту недействительной. Другие формулы заверения грамоты — перечень участников, свидетельствующих заключение договора, иногда приложение руки и обязательное навешивание печатей, — существовали и в немецкой правовой практике и использовались в русско-ганзейском корпусе текстов. Русская формула является дополнительной по отношению к ним и не имеет синонимов. Речь идет о дополнительной правовой процедуре, а не о расширении формальных средств нижненемецкого языка грамот. Во втором случае можно говорить о пополнении ряда синонимичных или близких по значению формул, отличных по своей дистрибуции. Распространение формулы «бить челом» характеризует контактную активность нижненемецкого, но в нем су-

ситуации выражение прямой просьбы, не оформленной через какой-либо социальный жест: «vmb vnsser bete wyllen»: император Максимилиан пишет царю Ивану Васильевичу, 1511 г., Napiersky 1868, Nr. CCCXIV). Знакомство с грамотами показывает, что для посланий монарших персон вообще характерно превознесение своего адресата при выражении просьб к нему. При этом делается ссылка на родство обоих корреспондентов (обращение «брат мой» и т. д.), имплицитно, что общение ведется как бы поверх социальных и политических различий. Принципиально иной представляется ситуация коммуникации между должностными лицами. В их переговорах равное или неравное положение партнеров должно быть выражено эксплицитно, соответственно самой правовой ситуации, в которой они находятся, и, разумеется, итогам переговоров. Способом такой экспликации взаимного положения сторон и были, очевидно, формулы типа *hovetslagen* или «к нам приехали» (см. ниже). Во всяком случае, имеются указания на то, что немецкая сторона очень внимательно относилась к вопросу употребления таких формул и в ряде случаев явно намеренно их избегала. Эта строгая избирательность языка грамот по отношению ко всякого рода коннотациям и могла быть причиной ограниченного распространения данной формулы.

Второе соображение касается системных взаимоотношений трансферента в языке-цели. Как всякие формулы, они не свободны от того, что можно было бы назвать эстетической нагрузкой. Выяснение тех эстетических моментов в языке грамот, которые связаны с древними представлениями о действенности и правовой силе слова, заняло бы целое отдельное исследование и не может быть здесь предпринято, однако ясно, что такие обороты, как *rechte to richten* [69] (Napiersky 1868, 126–127), не являются случайностью, а несут какие-то функционально и прагматически связанные эстетические нагрузки. В этом смысле трансферент *houetslaen* мог быть неудачным приобретением в силу омонимичных отношений с другими важными и частотными терминами языка грамот. (Выше уже отмечалась роль словообразовательной модели в оформлении контактных явлений.) Существование в тех же текстах термина *copslagen* «заключать торговые сделки, торговать» от снем. *cop*: ср. «...copslagen... na der Krusskussinge» [70] (Napiersky 1868, Nr. CCCXXXI) могло быть препятствием для широкого распространения рассматриваемого трансферентного явления. Неудачной выглядит не только общность второй основы *slag-*, которая имеет в обоих терминах различные значения, фактически приводя к нежелательной терминологической омонимии (ср. значение «бить [оземь]» в слове *hovetslaen*, но «заключать [сделку]» во втором термине и даже утрату семантической мотивации у слова *copslagen* в значении «торговать

тельное, но все же встречающееся в том же корпусе текстов; так, грамота Любека Новгороду 1420 года (HR, Abt. I, Bd. 4, с. 64) говорит о некоем Винеке Гелремане, скрывавшемся от кредиторов и выдававшем себя за гражданина Любека, что будь он в Любеке, с ним бы поступили, «...alse wii kortliken alzodannen bozen luden gedaen hebben, wente wii der 24 de coppe afhouden leten to ener tiid» [71]. *Hovetslaen* и *copslagen*, омонимичные и в грамматическом отношении, так как первое из них чаще является существительным, а второе — всегда глагол, должны были нередко встречаться в одном абзаце или даже предложении (ср. пример 3: существительное *hovet-slach* в значении «документ, прошение», и глагольная конструкция «sin hovet slan» стоят в одном предложении с «vorgonnen em tho copslagen» [72]). Конечно, нельзя утверждать, что могла бы произойти путаница из-за неразличения терминов, однако соседство двух столь похожих терминов (кстати, тонко устраненное в приведенном здесь примере применением вместо обычного существительного *dat hovetslagen* редким *hovet-slach* и словосочетанием с глаголом) создавало бы ненужные ассоциации, не служащие ни усилению смысла этого правового текста, ни украшению его формы.

Не во всех случаях, когда обнаруживается сходство оборотов и выражений в языке русских и нижненемецких грамот, можно четко разграничивать явления контактного происхождения и параллельные образования, существующие в обоих языках независимо друг от друга. Не всегда вообще легко решить, формула ли данное выражение или просто адекватное, неклишированное оформление содержания, так как, во-первых, содержание отдельных пассажей грамоты в основном одинаково для обоих языков (формулы, рассмотренные выше, как раз и отличаются тем, что их отбор опирался на содержательные различия), а во-вторых, формулы варьируются в пределах синонимичных или близких по значению выражений (ср. *na de olden crucekussinghe/na den olden breven/na der olden wonheyt unde crucekussinge, etc.* или *crucekussinghe/dat cruce kussen* [73]). В этом смысле очень характерно указание В. Феддерса на способ отбора однородного материала: следует смотреть в одни и те же места разных грамот (Fedders 1988). Действительно, при выборе материала для данного исследования очень важным оказался критерий единого контекста и единого расположения того или иного фрагмента в структуре грамоты. Этим критериям отвечают приведенные ниже единицы:

1) Формула «мир докончати»/«докончати»/

смоленского князя, подтверждающая договор Мстислава Романовича 1229 года с Ригой и Готландом: L-E-CUB, 6, Nr. MMMXIV) и новгородские тексты, содержащие формулу «мир докончатъ»:

Пример 1. Новгородский князь Александр сообщает о заключенном с немцами торговом договоре (предполож. 1262 г.):

«Се азъ князь Олександр... и съ всѣми Новгородци, докончахомъ миръ с посломъ Тидрикомъ...»;

«...а миръ докончахъмъ на сеи правдѣ...»

(L-E-CUB, Bd. 6, Nr. MMMXXXIII).

Пример 2. Владыка Новгородский в 1373 г. заключает соглашение с послами Любека и Висби:

«То есмь доконцялъ с посломъ...»

(L-E-CUB, 6, Nr. MMMXCIV).

Пример 3. Договорная грамота Великого Новгорода с Ливонским Орденом о мире и разрешении спорных дел 1421 г.:

«Се приѣхаша пословѣ Великии Новѣгородъ от местеря Селивестра Гостѣла, кумендерь велеядъчкыи... (перечисляются послы), далее а грамотѣ: «...и покончяху с местеромъ с рѣскѣмъ с Селивестромъ миръ»

(Валк 1949, Nr. 60).

Формула «докончати [мир, правдою]», возможно, явилась источником для нижненемецкой формулы «[*urede, bivrede*] endighen»/«ende nemen», однако в отличие от рассмотренных выше калькированных формул данная формула не обладает однозначной формальной маркированностью, указывающей на ее происхождение из русско-ганзейских текстов. Основой для предположения о ее соотносительности со сферой русско-ганзейской торговли может служить ее географическая дистрибуция: глагол *endigen* частотен именно в русско-ганзейских текстах, а выражение «ende nemen» встречается только в переводах с русского на месте русской формулы «докончать [правдою]».

Пример 4. Соглашение Новгорода с немецкими купцами о торговле фальшивым воском (6 января 1332 г.):

«Aldus hevet geendighet de biscop van Novgarden...» [74]

(L-E-CUB, 6, Nr. MMDCCXCIII, с. 94–95).

Примеры 5–6. Договорная грамота Новгорода с Ригой, Готским берегом и немецкими городами о торговле воском, 1342 г.:

«Aldus hevet geendighet de biscop van Nougerden... mit Dudeschen kinderen...» [75];

далее в той же грамоте: «Dat disse dinch geendighet worden, dat scah...» (следует дата заключения договора) [76]

(Валк 1949, Nr. 41, с. 73 и 74).

Пример 7. Проект договора 1373 года существует в русской ру-

Перевод 1: «...scheden mid rechte, also dar et einen gansen enden nam...»

(Napiersky 1868, Nr. XCVI, с. 78);

Перевод 2: «...schedden myt rechte, also dat id eynen gantzen ende nam...

(HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 68).

Оба перевода представляют собой попытку перифразировать русскую формулу, передав ее по частям: друс. *правда* «договор» при помощи ннем. *recht*, а глагол «докончить» — нижненемецким выражением «also et... einen... ende nam».

Пример 8. Нибуров мир 1392 г. содержит в русском оригинале вариант формулы «по сому доконьцанию» (Валк 1949, Nr. 46), который передан в нижненемецких переводах следующим образом:

рукопись L: ...alset gheendighet is;

рукопись R1: na desser voreyni[n]ge;

рукопись R2: na erer eghenen endege...

(HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, с. 50).

Рукописи L и R2 передают русскую *формулу* (глаголом *endighen* или существительным *endege* < *endinge*), тогда как рукопись R1 представляет иную формулу.

Пример 9. Договорная грамота Великого Новгорода и Пскова с Ливонским Орденом 1448 г.:

«De foerste meister hevet geendiget enen vrede...» [77]

(Валк 1949, Nr. 73, с. 120).

Пример 10. Договорная грамота Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет, 1450 года:

«Desse byvrede is geendiget ind jar...» (следует дата) [78]

(Валк 1949, Nr. 74, с. 126).

2) Формула «к нам приехали»

Пример 1 взят из грамоты 1301 года от князя новгородского Александра послам Риги, Любека и Висби:

«...се приеха Иванъ Бѣлый из Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Инчя Олчять из Ригы...»

(L-E-CUB, 6, Nr. MMMLXI).

Пример 2 представляет собой зачин договора 1392 г. (Нибуров мир):

«Се приѣха Иванъ Нибуръ из Люпка посольством...»

(Валк 1949, Nr. 46, с. 81).

слы), далее в грамоте: «...и покончяху с местеромъ с рѣскѣмъ с Селивестром миръ»

(Валк 1949, Nr. 60).

Пример 4. Договорная грамота Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет, 1450 г.:

«Hiir sint gekomen Dutsche boden to Groten Nougarden... unde sint gekomen bodewiis als van Lubeke... to unseme heren, deme wygeden bisschope Eufymie to Groten Nouwgarden...» [79]

(Валк 1949, Nr. 74, с. 124).

Пример 5. Перемирная грамота ливонских магистров с Новгородом на 10 лет, 1521 г.:

«hir sint gekomen in des grotherschers Keyzers aller Russen Vederlicke Erue tho Grote nowgarden... ere Boden van Pleskow (перечисляются русские послы)... der gelick sie gekomen van demme Eddelen Fursten tho lyfflandt Woltherrn van Plettenberch... sine boden (перечисляются послы магистра)... vnnd hebben geendi-get... thein iarigen Byfrede...» [80]

(Napiersky 1868, Nr. CCCLXIX, с. 340).

Аналогичная формула употреблялась и в нижненемецких документах, происходящих из Германии, однако в ином контексте и в ином типе грамот. Во всех таких случаях речь идет не о переговорах равноправных сторон, а об истце или просителе, выступающем со своим делом перед высокой (ганзейской или городской) инстанцией. Примеры такой ситуации можно найти в протоколе ганзейского съезда в Вольмаре 1468 года (HR, Abt. II, Bd. 6, Nr. 62), где имеются записи о разрешенных на съезде трех частных исках. Параграф 19 протокола начинается словами «Item qwemen dar ok vor dusse erschreven heren radessendeboden de ersame her Johann Herlinckhusen... unde Ywen Borger van Reval, mit eren rechten unde saken...» [81]. Несколько иной вариант в параграфе 18: «Item qwam darsulvest en geselle, genommet Lubbert Travelmann...», который обращался к послам с прошением: «...unde bat sine borgen wedder vrii unde losz to scheldende» [82]. Таким образом, данная формула зачина употребляется в ганзейских актах в ситуации, когда частное лицо обращается с прошением в высокую инстанцию. Это даже более четко видно в следующем варианте формулы, открывающей параграф 17: «Item qwam vor dussen steden en genommet Tidemann Kulle, en borger to Darpte...» [83]. Замена упоминавшихся в Nr. 19 послов на *vor dussen steden* показывает, что во всех трех случаях имеется в виду не физическая встреча с конкретными людьми, а явка в инстанцию (Ганза, объединявшая 73 торговых города, официально не имела административной структуры и центральных

Понятно, что формула, применяемая в отношении истца или ответчика, предстающего перед высокой инстанцией, не всегда подходила для переводов международных договоров, когда речь идет о двух равноправных сторонах. Употребление в текстах русско-ганзейских договоров, переведенных с древнерусского, формулы, дословно повторяющей русское «к нам приехали...» вносило в текст коннотацию неравенства договаривающихся сторон.

Пример 6 иллюстрирует случай дословного перевода с русского с ясной коннотацией неравенства сторон. В договоре великого князя Василия Ивановича 1514 года о мире и торговле с Ганзой при переводе зачина, правда, 2 лицо заменено первым, однако далее снова употреблено 2 лицо (ср. «*erren Hovetslag*»):

«*Wir Sendebaden van den sewentich Steden: van Dorpte Johan Bulk Borgermeister, u. Arent van Lohn Ratman..., sinth gekomen in des Groten Herren sein vederlike Erwe tho Grote Neugarden... mith erren Hovetslage...*» [84].

Положение просителей, в котором изображаются при данном употреблении формулы немецкие послы, подчеркивается словом *hovetslag*, хотя речь идет не о прошении, а о заключении договора о мире и торговых отношениях. Далее в тексте грамоты сохранены типичные для русских текстов обороты, изображающие русского князя жалующим, благодетельствующим своих партнеров по переговорам:

«*...darum deth der Grothe Herscher Wassilij... wolde begnadigen unde bevelen sinen Statholderen tho Neugarden... tho enem... Bifride...*» [85]

(Napiersky 1868, Nr. CCCXXXI, 1514).

Те же коннотации, привнесенные русским оригиналом договоров, хорошо иллюстрируются случаями аналогичного употребления глагола *begnadigen* в сочетании с формулой «бить челом»/«челобитье» (см. примеры 2, 3, 4 в разделе, посвященном этой формуле).

Пример 7 иллюстрирует способы перевода рассматриваемой формулы в тех случаях, когда заложенная в русском оригинале коннотация неравенства неприемлема. Поразительный пример такого решения представляет текст Нибурова мира 1392 года: очевидно, не найдя общей формулы, приемлемой для обеих сторон, переводчики, кажется, изготовили два разных варианта перевода (см. ниже рукописи R1 и R2), т. е. фактически два разных текста договора.

Оригинал: «Се прифха Иванъ Нибуръ из Любка посольствомъ

Переводы:

L: Her Johan Nyebur van Lubeke unde [...] boden van dessiit der see [...] sint ghewesen to Nowgharden vor uns, also deme borchgreven Thimofe Jurjevitze unde [...]. [86]

R1: Hyr is gekomen Iwan Nybur van Lubeke bodewys [...] to dem podsadniken Timoffe Jurgewitz unde [...] unde to allen Groten Nowerdes [...]. [87]

R2: Hir is gekomen her Johan Neibur van Lubeke [...]. Desse syn gewesen vor boden to Nougarden van des gemeynen copmanns wegen... [unde hebben gesproken] myt dem borchgreven van Nougarden Tymofei Jurjevitze [...] unde myt gantzen gemeynen Nougarden, [unde hebben geworven]. [88]

Во-первых, бросается в глаза, что R1 и R2 написаны не от лица русской стороны, как русский прототип, а переписаны от лица немецкой стороны, причем это выдерживается на протяжении всего текста. Рукопись L копирует русский текст (вероятнее всего, по приложенному русскому списку, о котором речь в пометке) прямо, без такой переработки.

Смысл этой переработки возможно, становится яснее от сравнения R1 и R2: в R2 большие изменения в формулы «се приѣха»: предложение разорвано, и факт прибытия послов к новгородским властям, прямо и в соответствии с русской традицией изложенный в L и R1, здесь стусеван, так как само прибытие упомянуто в первом предложении без указания той высокой инстанции, перед которой предстали послы. Инстанция упомянута в следующем предложении, но не в сочетании с «to uns» (L) или с «to dem podsadnike» (R1), а совсем иначе — в качестве собеседника переговоров (ср. R2: *hebben gesproken myt dem borchgreven...*). К тому же повтор глагола — *syn gewesen*, — а далее и глагола говорения — *hebben geworven*, — полностью размывает формулу, затемняя неравное взаимное положение сторон в русской формуле и имплицитно их равенство. Можно предполагать, что L, а возможно, и R1 составлены для простого сохранения информации, тогда как R2 предназначался для каких-то публичных функций в ганзейской инстанции (в данном случае не исключен Ревель), с чем и связана его дипломатическая «адаптация» для употребления на немецкой стороне.

На основании проведенного анализа материала русско-ганзейских текстов в плане отражения в их языке контактных процессов и в плане исследования восприимчивости средненижненемецкого письменного варианта к влиянию со стороны других языков можно сделать следующие выводы.

проявляет в этих контактах высокую контактную активность, в результате чего образует в пределах единой письменной нормы территориальные контактные варианты.

2. Сохраняя большую устойчивость внутрисистемных языковых особенностей, средненижненемецкий язык вступает в интерферентные процессы с языками-партнерами на уровне текста, приводящие к изменениям в структуре текста грамоты.

3. Нормированность, а также клишированность и формульный характер языка грамот не исключают интерференции и трансференции; напротив, предметом контактных процессов могут стать сами формулы.

4. Корпус русско-нижненемецких грамот предоставляет возможность изучить на материале формул-трансферентов механизм смещения в языке канцелярий и сравнить различные языки в плане их восприимчивости к влиянию.

5. Ганза располагала специфической коммуникативной структурой, благодаря которой территориальные контактные варианты письменного языка могли подниматься до уровня общеганзейского и даже международного функционирования. Эта коммуникативная структура служила важнейшей предпосылкой для языкового выравнивания в средненижненемецком.

Экстралингвистические интерпретации внутриязыковых процессов требуют особенно тщательной перепроверки. С этой целью здесь привлекается материал взаимодействия средненижненемецкого письменного варианта с другим иностранным языком, а именно с английским.

4. Сравнительный анализ русско-нижненемецких трансферентов с материалом англо-ганзейского корпуса источников

Если в русско-ганзейском корпусе ярким контактным явлением в языке нижненемецких грамот была трансференция формул, то в англо-ганзейском корпусе обращают на себя внимание многочисленные лексические заимствования, латинские, французские и английские по происхождению.

Они и будут использованы ниже в качестве маркированных единиц для изучения степени восприимчивости нижненемецкого к контакту, а также скорости и степени распространения контактных явлений в нем.

господствует латынь, и с переходом ганзейских городов на нижне-немецкий, который совершался постепенно, начиная с середины XIII века (тексты городского права, судебники), но в основном с 1360-х гг. (в языке городских грамот), англо-ганзейская переписка могла беспрепятственно продолжаться на латинском языке, а также частично вестись на языке любой из сторон. Последнее зависело от многих факторов, среди которых одним из главных является языковая ситуация в каждой из стран.

Поскольку города, входившие в ганзейский союз, использовали, помимо латыни, исключительно нижненемецкий (верхненемецкий в ганзейских связях не использовался), то ситуация там выглядит как смена латинско-нижненемецкой диглоссии в XIV веке латинско-нижненемецким двуязычием, в котором нижненемецкий все более вытесняет латынь. В североморских и балтийских международных связях также наблюдается вытеснение латыни нижненемецким в роли языка международного общения.

С английской стороны, разумеется, возможным языком общения с Ганзой мог также быть латинский язык, причем не только в период его безраздельного господства в качестве письменного языка в Англии и в качестве международной *lingua franca* торговли и дипломатии, но и в XIV веке, когда за господство в общественной жизни Англии боролись английский и французский языки. Сложность и многослойность языковых взаимоотношений на английской территории требует хотя бы краткого отдельного рассмотрения.

4.1. Особенности ситуации англо-ганзейских контактов

Ситуация Англии XI–XIII веков обычно характеризуется как ситуация англо-французского двуязычия (Ярцева 1985, 96). Результатом этого явились активные процессы языкового смешения, и среднеанглийский язык той эпохи ряд ученых рассматривают как креолизованный (ср. Balley-Maroldt 1977, 22–23: «Нельзя сомневаться в том, что это смешанный, т. е. креольский, язык»). В более традиционных работах по истории английского языка (Ильиш 1968; Vaugh, Cable 1978) говорится осторожнее об англо-норманском языке XII–XIII вв., сложившемся при участии северных диалектов старофранцузского (Нормандия, Пикардия и Валлония) и вобравшем после своего упадка начиная с XIV в. также парижские и франсийские диалектные явления (речь идет о лексических заимствованиях). Заимствования, сделанные английским языком до и после рубежа начала XIV века, различались в среднеанглийском в фонетическом отношении (Ильиш 1968, 266), и эти различия сохранялись еще в течение некоторого времени (там же 267).

Marchand 1960 и др.), однако для рассмотрения ситуации, в которой в контакте с английским языком оказался средненижненемецкий, достаточно представить себе положение в сфере официальной письменности, так как именно к ней относятся сохранившиеся тексты. В отличие от Руси, здесь, по-видимому, существовал более широкий контакт между немцами и местным населением, вплоть до создания в отдельных случаях смешанных семей. Однако есть указания на то, что такие случаи в ганзейской общине Лондона были редкими и нежелательными, а кроме того, эти обстоятельства скорее находят отражение в составе заимствований, сделанных английским разговорным языком из нижненемецкого (Bense 1939), но не сказались на языке корпуса ганзейских актов.

Ко второй половине XIV в., когда северогерманские городские канцелярии начали переходить в своей переписке на нижненемецкий, как видим, в английском уже не существует однозначного способа распознавания французских заимствований, перенятых через среднеанглийский, по их диалектной специфике. Что же касается центрально- и западнофранцузских слов, то они в принципе могли равным образом проникать и в английский язык, и в нижненемецкий, и поэтому в вопросе определения галлицизмов среднеанглийского происхождения в нижненемецких грамотах следует искать опоры в других критериях. Фонетико-морфологические признаки ассимиляции слова в среднеанглийском языке, которые лишь с течением времени приобретают достаточную яркость, разумеется, были бы наилучшим критерием в решении данного вопроса, однако в отношении XIV века на них еще не приходится рассчитывать. В распоряжении исследователя имеется еще один инструмент для определения источника галлицизма — специфика варьирования в языке грамот.

Жанры грамоты и прочих официальных документов сложились в Англии, так же, как и в северной Германии, в период господства в деловом письме латинского языка, и в этом смысле их форма в обеих странах происходит из одного круга традиций — из латиноязычной ученой и деловой словесности Западной Европы. При возможных вариантах и нюансах все же несомненно преобладающей является эта изначальная культурная общность.

Официальные письма, договоры и прочие документы писались в Англии до XIII века на латыни, которая с XIII века постепенно уступает французскому. Французский язык был языком суда и парламента, он же был родным языком для английских королей до 1399 года, когда на престол взошел англоязычный Генрих IV. Постепенное вытеснение французского в основном завершилось к кон-

Французские заимствования проникали в нижненемецкий и помимо его контакта с английским. Роль посредника в заимствовании французских слов нижненемецким, в отличие от, например, верхненемецкого, часто играл средненидерландский. Соответственно и наибольшее распространение эти заимствования первоначально получали на той территории, которая в большей степени затронута нидерландским влиянием, то есть в первую очередь в Вестфалии.

Помимо географических различий, этот процесс характеризуется также различиями в охвате жанров текстов (Katara 1966). Так, наибольшее количество французских заимствований встречается в беллетристике, особенно переводной с французского или средненидерландского, а также в хрониках и другой литературе повествовательного содержания. Наименьшее число (единичные заимствования) имеется в религиозной литературе и юридических текстах. В то же время П. Катара отмечает многочисленность заимствований в грамотах, однако основная часть их здесь приходится на обозначения специфических французских реалий — названия импортируемых товаров, предметов роскоши, — и на технические термины в лечебниках, различного рода документах по строительству, навигации и проч. Тексты англо-ганзейского корпуса не подпадают под эту категорию, так как в них идет речь не о французских, а об английских делах Ганзы, и упомянутые выше специфические реалии, связанные с Францией, в нем не фигурируют — напротив, тематика и реалии в этом материале типичны для средненижненемецких грамот любых регионов. Таким образом, рассматриваемые в данном исследовании тексты, относящиеся к разряду юридических и не отмеченные французской спецификой содержания, стоят ближе всего к тем жанрам текстов, которые по данным П. Катары в наименьшей степени затронуты французскими трансференциями. В этом нетрудно убедиться, просмотрев любое количество ганзейских грамот, не связанных с Англией, но аналогичных англо-ганзейским текстам по содержанию и социолингвистическим характеристикам.

Понимая, насколько велика и сложна проблематика, связанная с вопросом о выборе языка в английских канцеляриях XV и XVI века и о колебаниях в этом вопросе и соотношении английского и латинского языков, ограничимся замечанием, что в том секторе английской деловой словесности, который связан с взаимоотношениями Англии с Ганзой, латынь употребляется на всем протяжении их истории. Тексты, относящиеся к теме тор-

На латинском языке написано большинство актов до 1360-х гг. Из более поздних на латыни пишутся почти все грамоты и декреты двора, парламента, мэра Лондона и некоторых других инстанций. Приведем примеры латинских актов, исходящих из этих инстанций в различные годы, в хронологическом порядке: послание магистрата города Ньюкасла городу Штральзунду около 1400 года, грамота короля Генриха VI 1456 года, грамота короля Эдуарда 1463 года, договор между Англией и Ганзой 1473 года, послание мэра Лондона 1474 года касательно ганзейских купцов, акт парламента о переносе купеческого двора в ганзейские земли 1475 года, подтверждение привилегии 1474 года королем Ричардом III в 1483 году, грамота короля Генриха VII городу Любеку 1504 года, декрет Елизаветы I о закрытии ганзейского Стального двора в Лондоне 1598 года.

Гораздо реже встречаются документы на старофранцузском языке (см. Larrenberg 1851, Nr. 21), а в более позднюю эпоху — на английском (например, заключение расследования королей Генриха VII и Генриха VIII о собственности Стального двора, относящееся к началу XVI в.).

Соперничая с Ганзой за рынки в Прибалтике и на Руси, Англия уделяла большое внимание связям с Орденом (который так же противостоял Ганзе в борьбе за влияние в восточной Прибалтике). Орденские инстанции вели переписку почти исключительно на латинском и верхненемецком, в связи с чем заметна доля верхненемецких текстов, касающихся Англии. Однако эти тексты, разумеется, исходят не из английских, а из орденских инстанций и имеют немецкого, часто также орденского, адресата. К ним, например, относятся:

- документы орденского посольства в Англию 1415 г.;
- переписка с Англией, подготавливающая договор 1437 г., которая содержит послания на верхненемецком от города Данцига (1435 г.) и от Верховного магистра (1435 г.);
- подготовительная переписка перед съездом в Бремене 1449 г., которая содержит тексты, вышедшие из орденских инстанций (от Верховного магистра Ордена и от Ливонского магистра) на верхненемецком языке;
- рецесс заседания в Мариенбурге касательно Англии 1450 г.

Однако латинский язык был несомненно предпочтительнее для орденских инстанций, когда речь шла о документе, адресованном английской стороне; так, во время посольства в Англию 1410 года орденский посол Дитрих фон Логендорф отчитывается перед Верховным магистром в том, что грамота последнего была переведена с немецкого на латынь для передачи королю Англии: «...do habbe

ее предпочтения. То, что такая тенденция в сторону латинизации своей переписки уже не была характерна для немецких ганзейских канцелярий, видно, во-первых, из решительного преобладания нижненемецкого над латынью в последних, а также из оговорок, подобных той, которая сделана в корреспонденции между двумя ганзейскими городами: в конце грамоты дата записана как «vor dem dage unser vrouwen nativitatis, das ys erer gebort...» [90] и подписано обычным образом на латыни Consulatus Rigensis (грамота Риги Ревелю насчет английского посольства к Верховному магистру Ливонского Ордена, 1405 г., HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 269; текст на нижненемецком с отдельными верхненемецкими чертами).

Акты, исходящие из орденских инстанций, представляют неодинаковый интерес: верхненемецкие тексты не будут здесь рассматриваться, так как они не характеризуют существенным образом картину языковых контактов нижненемецкого в Англии (в такой же степени нижненемецкий приходит в соприкосновение с верхненемецким и на территории Германии в переписке с имперскими и орденскими инстанциями). Что же касается латинских текстов от орденских корреспондентов, то они несомненно послужили укреплению позиций латыни как предпочтительного языка для общения английских высших инстанций с инстанциями Германии, в том числе и с ганзейскими. Это обстоятельство входит в ряд факторов, ответственных за то, что нижненемецкий не только редко использовался английской стороной (отдельные случаи ср. Lappenberg 1851, Nr. 22–23), но и в том, что и роль переводов на нижненемецкий язык несравненно меньше, чем в русско-ганзейских связях (ср. редкий пример: грамота Генриха VII городу Любеку 1497 года, HR, Abt. III, Bd. 4, Nr. 58). Это означает, что коммуникативная модель в Англии совершенно иная, чем на Руси: практически не существенна роль переводчиков.

Все сказанное не означает, что нижненемецкий корпус текстов по ганзейско-английским связям мал. Нижненемецкие тексты составляют значительную часть актов, относящихся к взаимоотношениям Англии с Ганзой, но они принадлежат почти исключительно немецкой стороне или имеют хождение внутри ганзейских инстанций, как, например, устав ганзейского Стального двора в Лондоне 1320–1460 гг., соглашение Стального двора с городом Кельном 1476 года, расписки об аренде Стального двора 1480–1487 гг., протоколы ганзейских съездов в пунктах, касающихся торговли с Англией и проч. Язык этих документов и является объектом исследования в данном разделе. Латинские, старофранцузские и английские тексты представляют ту среду, в которой происходит языковой кон-

ско-ганзейском корпусе, но и в текстах на самой территории Германии число латинизмов не может сравниться с тем, что наблюдается в англо-ганзейских текстах.

Степень восприимчивости ганзейского нижненемецкого к языковому приспособлению в различных контактных ситуациях поразительна и может быть показана на примере самоназвания ганзейской общины купцов, находящихся в Лондоне.

На старофранцузском эта формула выглядит в грамотах ганзейского Стального двора так: «...les marchauntz der Hanse d'Almaigne rezidentz en la citee de Loundres...» (послание ганзейской общины в Лондоне английскому парламенту 1420 года (HUB, 6, Nr. 337). Следует подчеркнуть, что это именно самоназвание, то есть форма, употребленная в тексте самой ганзейской общины в Лондоне. При этом, разумеется, совершенно ясно, что немецкая сторона приняла такое самоназвание вслед за английской, которая перевела таким образом утвердившуюся латинскую формулу названия ганзейской общины.

Аналогичным образом выглядит название общины на нижненемецком в текстах, исходящих из ганзейской конторы в Лондоне и адресованных в Германию (то есть послание от немцев к немцам же): «ghemeynen corman van Almanien van der Dusschen hense...» [91] в тексте и далее в подписи: «aldermen unde deme ghemeynen cormanne van der Dusschen hense van Almanien» [92] в послании ганзейской конторы ганзейским городам в 1374 году (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 99); так же и в грамоте 1375 года от ганзейского двора в Лондоне городу Брюгге (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 100): «dey korman van Almanien in Enghelant» [93]. В русско-ганзейском корпусе эта формула выглядит следующим образом: *de Dutsche corman nu tho Nowgarden wesende* [94] (Грамота Риги Ревелю 1409 года о заключении договора ганзейской общины с городом Новгородом, HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 619, с. 476), или же просто *de gemeyne Dudesche korman*, либо *de gemeyne korman* (аналогичные варианты сокращенной формулы названия Ганзы приняты и в англо-ганзейских текстах). Топоним *Almanien/Almaigne* в восточной корреспонденции Ганзы, как можно было ожидать, отсутствует.

Подпись последней из упомянутых грамот составлена на латинском языке и содержит два интересных элемента, во-первых, очень частотный вариант, соответствующий формуле «rezidentz [en la citee de L...]», и, во-вторых, германизм *aldermann*: «Per aldermannum et ceteros mercatores hense Theotonice Londoni existentes». Что касается первого, то в нижненемецких текстах оно часто передается исконным *wesende* или, — в англо-ганзейском корпусе, заимствовани-

видно представляет собой французский трансферент или латинизм, опосредованный французским, что не всегда легко различить. Второе из упомянутых явлений в этом отрывке, употребление слова *aldermann* в латинской формуле, указывает на то, что трансференция в принципе могла происходить в обоих направлениях.

Эта трансферентная лексика является специфичной для англо-ганзейского корпуса, под которым мы, как и в случае русско-ганзейского корпуса, понимаем тексты, написанные только ганзейской стороной (о текстах английской стороны в связи с исследуемым языковым контактом уже говорилось выше). Эти тексты представляют собой свидетельства нижненемецкого письменного делового языка, употребляемого самими немцами, но в географически соотнесенном контексте — внутренние уставы и правила ганзейской конторы в Лондоне, послания в адрес английской стороны или в адрес ганзейской конторы в Лондоне, либо тексты, написанные ею в адрес ганзейских инстанций в Германии, Фландрии и т. д., и, наконец, корреспонденция третьих сторон между собой по поводу английских дел. Как и в случае русских трансферентов, эти явления находят путь в тексты общеганзейского уровня (см. выше о термине *composicie*) и становятся фактами ганзейского делового языка. Однако они сохраняют географическую ограниченность в том смысле, что не используются вне английского контекста. Ряд латинизмов, разумеется, есть и в собственно нижненемецких текстах метрополии и даже в русско-ганзейском корпусе, но они немногочисленны и не связаны с деятельностью ганзейцев в Англии, а являются следами собственного контакта нижненемецкого делового языка Ганзы с латынью. В их числе такие латинизмы, как *seghele* «печать», реже *profit* «прибыль», *ordinancie* «устав, распорядок»; в количественном отношении они не могут встать рядом с латинизмами англо-ганзейского корпуса.

Вопрос различения английских, французских и латинских источников в заимствованиях нижненемецкого делового языка не прост. К. Бруннер (1955, 153 и сл.) отмечает трудность различения латинских и старофранцузских заимствований в среднеанглийском, когда речь идет об ученых словах или языке канцелярий и судов, и выделяет в этой связи два обстоятельства. Во-первых, почти все заимствованные английским в это время латинские слова имелись также и в старофранцузском. Иначе говоря, можно считать, что состав латинизмов в языке канцелярий был одним и тем же в Англии и во Франции — и, очевидно, в Германии. Вторым обстоятельством является одинаковая грамматическая ассимиляция латинско-

лийском языке заимствований по аналогии со знакомой французской формой. То же касается и произношения латинизмов — оно уподоблялось их произношению в старофранцузском. Фонетическая ассимиляция в английском как французских слов, так и заимствованных через французский латинизмов заняла длительное время, и в отношении XIV и даже в большей степени XV века не приходится рассчитывать на то, что можно будет распознать латинизмы различного происхождения по их фонетическому облику. Есть основания думать, что латинизмы и галлицизмы в английском языке какое-то время не ассимилировались, а сохраняли положение цитаций; именно так, по сути, обстояло дело с изменением ударения, причем не последнюю роль сыграли здесь социолингвистические факторы: «Люди, владевшие французским языком, вероятно, дольше подражали иностранному ударению, чем необразованные» (Бруннер 1951, 157). Все эти обстоятельства привели к тому, что в ряде случаев нелегко решить, является ли слово заимствованным из старофранцузского или из среднеанглийского, который, в свою очередь, заимствовал его из старофранцузского, например, *contrair*, *serteyn*. Последнее Дж. Лаппенберг (Lapponberg 1851) считает заимствованием из английского и приводит англ. *certain*, с чем нельзя однозначно согласиться, так как в ситуации, которая господствовала в Англии в раннеганзейскую эпоху, т. е. в ситуации контакта, с одной стороны, английского и старофранцузского, а с другой — нижненемецкого, последний мог почерпнуть заимствование из обоих. То же самое касается и латинских слов: различить в нем. *sententie* прямое латинское заимствование или старофранцузское слово, попавшее в нижненемецкий язык из него прямо или через английский, весьма трудно. Помимо формального искажения слова в нижненемецком, задачу исследователя усложняет и невозможность опереться на хронологический критерий, так как контакт всех этих четырех языков происходит в близкое время. Однако при всех трудностях главное все же остается несомненным: нижненемецкий оказался в Англии в ситуации многостороннего языкового контакта. Это обстоятельство и есть наиболее специфическая характеристика Англии, как ареала, в котором происходил внешний нижненемецко-английский контакт. «Английский» в данном случае должно означать все те аспекты полиглоссии и многоязычия, которые связаны с английским языком и Англией XIV–XV вв. и позднее привели к тому, что Бо и Кэйбл называли «happy mingling of Latin, French and native elements» (Baugh, Cable 1978, 186). Нижненемецкий в этой ситуации контактировал с каждой из участвующих сторон: с латинским деловым языком английских канцелярий, со ста-

сомненно с самим английским — через англичан-олдерменов, состоявших членами ганзейской общины, и через корреспонденцию менее официального уровня. Таким образом, несмотря на трудности атрибуции тех или иных слов, можно с разумной долей надежности, на основании дистрибуции слов в ганзейских текстах, решить вопрос о том, была ли источником данного трансферента языковая среда Англии. В отношении приведенных ниже лексем этот вопрос может, как представляется, быть решен положительно.

4.2. Развитие англо-ганзейского и русско-ганзейского контактных вариантов нижненемецкого регионального письменно-делового языка

Влияние языковой ситуации в Англии затронуло, в отличие от Руси, не только области, связанные с местным колоритом и особенностями, религиозно-правовых взаимоотношений, но самые главные элементы терминологии, несмотря на то, что они уже были прежде оформлены достаточным количеством терминов, а также типичные и частотные обороты и выражения, свойственные языку грамот. Далее приведены примеры таких географически соотнесенных вариантов.

Пример 1. *Presencie* «присутствие»:

«...in presencien van dem gemenen korman...»;

«...in presencien des kormans...»

(Lappenberg 1851, 105).

Этот латинизм встречается в тексте статутах ганзейской общины в Лондоне и соответствует по значению и функции исконному снем. *jegenwordichkeit* в текстах других территорий ганзейской торговой деятельности, ср.:

«De bref wart... gelesen, dar wy jegenwordych weren» [95]

(Грамота ганзейской общины Новгорода городу Юрьеву, 1409 года, HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 616, с. 473);

«De Nouwerder lesen eren bref oppenbare dar wy jegenwordych weren...» [96]

(Грамота ганзейской общины Новгорода городу Ревелю 1409 года, HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 617, с. 474);

«...in syne jegenwordicheit»

(Посольский отчет ганзейских послов в Новгороде 1510 г., HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 541, с. 659); там же HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 586, с. 515.

Пример 2. *Klerk* «писаць, секретарь»:

В текстах других территорий это обозначение не встречается: ср. о русском писаре «...myt Luca, deme schriver» (HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 541, с. 651) и о юрьевском писаре — «...der ersamen secretarius van Darpte...» (HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 541, с. 659).

Пример 3. Формула «sunder... behendycheit unde hindernitze» (1392, Нибуrow мир, рукопись R2, HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, с. 49–50), соответствующая русскому выражению «безо всякой хитрости», характерна для ганзейских текстов различного географического распространения. В англо-ганзейских текстах на ее месте часто встречается вариант с латинизмом *subtilheyt*:

«...mit nenerleyen subtilheyt ofte ander behendichheit...» [97]
(Lappenberg 1851, 110).

Пример 4. Товары, добро, по поводу которого часто возникали споры, разбираемые в этих документах, регулярно называются в общеганзейских и русско-ганзейских текстах снем. словом *gude*, тогда как в англо-ганзейском нередко латинское заимствование *bona*.

Встречаются в англо-ганзейских текстах и англицизмы, например, «huren van dem lantlorde» «снимать помещение у его владельца» (из статутах лондонского двора, Lappenberg 1851, 117) или *haventun* «гавань, порт», *garden* «локоть (мера длины)» (Lappenberg 1851).

Англо-ганзейские дела (а значит, и корреспонденция) были связаны и с нидерландскими торговыми делами, в первую очередь в сфере суконной торговли, в которой главенствовали и соперничали Англия и Фландрия. В связи с этим в нижненемецких текстах Лондонского ганзейского двора встречаются и нидерландизмы, ср. *trecken* в значении «отсутствовать, уезжать» в «van Lunden... treckende» (Lappenberg 1851) или *vertreckinghe* «отъезд» (Послание ганзейской конторы в Лондоне городу Брюгге, 1449 г., LUB-1–8, Nr. DCXXIX). В данном случае интерферентное влияние проявилось в том, что слово употреблено в значении, свойственном для средненидерландского слова (ср. снем. *trecken* только в значении «итти в процессии, участвовать в походе», Lübben 1990, 416, тогда как в значении «уезжать» в грамотах обычным является снем. *ten*, ср. *to tende unde to komende* «уезжать и приезжать» или *faren vnn komen*, то же, 1418 г., Napiersky 1868, 171; 132).

Накопление подобных географически соотнесенных вариантов приводит к увеличению ряда синонимичных терминов и формул, то есть расширяет амплитуду варьирования в языке нижненемец-

та, относящаяся к Руси» или «нижненемецкая грамота, относящаяся к Англии», каждый из которых характеризуется целым рядом особенностей в составе лексики и формул. Ниже приводятся контактные варианты (формулы и лексика), специфичные для англо-ганзейских текстов, классифицированные по тематическим группам, в сопоставлении с синонимичными им вариантами, употребительными на всей территории ганзейских связей в целом. В конце каждой статьи приведены варианты, специфичные для русско-ганзейского корпуса, если они отличаются от общеганзейских.

Названия различных типов документов

«Договорная грамота», обозначается обычно в ганзейских текстах словами *frede*, *breff*, *fredebreff*, *script*, *bok*, *eyndracht*, *eninge*

Примеры:

1. *frede*:

«Nougharden heft eynen sunderghen vrede mit deme Dudeschen kopmanne...» [98]

(HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, с. 46; 1392);

«...diese frede is geendiget...» (многократно) [99]

Перемирие царя Ивана Васильевича с Ливонией
1550 года (Napierksy 1868, Nr. CCCLXXX, с. 369).

2. *fredebref*:

«...fredebreff» (1476 г., Lappenberg 1851, 154);

«...nach diesen fredebreue...» (многократно)

Перемирие царя Ивана Васильевича с Ливонией
1550 года (Napierksy 1868, Nr. CCCLXXX, с. 369).

3. *bref*:

«...overseen de olden breve (unde de crucebreve)» [100]

1392 г. (HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, с. 46);

«...des koninghes breff van Denemarken beseghelt...»;

«...in dessem jeghenwerdigen breve...»;

«...bekennen openbare in dessem breve...» [101]

Грамота послов Любека о ратификации перемирия между Ганзой и Данией, 1364 г., (HR, Abt. I, Bd. 1, Nr. 334, с. 291).

4. *schrift*:

«...in desser jeghenwardigen schrift...»

Грамота 1364 г. послов Любека о ратификации перемирия между Ганзой и Данией (HR, Abt. I, Bd. 1, Nr. 334, с. 291).

5. *bok* в значении «договор»:

« hebben dvt bok horen lezen dat vn dusseme boeke ogheschreven

«...hebben dyt boek horen lezen...» [103]

Сообщение о переговорах ганзейцев с Новгородом, 1373 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 68, с. 78);

«...dat in dusseme boeke gheschreven steyt...» [104]

(там же).

6. *eyndracht*:

«...eyndracht...»

Мирный договор Ливонского Ордена с Псковом, 1417 г. (Napiersky 1868, Nr. CCVI, с. 168).

7. *eninge*:

«...vruntlike eninge gesat... hebben...» [105]

(L-E-CUB, 6, Nr. MMCMLXVII).

«...vruntlike eninghe ghesat vnde ghemaket hebben...» [106]

Грамота Витаутаса Литовского о договоре между Ригой и Полоцком, 1406 г. (Napiersky 1868, Nr. CLX);

«...solte dusse enynge vnd vorbund gantz machtlos... syn...» [107]

Мирный договор Ливонского Ордена с Псковом, 1417 г. (Napiersky 1868, Nr. CCVI, с. 168);

«...in dusser enynge vnd vrede mede wesen...» [108]

(там же, с. 169).

Те же формулы, общие для различных территорий ганзейской торговли, встречаются и в англо-ганзейском корпусе:

«...kraft dusses breues...» [109]

Соглашение ганзейских городов с городом Кельном о торговле в Англии 1476 года (Lapenberg 1851, Nr. CXXXVI);

«...in eren breuen mede erem signet to ratificeren, aproberen, beuesten...» [110]

там же (Lapenberg 1851, 157);

«...vnser... signet an dissen bref don hangen...» [111]

там же (Lapenberg 1851, 157);

«...sint auereingekamen na lude einer scrift...» [112]

Грамота о примирении Ганзы с городом Кельном, 1476 года (Lapenberg 1851, 154);

«...eendracht is gemaket tusghen deme copmanne van London vnde deme copmanne van Nortberghen...» [113]

Соглашение между ганзейскими общинами Лондона и Бергена 1383 года (Lapenberg 1851, Nr. XLI);

«...dysser vorscreuen eendracht tusghen beiden partijen...» [114]

(там же).

Наряду с этими терминами, общими для всей территории ган-

mandat:

«...mandate und breve...»

Грамота о примирении города Кельна и ганзейских городов, 1476 года (Lappenberg 1851, Nr. CXXXVI, с. 154);

composicie в значении «договор»:

В грамотах, написанных на латинском языке, это слово встречается нередко, ср. в грамоте князя Витаутаса, скрепляющей договор Риги с Полоцком (1406 г.), в латинском тексте «compositionem amicabilem posuimus», соответствующее в переводе нижненемецкому «vruntlike eninge gesat... hebben» (L-E-CUB, 6, Nr. MMCMLXVII). Этот термин не встречается в нижненемецких источниках ганзейско-новгородского круга, однако он типичен для западных контактов Ганзы:

«...dat dat in der composicien vorwart worde, dat men uns vul ind alle bii privilegien sall halden...» [115]

Письмо 1449 года от ганзейской общины в Лондоне послам ганзейских городов с пожеланием (HR, Abt. II, Bd. 3, Nr. 569);

«...vmme dat den de koeplude van Kollen vorschreuen der vorschreuen composicien na erem inholde nicht vulgeden...»;

«...so dat allent de composicien to Bremen vp der dachfart mer, breder vnd klarer vtwiset vnd inholdet...» [116]

Грамота лондонского ганзейского двора (договор 1478 года, положивший конец многолетней борьбе между ганзейским Стальным двором в Лондоне и кельнской купеческой общиной в Англии (Lappenberg 1851, Nr. CXXXVII, с. 157–158)).

Эти примеры относятся, как уже отмечалось выше, к текстам первого коммуникативного плана (тексты, исходящие из ганзейского двора в Лондоне). Однако слово *composicie* встречается и в текстах второго коммуникативного плана (корреспонденция третьих сторон о делах, связанных с Англией), например, грамота Данцига Любеку и Гамбургу 1469 года рассказывает о ганзейско-английской войне на море и упоминает о договоре между Ганзой и Францией:

«...wo twisschen der crone van Frangriken und den steden eyne composicie und eyndracht... gemaket isz» [117]

(HR, Abt. II, Bd. 6, Nr. 283).

Латинизм здесь употреблен в паре *composicie und eyndracht* «договор»; употребление синонимов или близких терминов в парных конструкциях весьма характерно для языка рассматриваемых нижненемецких грамот.

privilegia «договор о правах, привилегия»:

« vmme des koenmans frvheit. nrvfuleven vnd recht. de heter tho

«...dat se unsen copman siner olden vriheyt unde privilegien bruken leten...» [119]

Отчет ганзейского посольства в Англию 1379 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210);

«...sunder privilegien ofte ane beseghelde breve...» [120];

«...vorsummenisse der pryuileien vnd fryheiten des gemenen gudes...» [121]

Устав ганзейского двора в Лондоне, 1320–1460 гг. (Larpenberg 1851, 110);

«...vmme falsacie willen der priuileien vnd vreyheide...» [122]

Устав ганзейского двора в Лондоне, 1320–1460 гг. (Larpenberg 1851, 111).

Источником этого трансферента является латинский прототип: «...privilegiis et libertatibus Theutonicorum...» (HR, Abt. I, Bd. 1, Nr. 385, с. 344).

sarters «договор о правах, привилегиях»:

«sarters» (3 раза)

Соглашение ганзейских купцов в Англии с ганзейской общиной в Бергене 1383 года (Larpenberg 1851, Nr. XLI, с. 22–23);

«...zarter vnd priuileien...»;

«...do de zarter erst gegeben was...»

Статут лондонского ганзейского двора 1320–1460 гг. (Larpenberg 1851, с. 109).

Интересно, что этот термин приводится в словаре А. Люббена, ср. снем. *serter(e)*, *certer(e)*, *tzertter(e)* «договорная грамота» (Lüb-ben 1990, 316) без указания территориальной маркированности; между тем его источником является срангл. *chartre* / стфранц. *chartre* (ср. поздлат. *chartula*, уменьш. от *charta*; соврем. англ. *charter*)⁶.

Характерные для русско-ганзейского корпуса *crucekussinghe* и *crucebreve* здесь не встречаются.

«Устав, уложение, статут» = *bok*, *setting*, *gesetten bok*, *scra*:

1. *bok* в значении «устав»:

«...nam... boke... unde olden scraa...» [123].

2. *schra*:

«...in der scraa...» [124]

Договор между Любеком и Висби 1370 г. о новгородском ганзейском дворе (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 32, с. 44);

«...geven wy... den hennipspinnern... ene schrage...» [125]

Устав рижского прядильного цеха 1436 г. (L-E-CUB, V Nr. 70, с. 201).

«...desse schra...»;

«Desse schraaee vorleenden uns unse heren, de raed...» [127]

Устав гильдии ревельских пекарей, 1438г. (L-E-CUB, V, Nr. 258, с. 153, 155).

В англо-ганзейском корпусе текстов преобладает латинизм *ordinancie*:

«...des koepmans recht vnd ordinansien...» [128];

«...do disse vorschreuen ordinancie gemaket worden...» [129]

(Lappenberg 1851, 110);

«Up de laken de ordinancie»

Уставные правила, касающиеся торговли сукном (Lappenberg 1851, 118);

«...disser ordynancien...»

(Lappenberg 1851, 111), далее на с. 117 1 раз, на с. 118 — 3 раза, на с. 121 — 1 раз, на с. 122 — 1 раз, на с. 123 — 1 раз);

«...de by em vnd den steden van der Hense synt gesettet vnde geordenert...» [130]

(Lappenberg 1851, Nr. CVI, с. 103);

«...also se darup setten vnd ordinerende werden...» [132]

(Lappenberg 1851, Nr. CVI, с. 103, также 2 раза на с. 110 *geordeneret*);

«...by dem gemenen koepman geordeneret...»

(Lappenberg 1851, Nr. CVI, с. 108);

«...van der Hense gemaket vnd geordeneret...»

(Lappenberg 1851, 109);

«...so hebben de heren sendebaden geordeneret...» [132]

(там же).

Кроме того, глагол употреблен 2 раза на с. 117, 2 раза на с. 118, 3 раза на с. 119, 5 раз на с. 120, 4 раза на с. 121, 1 раз на с. 122.

«...punte der recessen vnd ordynancien...» [133]

(Lappenberg 1851, 114);

«...disse ordynancie vnd punte sint geordineret...» [134]

(Lappenberg 1851, 118).

Латинский прототип этого трансферента также нетрудно найти: «statuimus et ordinavimus per presentes quedam de curia Nogardensi statuta subscripta...» (HR, Abt. I, Bd. 1, Nr. 385, с. 344: съезд ганзейских городов в Любеке ганзейской общины в Новгороде, 1366 г.).

«Подорожная (охранная) грамота» = *leydebref, versekering, versekerde bref*:

1. *leydebref*:

Нибуров мир 1392 г. (HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, с. 46 Hs. L), кроме того, еще 4 раза в рукописях L и R2;

«...dat wii juw willen begnadigen unde geven juw unsen geleidesbref...» [136]

Подорожная охранная грамота Вел. князя Ивана ганзейскому послу, 1495 г. (HR, Abt. III-Bd. 3, Nr. 510, с. 393).

2. *geleide*:

«...unde ere geleyde»

Нибуров мир 1392 года, Hss. L, R1, R2 (HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, с. 46).

3. *versekering/versekerde breff*:

«...unser vorsekeringhe», «vorsekerdes lovenbrefes»

Нибуров мир (HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, Hs. R1);

«...boven den versekerden breff...» [137]

Нибуров мир, ревельский перевод в рукописи R1.

Англо-ганзейские варианты:

save conduit:

«...van deme koninghe en save conduit...» [138]

(в немецком тексте послания ганзейской конторы в Лондоне городу Брюгге 1375 г.: HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 100);

«...salveconduit»/«salve conduit»

(из материалов посольства в Англию 1379 года и посольского отчета, HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210).

Источником этого французского трансферента является стфранц. *sauve conduit*, с тем же значением.

«Посольская грамота» = *werff, werving, bref*

1. *werff*:

«...als wy unse werff vor deme ertzebiscope van Naugarden, borchgreven, hertogen unde gemeynheit van Naugarden up-seden...» [139]

Отчет ганзейского посольства в Новгород, 1436 г. (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 586, с. 512);

«...der [oer] werff was...»

Посольский отчет 1436 г. (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 586, с. 514); 3 раза *werff*, там же, с. 518.

«...parth der wervinge...» [141]

(там же, с. 647);

«...dat he sorchfvoldiger tor wervinge sy, dan ome villichte van noden...» [142]

(там же, с. 650).

«Ame mandage is de warvinge schrifftlick avergegeven...»;

«...dat der keyszer aller Russen etc. unsze wervinge... wol vornamen hadde...» [143]

(там же, с. 651).

3. *breff*:

«...myd breuen van der stede werfen...» [144]

Грамота новгородской ганзейской общины 1406 года, (Napierksy 1868, Nr. CLXII, 128).

Эти обычные для всей ганзейской территории обозначения посольских грамот встречаются и в англо-ганзейском корпусе:

«...unse werf em (=deme ertzebiscope van Cantelberghen) tho oppenbarende...» [145]

Отчет ганзейского посольства в Англию, 1379 года, (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210);

«...so wolde he unse werf gherne van uns hoeren» (там же);

«...leten en vorstan unse werf...» (там же);

«...dat wy dar umme unse werf nicht wolden laten ungheworven...» (там же);

«...wy mochten vor se (=den koningh) komen, uns in unsen werven to horende...» (там же); далее там же *unse werf, de werve*;

«...ere breve...» [146]

Отчет о ганзейском посольстве к английскому двору 1434 года посольские грамоты (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 383, с. 292, 293).

Англо-ганзейские варианты:

puynthe в значении «посольская грамота» (проект договора, подготовленный для переговоров)»:

«...ander nye puynthe to verweruene...» [147]

Соглашение между ганзейскими общинами Лондона и Бергена, 1383 г. (Lappenberg 1851, Nr. XLI) (многократно);

«...antwordeden en uppe de 4 punte...» [148]

Отчет ганзейского посольства в Англию 1379 года перед ганзейскими городами (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210);

«...unse anworde an ener scrift uppe de 4 punte...» [149]

(там же);

«punte» «verscrevene punte»

Тем же словом называется предварительное заключение, возможно в форме перечня пунктов:

«...gaf em dit bauen schreuen punte...» [150]

Протокол слушания по делу Ганса Кулле, состоявшегося в ганзейском лондонском дворе ок. 1487 г. (Lappenberg 1851, Nr. XLVI, с. 166, аналогично на с. 164).

Характерное для русско-ганзейского корпуса *hovetslag* здесь не встречается.

Письменный ответ на грамоту послов = *bref, antword*

В англо-ганзейском корпусе часто употребляется слово *replicacie*:

«Dar na alse desse replicacien ghelesen weren...»;

«...ere replicacien tjeghen unse antworde...» [151]

Отчет ганзейского посольства в Англию перед ганзейскими городами, 1379 года (в переводе, сделанном в Гамбурге, HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210, с. 246).

Тот же пункт в переводе, сделанном в Данциге (то есть, в восточном секторе ганзейской торговли), звучит иначе: «Alse ere antwerde lesen was...» и, во втором примере, «...ere antworde tjeghen unse antworde...» [152] (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210, с. 246);

«der heren sendeboden credencien unde... werve... gheantwerdet...» [153]

Отчет ганзейского посольства в Англию, 1434 г. (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 383, с. 293).

Общим для всей ганзейской территории было обозначение этого документа словом *antwort*, например:

«...geven (den sendebjden) eyn gutlik antwort...» [154]

Грамота Любеку и послов Любека городу Новгороду о предстоящих переговорах, 1435 г. (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 466, с. 417);

«...hadden... vorhopet enes guden antwordes...» [155]

Юрьев Ревелю о неудавшемся посольстве в Псков, 1436 г. (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 585, с. 508);

«...ne kunden se uns neyn antwert geven darup...» [156]

Отчет о ганзейском посольстве в Новгород, 1536 г. (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 586, с. 512);

«...dat se denne ok unse antwert horen wolden...» [157]

(там же, с. 515).

«...in eren breuen mede erem signet... beuesten...» [158]

Соглашение ганзейских городов с городов Кельном по поводу торговли в Англии, 1476 года (Lappenberg 1851, Nr. CCXXXVI, с. 157)

Для англо-ганзейского корпуса характерен глагол *ratificeren*:

«in eren breuen mede erem signet to ratificeren, aproberen, beuesten vnd beleuen schalden, vor sick vnd ere nakameiinge stede...» [159]

Соглашение ганзейских городов с городов Кельном по поводу торговли в Англии, 1476 года (Lappenberg 1851, Nr. CCXXXVI, с. 157).

Источник этого трансферента встречается в латинских грамотах, ср. «...mercatoribus Hanse et predice et eorum successoribus tenore presentium ratificamus, et confirmamus...» (Английская королевская грамота 1480-х гг. по поводу тех же событий, Lappenberg 1851, Nr. CXLIV, с. 162).

«Печать», «навешивать печати» = *seghel/signet (hangen)*

В англо-ганзейском корпусе преобладает *signet*:

«...singenet... hangen...»

(1476 г., Lappenberg 1851, 154 и далее);

«...mede... signet to ratificeren, aproberen, beuesten...»,

«...singenet an dissen bref don hangen...» [160]

Соглашение ганзейских городов с городом Кельном 1476 года (Lappenberg 1851, Nr. CXXXVI, с. 157);

«...hebben wi... vnse syngenete an dissen bref gehangen...» [161]

Грамота о примирении ганзейского двора с городом Кельном, 1478 года (Lappenberg 1851, Nr. CXXXVI).

В англо-ганзейских текстах наряду с указанным словом *signet* встречается, хотя и значительно реже, обозначение печати *segel/ingesegel*, например, в процитированной выше грамоте 1478 года находим также *vorsegelen, segel*.

«Screven under unsen inghesegele...» [162]

Письмо немецких купцов из Брюгге ганзейской общине в Лондоне, 1375 года (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 101).

«segel»

Соглашение ганзейской конторы в Лондоне с городом Кельном о торговле в Англии, 1478 г. (Lappenberg 1851, Nr. CXXXVII, с. 157).

«...beseghelt...», «...koninghes ingheseghele...»

Материалы ганзейского посольства в Англию

«...mit unsen anhangenden segelen...»

Грамота Герману Ванмате, писарю ганзейской конторы в Лондоне, 1476 года, Lappenberg 1851, Nr. CXXXV, с. 154).

В русско-ганзейских текстах имеем исключительно второй вариант, ср. *segel*, *ingheseghel*, *besegelt* (Договор 1392 года, HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 45, с. 47), тогда как синоним *signet* в текстах, принадлежащих восточному сектору, не встречается.

«So hebbe wy... vnse Ingesegele vor vnser Orden... an dussen breff gehangen...» [163]

Мирный договор Пскова с Ливонским Орденом, 1417 г. (Napier sky 1868, Nr. CCVI, с. 169);

«Des tho Orkunde v. merer bestedinge willen hebben wij vnse Ingezeghel... laten hengen an dessen breff» [164]

Грамота Сигизмунда Литовского архиепископу Рижскому, 1439 г. (Napier sky 1868, Nr. CCXLIII, с. 198).

Некоторые правовые действия

«Пожаловать» = *begnadigen*

«So hebbe wy Jw baden vth den dreyvndesoffentlich steden begnadiget vnn gegeuen vnser breff...» [165]

Подорожная грамота Вел. кн. Василия Ивановича ганзейским послам, 1514 г. (Napier sky 1868, Nr. CCCXXVI, с. 288);

«...vnn wy grote heerscher Wassylie... Jw breff der begnadinge gesant hebben...» [166]

(там же);

«meth Eynem frede tho begnadighen...» [167]

Грамота ганзейских послов о заключении мира с Новгородом, 1514 г. (Napier sky 1868, Nr. CCCXXIX, с. 292);

«...wolde begnadigen unde bevelen... tho enem... Bifriede...» [168]

Договор Вел. кн. Василия Ивановича с ганзейскими городами о мире и торговле 1514 г. (Napier sky 1868, Nr. CCCXXXI, с. 294);

«...myt enen vrede... begnadiget hefft...» [169]

Грамота посадника Иван-города о взаимоотношениях с Нарвой, 1515 г. (Napier sky 1868,

grantiren:

«...heft dey copman van London... grantiret vmme mynne vnde vrenschop wyllen...» [170]

Соглашение ганзейских общин Лондона и Бергена, 1383 г. (Lappenberg 1851, Nr. XLI, с. 22).

«Подтверждение (договора)» = *bevestinghe, bestedegen*

«...bestedeget den vredhe...» (= «подтвердил мир» в древнерусском тексте)

Грамота Ярослава 1269 года (Валк 1949, Nr. 31, 54);

«Des tho Orkunde v. merer bestedinge willen hebben wij vnse Ingezeghel... laten hengen an dessen breff...» [171]

Грамота Сигизмунда Литовского архиепископу Рижскому, 1439 г. (Napiersky 1868, Nr. CCXLIII, с. 198);

«...nyn ander enynge... twischen vns vort wirt bevestent...» [172]

Мирный договор Ливонского Ордена и Пскова, 1417 г. (Napiersky 1868, Nr. CCCVI, с. 169);

«...vmme merer voruestynghe willen der vorgescr. voreynin- ghe...» [173]

Подтверждение Сигизмундом старого договора между Ригой и Полоцком, 1439 г. (Napiersky 1868, Nr. CCXLII, с. 197);

«...de dinge vortan to beuestende vnd dat Cruce to kussende» [174]

Грамота Риги о перемирии, заключенном между Новгородом и Орденом, и т. д., 1473 г. (Napiersky 1868, Nr. CCLXXXI, с. 244).

В англо-ганзейских текстах часто встречается синоним *confirmacie*:

«...er deme copmanne sin confirmacie wedder werden mochte...» [175]

Посольский отчет о подтверждении английским королем привилегий ганзейских купцов в Лондоне, 1379 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210);

«...dat se uns unse confirmacien wedder gheven...»

(там же);

«...dat se uns unse confirmacien weddergheven...» [176]

(там же, в гамбургской рукописи); в данцигской рукописи аналогично:

«...dat se uns unse confirmacien weddergheven»,

«...als dat dey konyngh stoerve. eene confirmatie to veruol-

- «...bi der stede confirmatien...»
 (Statuten-Buch des Stahlhofs, Lappenberg 1851,
 Nr. CVI, с. 105);
- «...antwerde em mede up de confirmacien unde unse procura-
 torium...» [178]
 Отчет посла Пруссии Йоганна Кавольда перед
 прусскими городами о посольской миссии в Анг-
 лию, 1410 г. (HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 24).

Обозначения должностных лиц

«Глава канцелярии» / «секретарь» / «писарь» = *sekretarius/schriver*.

В англо-ганзейских источниках часто употребляется термин *cantzlere*:

- «...deme cantzelere here Richarde Lestrup...»
 Отчет ганзейского посольства в Англии, 1379 г.
 (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210);
- «unde heft se dem hern ertzebischope van Cantelberge, synem
 cantzlere, vor em laten lesen» [179]
 Посол Ордена в Лодоне D. v. Logendorf сообща-
 ет в города Эльбинг, Торунь и Данциг о посоль-
 стве к английскому королю, 1409 г. (HR, Abt. I,
 Bd. 4, Nr. 620).

В отчете ганзейского посольства в Англию везде встречаем *cancellere*, ср. HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 383, с. 292–293:

- «...cancellier»
 Послание ганзейской конторы в Лодоне городу
 Брюгге, 1449 г. (LUB-1–8, Nr. DCXXIX).
- Специфическим для англо-ганзейского корпуса является
 также лексема *klerk*, служащая, очевидно, для обозначения ря-
 дового писаря:

- «...myt dem klerk to kyuende...»;
 «...myt des koermans klerke... scheldeworde maken...» [180]
 (Lappenberg 1851, 113).
- Последнему термину близко по значению ннем. *schriver*
 «писарь, секретарь» (Lappenberg 1851, 105), также встречающе-
 еся иногда в англо-ганзейских текстах. В них же часто упот-
 ребляется обозначение писаря *sekretarius*:

- «...de des kopmans to Lunden sekretaries plach to wesende...»;
 «...des kopmans to Lunden in Englant sekretaries...»;
 «...sekretarius... van Hamborch...» [181].

Слово *kantzelere* появляется лишь в поздних текстах, относящихся к московскому периоду, когда уже существует целый штат переводчиков и писарей во главе с канцлером:

«...is to vns gekomen eyn schriuer van plosskow...» [182]

Грамота архиепископа Рижского, 1466 г. (Napier-sky 1868, Nr. CCLII, с. 206);

«...des her grotfurstes schriver Sommerocke...» [183]

Отчет посольства Йогана Роде в Новгород в 1510 г. (HR, Abt. III, Bd. 5, Nr. 541, с. 651);

«...myt Luca deme schriver» [184]

(там же, с. 651);

«durch Ihren Under-Cantzelern unnd andere Kayserliche Offe-cirer...» [185]

Отчет о ганзейском посольстве из Любека в Москву и Новгород 1603 года, на верхненемецком с нижне-немецкими вкраплениями (по: Schleker 1890, с. 49).

«бургомистр» = *bormestere*, *borchgreve*

В англо-ганзейском корпусе встречается специфичный термин *meyer*:

«...ghinghe wy uppe de ghildhalle vor den meyer unde de oldermanne van Londen...» [186]

Отчет ганзейского посольства в Англию 1379 года (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210);

«...den meyer... van Lunden...» (там же);

«...des meyers sariante...»;

«...den ieomans des meiers...»;

«...den dorwechteren (des) meigers...»;

«...dem meygere van Lunden...» [187]

(Все примеры из акта о расходах ганзейской конторы в Лондоне, ок. 1400 г., Lappenberg 1851, Nr. XLV);

«...meiger...» «мэр Лондона»

(Lappenberg 1851, 26; HR, Abt. I, Bd. 4, 622).

В грамотах русско-ганзейского корпуса используется общенижненемецкая лексика (в ранних текстах *borchgreve*, с начала XV века — *bormestere*, ср. Шевченко 1995, 51), встречается также русский трансферент *possadnik*, так же и в разговорнике Фенне (Fenne II 38.4, с. 24). Приведем примеры:

«...de Borchgreve... tho Plescowe...» [188]

Мирный договор Пскова с Ливонским Орденом, 1417 г. (Napier-sky 1868, Nr. CCVI, с. 169);

«...de borcgreve Samsone...»

«...an de heren borghermester vnn raet...» [189]

Грамота ганзейской общины Полоцка городу Риге, 1415 г. (Napiersky 1868, Nr. CXIII, с. 159);

«...den Burgemeister von Naugarden...»

Договор Новгорода с Ливонским Орденом о границе у Нарвы, 1421 г. (Napiersky 1868, Nr. CCXIII, с. 175);

«...de borgemeisters...»

Грамота Великого князя псковского городу Риге, 1588 г. (Napiersky 1868, Nr. CCCXCVII, с. 398).

«Пошлина» = *toll*

В англо-ганзейских текстах:

kastum — 3 раза на с. 115 Statuten-Buch XXVIII (Lappenberg 1851, 115), 4 раза *der kastumers*, а также:

«...vp de kastumen...»

Statuten-Buch des Stahlhofes zu London, 1320-1460 (Lappenberg 1851, Nr. CVI; 4 раза на с. 109);

«...des koninges kastume betalen...» [190]

(Lappenberg 1851, 122);

«...kastum und tolleren...»

(Lappenberg 1851, 109);

«...vorkastumen eme sin gud...» [191]

(Lappenberg 1851, 106);

«...vorkastumet...»

(1500, «Von Denen, die gegen Hahse...», Lappenberg 1851, Nr. CXLVII, с. 167).

Наряду с этим географически ограниченным обозначением в англо-ганзейском корпусе встречается и общее снем. *tol*:

«...sunder den nyen tol...» [192]

Письмо ганзейской общины в Лондоне ганзейским городам, 1374 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 99);

«...wante des edelen conynghes raet seghet, dey tol sy ghesat...» [193] (там же).

За пределами англо-ганзейского контекста принято общее ганзейское обозначение:

«...den tolleren...»,

«...summe des tolleren...»,

«...vortolleren...»

Грамота Висби ганзейским городам, 1362 г. (HR, Abt. I Bd. 1 Nr. 200 с. 221).

Обозначение ганзейской купеческой общины = *de ghemeyne* [Dudsche] corman, de gemene corman van der Hense, просто *de corman*

Обычная для всей территории ганзейских контактов формула самоназвания ганзейской общины купцов в целом сохраняется и в англо-ганзейском корпусе, за исключением замены топонима на западный вариант *Almanien*:

«...vor den ghemeynen corman van Almanien van der Dusschen hense...» [194]

Письмо ганзейской общины в Лондоне ганзейским городам 1374 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 99);

«...deme ghemeynen cormanne van der Dusschen hense van Almanien op der tiit to Londen wesende» [195]

(там же, в подписи);

«...van der dudsken Hense vp de tiit tho Lunden wesende»

(Lappenberg 1851, Nr. CVI, с. 103);

«...kopmans van der dutschen Hanse to Brugge in Flandern vnd to Lunden in Engelant residerende» [196]

Соглашение ганзейских городов с городом Кельном, 1476 г., Lappenberg 1851, Nr. CXXXVI, с. 154), так же на с. 155;

«...den erbaren olderman vnd gemenen koerman van der dutschen Hense to Lunden in Engelant residerende»

Соглашение между ганзейской общиной в Лондоне и городом Кельном 1478 года (Lappenberg 1851, 158).

На латинском языке эта формула выглядит следующим образом: *mercatores hense Theotonice Londoni existentes*.

Встречаются и варианты с этнонимом *dutsch*:

«...den... gemenen steden van der dutschen Hanse».

Как и на всей территории контактов Ганзы, в англо-ганзейском цикле встречаются различные версии сокращенных формул:

«...dey korman...»

Письмо ганзейской общины в Лондоне ганзейцам в Брюгге, 1375 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 100);

«...den gemenen koerman...»

(Lappenberg 1851, Nr. XL);

«...de mene corman»

Отчет ганзейского посольства в Англию 1379 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 210);

«...dem koerman darsuluest residerende...»

Соглашение ганзейских городов с городом Кельном 1476 г. (Lappenberg 1851, 155).

- «...des kopmans to Lunden in Engelant residerende...»
(там же, с. 156);
«...dem kopmanne darsuluest residerende...»
(там же, с. 156);
«...de gunst de he deme copmanne vele bewiset hefft...»
(там же).

Вместе с тем в англо-ганзейском корпусе наряду с обще-нижненемецким самоназванием встречаются варианты, специфичные для этого региона:

maschop (< англ. см. прим. Lappenberg 1851, 170–173):

«...magheschopp...»

Грамота Гамбурга Люнебургу об английских делах (HR, Abt. I, Bd. 4, Nr. 497);

selschop:

«...met unser selscar unde met unsen perden...» [197]

Письмо купцов из Брюгге ганзейской общине в Лондоне, 1375 г. (HR, Abt. I, Bd. 2, Nr. 101), также 3 раза *selschop* в Уставе ганзейского двора в Лондоне (Lappenberg 1851, 111);

cumpenien:

«...nemand in de Hense behorende en schal selschop noch cumpenien holden myt ienigen man van buten der Hensen...» [198]
(Lappenberg 1851, 111);

euentur:

«...euentur...»

(Lappenberg 1851, 105, 106; HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 24: посол Пруссии перед английским королем).

В русско-ганзейском корпусе встречаются только общие для всего нижненемецкого обозначения.

Названия профессий

«Грузчик» = *dreger*

В англо-ганзейских текстах общеганзейское обозначение *dreger* вытеснено словом *porter*:

«...twe vnser porters scholen de dragen...» [199]

Перечень расходов ганзейского двора в Лондоне (Lappenberg 1851, Nr. XLV, с. 27);

«porters» многократно встречается в тарифе грузчиков лондонского ганзейского двора (Lappenberg 1851, Nr. XCII, с. 74) и в уложении (Gesellen-Tafel лондонского ганзейского двора 1513

Это слово не встречается в русско-ганзейском корпусе: ср. *dreger*, которое может также заимствоваться в русский с переоформлением словообразовательной структуры: ср. *dregil*, русское слово, переданное у Фенне в немецкой транскрипции (Hammerich, Jakobson, II: 345, 2);

«...wat de dregere nomen zullen unde boven dat nicht...» [200]

Посольский отчет о переговорах в Новгороде, 1436 г. (HR, Abt. II, Bd. 1, Nr. 586, с. 509);

«...dregers...» (там же).

Рис. 5. Волховские перевозчики (снем. uorsch kerle, упомянутые в грамоте Ярослава) на волоке ладей с товарами ганзейцев

«суконщик» = *dok-maker/-vorer* (Lübben 1990, 80); *laken-maker/stricker* (Lübben 1990, 196)

В англо-ганзейском корпусе текстов вместо них выступает географически ограниченный вариант:

draper:

«...gescharen laken, de man van den drapers dagelikes to kopeude pleget» [201]

Устав ганзейского двора в Лондоне (Larpenberg 1851, 118).

В русско-ганзейском корпусе не встречено специфических для него обозначений этой профессии.

В англо-ганзейских текстах встречается также термин *schinner* (из срангл. *skinner*):

«...geuet (sin gud) de schinners... to prouende...» [202]

Устав лондонского ганзейского двора о запрете на вынос товара со двора (Lappenberg 1851, 116).

В последнем случае, разумеется, атрибуция не представляет трудностей, и речь не идет о сложном франко-латино-английском взаимодействии.

Сравнение русско-ганзейского и англо-ганзейского контактного материала показало, что в обоих регионах практической деятельности Ганзы средненижненемецкий язык оказался проницаемым для трансференций. Четко соотнесенные с определенной территорией и с определенной контактной средой в культурном и языковом планах, эти трансференты могли, благодаря механизму коммуникативных связей, существовавших в структуре ганзейской администрации, проникать в коммуникативные сферы, не связанные прямо с русскими или английскими адресатами или источниками, т. е. в корреспонденцию третьих сторон, а в ряде случаев и на общеганзейский коммуникативный уровень. Таким образом, на материале единиц языка (заимствованных лексем) и единиц текста (трансферентных формул русских грамот) прослеживается механизм процессов языкового смешения. Отдавая себе отчет в том, что данные трансференты остаются контекстно связанными и что они не относятся к системообразующим элементам языка, можно все же утверждать, что на их примере исследована модель контактного поведения средненижненемецкого языка.

Ее особенностью является высокая контактная активность средненижненемецкого регионального языка. С одной стороны, такая восприимчивость языка к контакту говорит о большом экстралингвистическом давлении: о значимости успешных торговых взаимоотношений Ганзы с Русью и Англией. Нельзя не увидеть в этом и определенной опасности для сохранения достигнутого уровня нормированности средненижненемецкого делового языка. По сути, нижненемецкий деловой язык в процессе создания территориальных контактных вариантов начинает размываться, разрушается в результате влияний, которые он испытывает в различных географических ареалах. Явление лоскутности, о котором говорилось выше в связи с распространением русских трансферентов в текстах центральных ганзейских инстанций (протоколах общеганзейских съездов и судов, в посольских отчетах перед Висби, Любеком или Ревелем), есть признак распада единой любекской нормы и шаг к разру-

ли, что критерий престижности сработал в его случае в обратную сторону от ожидаемой — не менее престижный язык подвергся влиянию, а, напротив, язык, имеющий колоссальную международную репутацию и влияние, оказался более проницаемым — причем снизу до самого верха, до Любекской канцелярии, — для трансференции из русского языка. Аналогично в принципе обстоит дело и с англо-ганзейскими трансферентами. В случае англо-ганзейских контактов наблюдается засорение латинизмами и галлицизмами, не связанное с некомпетентностью и общей культурной отсталостью носителей по сравнению с осваиваемым ими культурным языком. Напротив, в обеих ситуациях сами носители этого культурного языка (нижненемецкого) засоряют его в контакте с иноязычной средой страны, в языковом отношении не менее культурной, однако политически и экономически более слабой.

При всех различиях ситуаций в Англии и на Руси, все же просматривается некий общий контур их взаимоотношений как с Ганзой, так и с языком ганзейцев. Эта общая черта может в целом быть обозначена как лингвистическая неготовность обеспечить контакт своими усилиями. С чем связана мотивированность совершить шаг к языковому, как и вообще к кросс-культурному, контакту у нижненемецкого, выше подробно рассмотрено в различных экстралингвистических аспектах. Лингвистический же аспект состоял, очевидно, в том, что чрезвычайная контактность средненижненемецкого языка Ганзы, являющаяся его особенностью на протяжении всей истории, начиная с дописьменного периода, привела его в столкновение с верхненемецким в начале XVI века в состоянии повышенной проницаемости для иноязычного влияния: семикоммуникация с ближайшими близкородственными языками (датским, нидерландским) и прозрачность для трансференций и интерференций со стороны более отдаленных (как географически, так и системно) языков не позволили ему сохранить свое тождество в условиях падения Ганзы и ухода церковных и административных институтов в сферу верхненемецкого языка.

Примечания

- ¹ Переводы нижненемецких примеров из текстов приведены в Приложении: см. номера, указанные в квадратных скобках после примера.
- ² Подробнее проблеме русских заимствований в нижненемецких ганзейских текстах посвящена работа С. Н. Шевченко (1995).
- ³ Из наиболее ранних изданий грамот и дипломатических актов к истории русско-нижненемецких контактов имеют отношение, например, следующие:

рукопись) относится к 1828 году (Heinr. Behrmann. *De Skra van Nougarden*. Copenhagen, 1828), однако в нем содержится большое количество ошибок (ср. W. Schlüter / В. Шлютер. Новгородская скра в семи редакциях от XIII до XVII века. Юрьев, 1911, с. 12). На редакции Г. Бермана, но с учетом ошибок и с добавлением комментария и вариантов прочтения, основывается И. Андреевский в книге «О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году», изданной в Санкт-Петербурге в 1855 году. С 1846 года в Петербурге начали выходить «Acta ad Historiam Russiae occidentalis spectantia» (Collegium archeograph., Petropolis, 1846–). Старейшим собранием ливонских актов являются *Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. Bd. 1–4. Riga, 1835–1844; в 1850-е годы в Ревеле под редакцией Фр. Бунге начало выходить собрание прибалтийских актов: *Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch* / Hrg. Fr. G. v. Bunge, а в 1868 году вышло специальное собрание К. Е. Напьерского (K. E. Napiersky. *Russisch-livländische Urkunden*. St. Petersburg, 1868). С 1870 года начато многотомное издание ганзейских актов (*Hanserecesse: Die Recesse und andere Akten der Hansetage. 1256–1430*. Bearb. K. Koppmann, Abt. I, 1870–, Leipzig, см. также фотопереиздание: HR 1975), а также *Hansisches Urkundenbuch* (HB). Halle; Leipzig, 1876–. В те же десятилетия начинают выходить и собрания актов различных городов, например, Любека (*Urkundenbuch der Stadt Lübeck*. Hrg. Verein für lübische Geschichte. Lübeck, 1843–), и др.

- ⁴ В отношении рассматриваемого в данной работе периода вопрос о существовании древнерусского языка деловой письменности («письменно-деловой речи в разных жанрах», ср. Виноградов 1958, 137) получает достаточно однозначный положительный ответ. Так, наиболее ранний список «Русской правды» относится уже к 1282 г., причем именно к новгородскому кругу источников. Таким образом, можно исходить из факта существования на протяжении интересующего нас времени в интересующем нас регионе развитого и относительно нормированного языка правовых текстов и грамот, литературно-типологически сопоставимого с языком нижненемецких правовых и деловых текстов того же времени. Имея в виду длительную и сложную дискуссию в русистике об отношении деловой письменности к литературному языку (ср. различные точки зрения про этому вопросу, представленные, например, А. А. Шахматовым и С. П. Обнорским 1934, 1946, а также обзор этой дискуссии у Ф. П. Филина, 1981, 224–259), уточним, что в рассматриваемых в данной работе текстах представлен исключительно язык деловой письменности, восточнославянский по происхождению, отличающийся от языка высокой книжности, т. е. церковнославянского (ср., например, Ремнева 1995, 103). Расширительное понимание литературного языка как включающего деловую письменность, соответствует принятой в германистике точке зрения и не связано с полемикой вокруг типов древнерусского литературного языка.
- ⁵ В ходе всей восточной колонизации немцы накопили большой опыт взаимоотношений, в том числе и правовых, с местным славянским населением. Славяне завоеванных территорий нигде не считались равноправными немцам. Они единственные еще в 1225 платили подушную пошлину. По любекскому праву признавались равными в правах с немцами только те славяне, которые подверглись онемечиванию. Восточные города Висмар, Росток, Грейфсвальд и Штральзунд пер-

Еще в 1490 году в Любеке было отказано в наследстве на том основании, что имущество было нажито матерью в браке со славянским мужем, который был ей не «enbordig», то есть не равен по рождению (Ahlers 1939, 34). Потребность молодых городов в рабочей силе заставляла их открывать ворота для притока населения из местных крестьян, однако необходимым условием всегда оставалось онемечивание этих пришельцев, называемых, вместе с балтами в Ливонии, словом *Undeutsche* (снн. *undutsch*), — смена веры, языка, часто имени. Аналогичным образом решался вопрос и в новых балтийских городах в отношении местных, ср. в уставе ревелских булочников 1438 года запрет на прием в гильдию эстов: «en schal neyn Eeste in unsem ampte synes sulves werden» [205] (L-E-CUB, 9, Nr. 258); в уставе пивоваров г. Ревеля, также 1438 года, оговорено не только их немецкое происхождение, но и их жен, однако есть и красноречивый пункт, в виде исключения разрешающий пользоваться правами члена гильдии немцу в том случае, если он «en Undudesch erlik wiiff hevet» («имеет инородную законную жену», там же, Nr. 402).

- 6 Относительно передачи английского начального звука в этом термине (ср. ннем. *sarter*, Lappenberg 1851, 23; *zarter*, *szarter*, Lappenberg 109) следует отметить ее регулярность в текстах, написанных ганзейскими писцами. Аналогично передаются и топонимы, содержащие тот же звук, например, *Xsestre* (соврем. англ. *Chester*), *van Wintsestre*, *van Wintsestere* (соврем. англ. *Winchester*) (примеры взяты из отчета и корреспонденции посольства ганзейских городов в Англию в 1379 г.), также *Wynczester*, *Nordwicz* (из актов посольства в Англию в 1415 г., HR, Abt. I, Bd. 5, Nr. 195, 149). Поскольку предположить сибилантное произношение в английском в это время уже нельзя, наиболее вероятным объяснением может быть указание на качество /s/, /z/ в самом средненижненемецком. Эти звуки, очевидно, произносились шепеляво, о чем говорят такие транслитерации, как русская передача названия города Зоста как *Жат* или *Жюжажат* (последнее из латинского *Susatum* в нижненемецком произношении, ср. Ellmers 1985) в смоленско-немецком договоре 1229 года или передача часто фигурирующего в русско-ганзейских текстах имени *Sassenbeke* как *Зашембяка* (переписка архиепископа Новгородского с Ригой по поводу суда над Зашембякой, 1418–1421 гг., HR, Abt. I, Bd. 6, также Валк 1949, Nr. 57). Шепелявость собственного /s/, /z/ позволяла немцам недифференцированно использовать соответствующие графемы для шипящих спирантов, а также, для аффрикаты, вариант с начальным смычным усилением: *ts tz*. Аналогично передаются в нижненемецких текстах и русские названия с шипящими спирантами и аффрикатами: ср. *dat kloster Petzenea* «монастырь Печенга», *eine beke, Soxcena genant* «река под названием Шексна», *dat erste kerkdorp Precista* «первое село Пречистое», а также название опричнины «Aprisni» в нижненемецкой рукописи путевых описаний Генриха фон Штадена XVI в. (von Staden 1964, 271–272).

Литература

- Амосова 1956 — Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956.
- Андреевский 1855 — И. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими го-

- Бруннер 1955 — *К. Бруннер*. История английского языка. М., 1955, т. 1.
- Валк 1949 — *С. Н. Валк*. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Виноградов 1958 — *В. В. Виноградов*. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.
- Гак 1989 — *В. П. Гак*. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989, с. 5–17.
- Ильиш 1968 — *Б. А. Ильиш*. История английского языка. М., 1968.
- Казакова 1975 — *Н. А. Казакова*. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.
- Костомаров 1995 — *Н. И. Костомаров*. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995. Кн. 1.
- Ладо 1989 — *Р. Ладо*. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989, с. 32–62.
- Покровский 1933 — *М. Н. Покровский*. Русская история с древнейших времен. ОГИЗ, 1933.
- Похлебкин 1992 — *В. В. Похлебкин*. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М., 1992.
- Приходно-расходные... 1912 — Приходно-расходные книги московских приказов. Часть 1 // Русская историческая библиотека. М., 1912, т. 28.
- Ремнева 1995 — *М. Л. Ремнева*. Еще раз о типах (видах, стилях) древнерусского литературного языка // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 1995. № 4, с. 99–104.
- Рыбина 1986 — *Е. А. Рыбина*. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.
- Филин 1981 — *Ф. П. Филин*. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- Хорошкевич 1963 — *А. Л. Хорошкевич*. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.
- Шевченко 1995 — *С. Н. Шевченко*. Новгородские источники к изучению русско-ганзейских языковых связей XIII–XVI вв. (В рукописи).
- Шлютер 1911 — *В. Шлютер*, см. Schlüter 1911.
- Ярцева 1969 — *В. Н. Ярцева*. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969, с. 48–91.
- Ярцева 1985 — *В. Н. Ярцева*. История английского литературного языка IX–XV вв. М., 1985.
- Яцимирский 1921 — *А. И. Яцимирский*. Описание южно-славянских и русских рукописей заграничных библиотек, т. I // Сборник Отделения русского языка и словесности, т. 98. Пг., 1921.
- Ahlers 1939 — *O. Ahlers*. Die Bevölkerungspolitik der Städte des «wendischen» Quartiers der Hanse gegenüber Slawen. Berlin, 1939.
- Alving 1918 — *Hjalmar Alving*. Die Nowgoroder Skra nach der Kopenhagener

- Angermann, Endell 1989 — *Norbert Angermann, Ulrike Endell*. Die Partnerschaft mit der Hanse / Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11–17. Jh. München, 1989, S. 83–115.
- Balley, Maroldt 1977 — *Ch.-J. Balley, K. Maroldt*. The French lineage of English // *Languages in contact. Langues en contact — Pidgins — Creols* / J. M. Meisel. Tübingen, 1977.
- Barz 1978 — *P. Barz*. Heinrich der Löwe. Bonn, 1978.
- Baugh, Cable 1978 — *A. C. Baugh, Th. Cable*. A History of the English Language. Henley-on-Thames, 1978.
- Bense 1924 — *J. F. Bense*. The Anglo-Dutch relations from the earliest times to the death of William the Third: being and historical introduction to a dictionary of the Low-Dutch element in the English vocabulary. s-Gravenhage, 1924.
- Bense 1939 — *J. F. Bense*. A dictionary of the Low-Dutch element in the English vocabulary. The Hague, 1939.
- Carlie 1925 — *J. Carlie*. Studium über die mittelniederdeutsche Urkundensprache der dänischen Königskanzlei von 1330–1430. Lund, 1925.
- Choroškevič 1996 — *A. L. Choroškevič*. Der deutsche Hof in Novgorod und die deutsche Herberge (Fondaco dei Tedeschi) in Venedig im 13./14. Jahrhundert. Eine vergleichende Vorstudie / Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag / Hgg. O. Pelc und G. Pickhan. Institut Nordostdeutsches Kulturwerk. Lüneburg, 1996, S. 67–88.
- Christensen 1989 — *B. Christensen*. Niederdeutsche Lehnwörter in Quellen aus der Gegend von Koge aus der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts // *Niederdeutsch in Skandinavien II*. Berlin; Bielefeld; München, 1989, S. 173–187.
- Cordes 1959 — *Gerhard Cordes*. Zur Erforschung der Urkundensprache // *Niederdeutsches Jahrbuch*, № 82, Jg. 1959. Neumünster, 1959, S. 63–79.
- Dimante 1996 — *Irina Dimante*. Altrussische Sprachdenkmäler im Historischen Staatsarchiv Lettlands und Perspektiven ihrer linguistischen Erforschung / Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum / Hrg. Gisela Brandt. Stuttgart, 1996, S. 99–104.
- Dollinger 1989 — *Ph. Dollinger*. Die Hanse. Stuttgart, 1989.
- Ellmers 1985 — *D. Ellmers*. Entstehung der Hanse // *Hansische Geschichtsblätter*, Jg. 103, 1985.
- Falowski 1993 — *Adam Falowski*. «Ein Rusch Boeck...»: ein russisch deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Hrsg. A. Falowski. Köln; Weimar; Wien, 1993.
- Falowski 1996 — *Adam Falowski*. «Ein Rusch Boeck...» Rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. Kraków, 1996.
- Fedders 1988 — *W. Fedders*. Zur Erhebung historischer Schreibsprachdaten aus der Textsorte «Urkunde» // *Niederdeutsches Wort*. (Beiträge zur niederdeutschen Philologie) Bd. 28/1988. Münster, S. 61–74.
- Gardiner 1965 — *S. R. Gardiner*. German Loanwords in Russian 1550–1690. Oxford, 1965 (Phil. Society, vol. XXI).

- Gernentz 1988 — *H. J. Gernentz*. Untersuchungen zum russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tonnies Fenne // Hrsg. H. J. Gernentz. Berlin, 1988.
- Gleissner 1972 — *K. Gleissner*. Urkunde und Mundart: auf Grund der Urkundensprache der Vogte von Heida, Gera und Plauen. (Mitteldeutsche Studien, 9) Wiesbaden, 1972.
- Goetz 1916 — *L. K. Goetz*. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.
- Goetz 1922 — *L. K. Goetz*. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters / Hansische Geschichtsquellen, Bd. 5. Lübeck, 1922. Kap. «Waaren», S. 248ff.
- Hammerich, Jakobson 1970–1986 — *L. L. Hammerich, R. Jakobson*. Toennies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1967. Copenhagen. Vol. I: 1970; Vol. II: 1970; Vol. III: 1985; Vol. IV: 1986. Hansen, G. v. (1890): Alte russische Urkunden die im Revaler Stadtarchiv aufbewahrt werden. Reval, 1890.
- Hessmann, Kremer 1973 — *Pierre Hessmann, Ludwig Kremer*. Die hansische Korrespondenz im Antwerpener Stadtarchiv // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. Amsterdam, 1973 (Bd. 5), S. 155–169.
- Hildebrand 1889 — *H. Hildebrand*. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Bd. 9. Riga; Moskau, 1889.
- HR (1975): Hanserecesse. Die Recesses und andere Akten der Hansetage 1256–1537. I Abteilung, Bd. 1–8 (1256–1430) / Hrg. K. Koppmann; II Abteilung, Bd. 1–7 (1431–1476) / Hrg. G. V. Ropp; III Abteilung, Bd. 1–9 (1477–1530) / Hrg. D. Schäfer; IV Abteilung, Bd. 1, 2 (1531–1537) / Hrg. G. Wentz, K. Friedland. Leipzig; Köln, 1870–1970. (Фотоперепечатание 1975).
- IIUB = Hansisches Urkundenbuch. Halle; Leipzig; München; Weimar, 1876–1939.
- Hylgaard-Jensen 1985 — *K. Hylgaard-Jensen*. Die Textsorten des Mittelniederdeutschen // Besch/Reichmann/Sonderegger (Hgg.): Sprachgeschichte. 2 Halbband. Berlin; New York, 1985, S. 1247–1251.
- Issatschenko 1980 — *Alexander Issatschenko*. Geschichte der russischen Sprache. Bd. 1. Heidelberg, 1980.
- Johansen 1955 — *Paul Johansen*. Fragment eines niederdeutsch-russischen Sprachführers (1551) // Zeitschrift für slawische Philologie. Bd. 33, Heft 2. Heidelberg, 1955, S. 275–283.
- Johansen 1963 — *Paul Johansen*. Der hansische Rußlandhandel, insbesondere nach Novgorod, in kritischer Betrachtung // Die Deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West / Hrg. A. Brandt, P. Johansen etc. Köln u. Opladen, 1963, S. 39–57.
- Johansen v. z. Mühlen 1973 — *P. Johansen, v. z. H. Mühlen*. Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen Reval. Köln; Wien, 1973.
- Karulis 1992 — *K. Karulis*. Latviešu etymoloģijas vārdnīca. I. Riga, 1992.
- Katara 1966 — *Pekka Katara*. Das französische Lehngut in mittel-niederdeutschen Denkmälern von 1300 bis 1600 // Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki. XXX. Helsinki, 1966.
- Kiparsky 1975 — *Valentin Kiparsky*. Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975.

- Koschkins 1996 — *Igors Koschkins*. Deutsches Lehn- und Fremdwortgut in den altrussischen Novgoroder Urkunden // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum / Hrg. Gisela Brandt. Stuttgart, 1996, S. 87–98.
- Kunze 1891 — *K. Kunze*. Hanseakten aus England 1275–1412 // Hansische Geschichtsquellen. Bd. 6. Berlin, 1891.
- Kürtz 1883 — *Hans J. Kürtz*. Zu Zeiten der Hanse. Handel und Wandel in den Hansekontoren Bergen, Brugge, London und Nowgorod. Lübeck, 1883.
- Lappenberg 1851 — *J. M. Lappenberg*. Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlhofes zu London. Bd. I: Geschichte, Bd. II: Urkunden. Hamburg, 1851.
- L-E-CUB = Liv-, Est-, Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrg. F. G. Bunge, H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1853–1914.
- Lele 1995 — *Dzintra Lele*. Zum Problem der regionalen Varietät. Anhand der mittelniederdeutschen Handschriften aus Riga (16. Jahrhundert) // Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung. Neumünster, Bd. 118, Jg. 1995, S. 121–140.
- Lele 1996 — *Dzintra Lele*. Soziolinguistische Aspekte der Ablösung des Niederdeutschen durch das Hochdeutsche in Riga (nach den Schriften der Grossen Gilde) // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum / Hrg. Gisela Brandt. Stuttgart, 1996, S. 173–182.
- Leuschner 1880 — *Jorg Leuschner*. Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 108). Berlin, 1880.
- LUB — Lübeckisches Urkundenbuch. I Abt. Hrg. Verein für lübeckische Geschichte u. Altertumskunde. Lübeck, 1889–.
- Lübbers 1990 — *A. Lübbers*. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Darmstadt, 1990.
- Marchand 1960 — *H. Marchand*. The categories and types of present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960.
- Meulen van der 1909 — *R. van der Meulen*. De Hollandse Zee- en Scheepstermen in het Russisch // Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Amsterdam, 1909.
- Minzloff 1853 — *Rudolf Minzloff*. Die altdeutschen Handschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1853, S. 99–106.
- Napiersky 1868 — *K. E. Napiersky*. Russisch-livländische Urkunden. St. Petersburg, 1868.
- Pavidis 1996 — *Silvija Pavidis*. Das deutsche Lehn- und Fremdwortgut im ersten lettischen «Katholischen Catechismus» von 1585 // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum / Hrg. Gisela Brandt. Stuttgart, 1996, S. 143–152.
- Perlach 1890 — *Max Perlach*. Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Hss / Hrg. M. Perlach. Halle; Saale, 1890.
- Peters 1973 — *R. Peters*. Mittelniederdeutsche Sprache // Niederdeutsch. Sprache und Literatur / Hrg. J. Goossens. Neumünster, 1973.
- Peters 1985 — *R. Peters*. Das Mittelniederdeutsche // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrg. Besch/Reichmann/Sondermann. Zweiter Halbband. Berlin: New York 1985.

- Priebsch 1896, 1901 — *Robert Priebsch*. Deutsche Handschriften in England. Bd. 1: Ashburton, Cambridge, Cheltenham, Oxford. Mit Anhang ungedruckter Texte. Erlangen, 1896; Bd. 2: Das British Museum. Mit Anhang über die Guildhall-Bibliothek. Erlangen, 1901.
- Rösler 1990 — *I. Rösler*. Fremdsprachliche Kommunikation vor 450 Jahren: Das Russisch Buch, ein russisch-deutscher Sprachführer von 1546. «Skamandros». Warszawa, 1990, s. 287–302.
- Rösler, Kopplow 1986 — *I. Rösler, Ch. Kopplow*. Auf dem Wege zu nationalen Normen in der Gestaltung des prädikativen Satzrahmens. Beobachtungen an den Gesprächsbüchern von Schroue hd. 1546 — und Fenne nd. 1607 // Wissenschaftliche Zeitschrift Univ. Rostock 35, GSR, H. 8, S. 102–107.
- Scheard 1962 — *J. A. Scheard*. The Words We Use. London, 1962.
- Schleker 1890 — *Ludwig Schleker*. Reisebericht der hansischen Gesandtschaft von Lübeck nach Moskau und Nowgorod im Jahre 1603 // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 1888. Leipzig, 1890, S. 1–56.
- Schlüter 1911 — *W. Schlüter*. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911.
- Schmidt-Wiegand 1989 — *R. Schmidt-Wiegand*. Prolegomena zu einer Texttypologie des Mittelniederdeutschen // Aspekte der Germanistik. Festschrift H.-Fr. Rosenfeld zum 90 Geburtstag / Hrg. W. Tauber. Göppingen, 1989 (= «Göppinger Arbeiten zur Germanistik», 521.)
- Schmitt 1966 — *L. E. Schmitt*. Untersuchungen zu Entstehung und Struktur der «neuhochdeutschen Schriftsprache». Bd. 1: Sprachgeschichte des Thüringisch-Obersächsischen im Spätmittelalter. Die Geschäftssprache von 1300 bis 1500 // Mitteldeutsche Forschungen 36, I. Köln; Graz, 1966.
- Schöndorf 1987 — *K. E. Schöndorf*. Mittelniederdeutsche Urkunden aus Norwegen // Niederdeutsch in Skandinavien (I) Berlin, 1987, S. 46–65.
- Schöndorf 1993 — *K. E. Schöndorf*. Der Gebrauch volkssprachlicher Texte in den geistlichen Orden Skandinaviens im Spätmittelalter // Niederdeutsch in Skandinavien (IV). (Beihefte zur Zeitschrift für deutsche Philologie) / Hrg. H. Menke, K. E. Schöndorf. Berlin, 1993.
- Schulz 1911 — *Fr. Schulz*. Die Hanse und England von Eduards III bis auf Heinrichs VIII. Zeit. (Abhandlungen zur Verkehrs- und Seegeschichte). Berlin, 1911.
- Skvairs 1996a — *E. R. Skvairs*. Frauenstimmen im russisch-hansischen Dialog (nach hansischen Quellen des 16. und 17. Jh.) // Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs II. Hrg. Gisela Brandt. Stuttgart, 1996, S. 157–166.
- Skvairs 1996b — *E. R. Skvairs*. Niederdeutsch-russische Sprachkontakte der Hansezeit. Forschungsstand, Entwicklungswege, Aussichten // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum / Hrg. Gisela Brandt. Stuttgart, 1996, S. 67–86.
- Staden von 1964 — *H. von Staden*. Heinrich von Staden Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Nach der Hs. des Preussischen Staatsarchivs in Hannover / Hrsg. Fritz H. Epstein. Hamburg, 1964.

- Thomas 1978 — *G. Thomas*. Middle Low German Loanwords in Russian // *Slavistische Beiträge*, Bd. 123. München, 1978.
- Tobien 1845 — *E. S. Tobien*. Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes / Hrg. E. S. Tobien. Bd. I: Die Prawda Russkaja und die ältesten Traktate Rußlands. Dorpat; Leipzig, 1845.
- Ureland 1977 — *P. St. Ureland*. Sprachkontakt im Nordseegebiet. Mannheim, 1977.
- Vlasto 1986 — *A. P. Vlasto*. A Linguistic History of Russia. Oxford, 1986.
- Williams 1975 — *J. M. Williams*. Origins of the English Language. A Social and Linguistic History. New York; London, 1975.
- Winge 1992 — *V. Winge*. Dänische Deutsche — deutsche Dänen. Heidelberg, 1992.
- Winge 1993 — *V. Winge*. Die Hanserecesse als Quelle für mittelniederdeutsche Studien // *Niederdeutsch in Skandinavien IV (1991)* / Hgg. H. Menke, K. E. Schöndorf. Berlin, 1993, S. 146–153.

Список сокращений названий языков

англ. — английский	ннем. — нижненемецкий
дат. — датский	поздлат. — позднелатинский
друс. — древнерусский	рус. — русский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий	сннем. — средненижненемецкий
лат. — латинский	срангл. — среднеанглийский
латш. — латышский	стфранц. — старофранцузский

Приложение

- [1] *...ладья находится (стоит)...*
- [2] *...в ладью...*
- [3] *...опытного переводчика, умеющего хорошо говорить по-французски*
- [4] *...чтобы кто-либо помог какому-либо голландскому юноше овладеть языком...*
- [5] *Также не следует ни голландцам, ни зеландцам, ни кампенцам, ни фламандцу либо англичанину... помогать в овладении языком...*
- [6] *Ни один ученик старше двадцати лет отроду не должен изучать язык ни в Новгородской земле, ни в самом Новгороде...*
- [7] *...несомненно, что для Ордена не столь прискорбно и вредоносно то, что ему враждебны русские, татары, литовцы и жемайты, как то, что ливонские братья оказывают неповиновение Вашей милости*
- [8] *привел на рижском слушании много злых обвинений против Ордена и сказал, что они-де убийцы священников, поджигатели и грабители церквей и разрушители Христовой веры...*
- [9] *...неверным россам из Великого Новгорода...*
- [10] *...высокочтимый и могущественный владыка митрополит Константинопольский, всей Руси духовный предстатель...*
- [11] *Высокочтимый отец, митрополит всей Руси...*
- [12] *Высокочтимый духовный отец в Боге и могущественный повелитель,

- [13] (1) «...от архиепископа Новгородского Симеона...»
(2) «...чтобы я благословил своих [людей]...»
(3) «...и я благословил детей моих...»
«...и они, дети мои, приняли мое благословение...»
- [14] (1) «...отцу нашему, архиепископу Новгородскому Симеону...»
«...наш святой отец, архиепископ...»
«...Симеона, отца нашего...»
(2) «...дал благословение Великому Новгороду и детям своим...»
(3) «...и Новгород Великий принял благословение архиепископа...»
- [15] (1) «...[мы просим тебя,] святой отец... архиепископ Новгородский Симеон...»
(2) «...чтобы вы ваших детей, посадника, воеводу, бояр и купцов и весь Великий Новгород благословили...»
- [16] «Сие есть копия крестного целования русских новой привилегии, [переведенная] на немецкий язык, гласящая...»
- [17] «Сие списано с пергаменной копии, что по-русски [написана] и переведена на немецкий, а на обратной стороне этой пергаменной грамоты написано по-немецки: „Эта русская грамота, скрепленная печатями, находится у господ на Готланде“»
- [18] «... в немецком переводе гласящая от слова до слова, как написано ниже...»
- [19] «...Эти вышеприведенные русские грамоты, в немецком переводе, мы... отослали в Ригу»
- [20] «...жалобы... переведенные и написанные по-немецки...»
- [21] «...и придать им хорошего толмача...»
- [22] «...грамоты были переведены для новгородцев...»
«...мы же слышали, как переведенная грамота была зачитана вслух в суде...»
- [23] «На письмо был получен ответ на дворе епископа и прочитан в нашем присутствии...»
- [24] «Новгородцы прочитывают свою грамоту гласно, в нашем присутствии...»
- [25] «...так что господа послы могли самолично слышать и знать, как было переведено...»
- [26] «...которые Хинрик фан дер Хейде выдал Гереку на обучение русскому и эстонскому языкам...»
- [27] «...послам, купцам и ученикам [...] с их товаром...»
- [28] «Наш толмач возвратился с ответом и привел восьмерых учеников [...], из которых двое из Любека, один — сын господина Лютке фан Туна, другой сын Ханса Кунца из Гамбурга, третий — Ханс Дегинк из Дортмунда, четвертый — из Ревеля, сын Маркварта Бертольда, и остальных из прочих городов...»
- [29] «...с большим трудом мы пришли к согласию и составили с ними вместе договор по-русски, следующий далее в немецком переводе (следует немецкий текст договора)...»
- [30] «...хорошего толмача, который бы по закону (правильно, в соответствии с правовыми нормами) представлял наши интересы и передал бы надлежащим образом и ясно содержание наших грамот господину архиепископу и [всему] Великому Новгороду»

- [33] «На это русские сказали, что они не посмотрят ни на договоры, ни на крестное целование»
- [34] «Новгородцы целовали немцам крест. А немцы, в свою очередь, целовали крест новгородцам»
- [35] «...посадник целовал крест...»
«...мы целовали крест...»
«...на том целовали крест...»
«...по старому крестному целованию...»
- [36] «...по старым договорам и по крестному целованию...»
«...возобновить старые договоры...»
- [37] «Желаете ли вы подтвердить старый договор и крестное целование?»
«...по старому крестному целованию...»
- [38] «Это против договора (крестного целования)»
- [39] «...против Бога и крестного целования...»
«...договор и крестное целование...»
«тогда крестное целование было сперва подтверждено, а затем [заверено] целование [креста] перед городом Новгородом (от имени Новгорода)...»
- [40] «...вести торговлю в соответствии с крестным целованием...»
- [41] «На том он будет целовать крест и принесет клятву...»
«что решают не в соответствии с крестным целованием...»
- [42] «...как явствует из крестного целования и договоров...»
- [43] «...так как они тем самым нарушили крестное целование...»
- [44] «...пойти против купеческой правды (закона, признанного купеческой общиной), привилегии и крестного целования...»
- [45] «...нашей грамотой крестного целования...»
- [46] «Дабы скорее заключить с ними договор и новое крестное целование...»
- [47] «...чтобы немецкий купец мог сохранить свое законное положение и старые свободы и чтобы нашим дали бы такие же права, какие и мы в свою очередь с готовностью [дадим] их [купцам] в соответствии с крестным целованием...»
- [48] «...чтобы это более не случалось, и с каждым поступали бы по скре и с каждым, кто ее нарушит, поступали бы в соответствии с ней...»
- [49] «...там было составлено крестное целование...»
«...лица, которые совершили крестное целование и заверили и подтвердили договор посредством целования святого креста, дабы крестное целование тем строже и крепче соблюдалось бы...»
«...что старые добрые [люди], которые целовали крест, с обеих сторон умерли...»
«...нарушение крестного целования...»
«...по старому крестному целованию...»
- [50] «...так как крестное целование (договор) не соблюдалось...»
- [51] «...будете на том крест целовать...»
- [52] «Во свидетельство и ради вящего подтверждения того повелели мы навесить на эту грамоту... нашу печать»
- [53] «...по этому крестному целованию...»
«...по этому перемирию и крестному целованию...»
«...целовали крест...»

- «...по всем крестным целованиям...»
«...Нибурово крестное целование и другие крестные целования (= договоры), находящиеся в Висби...»
- [56] «...в своей речи ссылаться на княжескую грамоту с золотой печатью и старое крестное целование...»
«...многократные крестные целования и грамота с золотой печатью...»
«...между твоей вотчиной и всей Ливонией заключен и подтвержден крестным целованием мир на 14 лет...»
- [57] «...которая была с обеих сторон заверена печатями и целованием... святого креста...»
«...договоров с крестным целованием...»
«Этот договор подтвержден по обычаю целованием креста посадником и другими старейшинами и по его приказу скреплен печатью»
- [58] «...что мы их [людям], находящимся здесь, жалует и дозволяет то же, что они нашим, находящимся у них, жалуют и дозволяют, в соответствии с крестным целованием, которое мы соблюдали и хотим впредь соблюдать, но которое они нарушили...»
- [59] «...коли вы желаете соблюдать договор, то и они [его] желают соблюдать...»
- [60] «...заключили дружественное соглашение...»
- [60] «...в том, что кельнские купцы не следовали тому, что содержится в вышеупомянутом договоре...»
«...чтобы в договоре на съезде в Бремене определить и оговорить все точнее и полнее...»
- [62] «...предусмотреть в договоре, чтобы мы все сполна могли пользоваться привилегией...»
- [63] «...что между французской короной и [ганзейскими] городами заключен договор»
- [64] «...обратились к новгородскому посаднику Тимофею Юрьевичу... и изложили свои условия...»
- [65] «Вам, господам, бьем мы челом. Мы виновны. Смилоствивьтесь над нами»
«...и новгородцы смилоствивились над немцами в ответ на их просьбу и в ответ на их челобитье...»
- [66] «...когда их послы будут бить челом великому князю ради мирного договора, великий князь ознакомится с их челобитной и пожалует немецких купцов, дозволив им торговать в его вотчине Великом Новгороде»
- [67] «...великий князь желает увидеть вашу челобитную...»
- [68] «...положения, обсуждаемые в переговорах...»
«...изложенные мною положения...»
«...положения, [выдвинутые ганзейскими] купцами...»
«...мы обсуждали при переговорах...»
- [69] «...рядить по закону...»
- [70] «...торговать в соответствии с крестным целованием...»
- [71] «...как мы недавно поступили со злыми людьми, так как мы тем двадцати четверем всем разом отрубили головы»
- [72] «...дозволили ему торговать...»
- [73] «...по старому крестному целованию / по старым договорам / по старому обычаю и крестному целованию / целовать крест...»

- [77] «Князь заключил договор...»
- [78] «Это перемирие заключено в году... (следует дата)»
- [79] «Сюда в Великий Новгород пришли немецкие послы... и пришли посольством от Любека... к нашему господину, святому владыке (епископу) Ефимию в Великий Новгород...»
- [80] «Сюда в вотчину великого князя всея Руси Великий Новгород пришли... их послы из Пскова... а также пришли от благородного князя Ливонии Вальтера фон Плеттенберга... послы... и заключили десятилетнее перемирие...»
- [81] «...также явились пред этими вышепоименованными господами послами магистратов почтенный господин Иоганн Херлинкхузен... и некий Ивен Боргер из Ревеля со своим делом...»
- [82] «...пришел некий член общины по имени Лубберт Травельман... прося возвратить ему залог»
- [83] «...предстал перед городами некий по имени Тидеман Кулле, гражданин города Дерпта...»
- [84] «Мы, послы от семидесяти городов: от Дерпта бургомистр Иоганн Булк и ратман Арент фан Лон... [и др.] пришли в вотчину великого князя, в Новгород... со своим (букв. „с их“) челобитьем...»
- [85] «...так как великий государь Василий... захотел пожаловать и повелеть своему наместнику в Новгороде заключить перемирие...»
- [86] L. Господин Иоганн Нибур из Любека и [...] послы из-за моря были у нас в Новгороде, перед посадником Тимофеем Юрьевичем и...
- [87] R1: Сюда прибыл Иван Нибур из Любека посольством [...] к посаднику Тимофею Юрьевичу и [...] ко всему Великому Новгороду [...].
- [88] R2: Сюда прибыл господин Иоганн Нибур из Любека [...]. Они были (здесь) послами в Новгороде по делам купеческой Ганзы... [и говорили] с посадником новгородским Тимофеем Юрьевичем [...] и со всем Новгородом [и вели переговоры так:]
- [89] «...ту немецкую [грамоту], что Ваша милость мне поручила, я перевел (велел перевести) на латынь...»
- [90] «...в канун дня Богоматери нашей nativitatis, то есть ее Рождества...»
- [91] «...купеческая община Германии, немецкой Ганзы...»
- [92] «...старейшинам (олдерменам) и купеческой общине немецкой Ганзы Германии...»
- [93] «...германская купеческая община в Англии...»
- [94] «...община купцов, находящихся в Новгороде...»
- [95] «Грамоту прочли в нашем присутствии...»
- [96] «Новгородцы читают свою грамоту при всех, в нашем присутствии...»
- [97] «...безо всякой хитрости или прочей пакости...»
- [98] «...у новгородцев есть особый договор с немецкой купеческой общиной...»
- [99] «...договор заключен...»
- [100] «...прочли старые договоры (и крестные договоры)...»
- [101] «...грамота датского короля с печатями...»
«...в настоящей грамоте...»
«...открыто признаем этой грамотой...»
- [102] букв. «...нам зачитали вслух этот договор, который приведен в этом до-

- [106] *...составили и заключили дружественный договор...*
- [107] *...если этот договор и союз полностью утратят силу...*
- [108] *...состоять в этом договоре...*
- [109] *...сила этого договора...*
- [110] *...в своих договорах заверить, подтвердить и скрепить своей печатью...*
- [111] *...навешиваем нашу печать на этот договор...*
- [112] *...достигли согласия на основе договора...*
- [113] *...заключен договор между [ганзейскими] купцами Лондона и купеческой общиной Бергена...*
- [114] *...этого вышеприведенного договора между обеими сторонами...*
- [115] см. перевод [62]
- [116] см. перевод [61]
- [117] см. перевод [63]
- [118] *...чтобы тем лучше обеспечить свободы, привилегии и права купцов...*
- [119] *...что нашим купцам сохраняются их старые свободы и привилегии...*
- [120] *...без привилегии или грамот с печатями...*
- [121] *...пренебрежение привилегиями и свободами общины...*
- [122] *...в нарушение привилегий и свобод...*
- [123] *...взял уставы и старую скру...*
- [124] *...в скре...*
- [125] *...даем прядильщикам конопли... устав...*
- [126] *...этого вышеприведенного устава...*
- [127] *Этот устав дан нам нашими господами, магистратом...*
- [128] *...этот вышеприведенный устав составлен...*
- [129] *...которые составлены и установлены им и городами Ганзы...*
- [130] *как они на этот счет установили...*
- [131] *...господа послы установили...*
- [132] *...положения заключительного протокола и устава...*
- [133] *...этот устав и положения приняты...*
- [134] *...этот устав и положения приняты...*
- [135] *...что мы желаем оказать вам милость и даем нашу охранную грамоту...*
- [136] *...помимо оговоренного в охранной грамоте...*
- [137] *...охранная грамота короля...*
- [138] *...когда мы изложили наши условия архиепископу новгородскому, посаднику, воеводе и всему Новгороду...*
- [139] *...кто мог бы изложить мне условия послов наилучшим образом...*
- [140] *...часть условий послов...*
- [141] *...что он, пожалуй, проявит больше рвения в обсуждении условий договора, чем необходимо...*
- [142] *В понедельник условия послов были вручены в письменном виде...*
- [143] *...вести переговоры на основании грамот городов...*
- [144] *...изложить ему (= архиепископу Кентерберийскому) наши условия...*
- [145] *...он готов с благосклонностью выслушать наши условия...*
- *...разъяснили ему наши условия...*
- *...что мы по этой причине не желали отступать от наших условий (чтобы наши условия остались не обсужденными)...*
- *...мы хотели бы предстать перед вами (перед королем), чтобы вы выс-

- [147] *...дали им ответ на 4 положения...*
- [148] *...наш ответ на 4 положения, содержащихся в грамоте...*
- [149] *...сообщил им эти вышеприведенные положения...*
- [150] *После этого, по прочтении этого ответа...*
- [151] *...их ответы на наши ответы*
- *Когда зачитали их ответ...*
- *...их ответ на наш ответ...*
- [152] *...ответить на грамоты и условия господ послов...*
- [153] *...дать (послам) добрый ответ...*
- [154] *...надеялись на благоприятный ответ...*
- [155] *...на это они не могли дать нам ответ...*
- [156] *...что они также желали услышать наш ответ...*
- [157] *...подтвердить своей печатью в своих грамотах...*
- [158] *...подтвердить в своих грамотах своей печатью от своего собственного имени и от имени своих преемников, городов...*
- [159] *...подтвердить печатью...*
- *...навесить на эту грамоту печать...*
- [160] *...мы навесили на эту грамоту наши печати...*
- [161] *Писано под нашей печатью (под секретом) ...*
- [162] *Мы навесили наши печати на эту грамоту от имени нашего Ордена...*
- [163] *Во свидетельство этому и ради вящего подтверждения повелели мы навесить нашу печать на эту грамоту...*
- [164] *Мы пожаловали вас, послов от семидесяти трех городов, и дали вам эту грамоту...*
- [165] *...и мы, великий государь Василий... пожаловали вас, послав вам эту грамоту...*
- [166] *...пожаловать вас мирным договором...*
- [167] *...желал оказать милость и доверие, заключив перемирие...*
- [168] *...пожаловал мирным договором...*
- [169] *...[немецкая] купеческая община Лондона пожаловала во имя любви и дружбы...*
- [170] см. перевод [163]
- [171] *...никакого иного договора между нами впредь не будет [подтверждено]...*
- [172] *...ради вящего подтверждения вышеприведенного договора...*
- [173] *...подтвердить положение на будущее и [на этом] крест целовать...*
- [174] *...он вновь даст подтверждение [договора] немецкой купеческой общине...*
- [175] *...что они вновь подтвердят [нам] договор...*
- [176] *...продлить договор о свободах купеческой общины, так как скончался король...*
- [177] *...ответь ему в соответствии с договором...*
- [178] *...и повелел зачитать ее вслух господину архиепископу Кентерберийскому, своему канцлеру, в своем присутствии...*
- [179] *...браниться с писарем купеческой общины...*
- [180] *...который был секретарем купеческой общины в Лондоне...*
- *...секретарь (писарь) лондонской купеческой общины в Англии...*
- *...секретарь [магистрата] города Гамбурга...*

-
- [185] *...мы отправились в палату гильдий, чтобы предстать перед мэром и олдерменами Лондона...*
- [186] *...мэра Лондона...*
- *...сержант мэра...*
- *...йоменам мэра...*
- *...привратнику мэра...*
- *...мэру Лондона...*
- [187] *...посадник города Пскова...*
- [188] *...господам бургомистру и магистрату (= членам магистрата)...*
- [189] *...уплатить королевскую пошлину...*
- [190] *...обложить пошлиной его добро...*
- [191] *...помимо нового таможенного тарифа...*
- [192] *...так как Совет благородного короля скажет, что пошлина установле-
на...*
- [193] *...от имени германской купеческой общины немецкой Ганзы...*
- [194] *...купеческой общине немецкой Ганзы Германии, проживающей в дан-
ное время в Лондоне...*
- [195] *...купцы немецкой Ганзы, проживающие в Брюгге во Фландрии и в
Лондоне в Англии...*
- [196] *...с нашими товарищами и нашими лошадьми...*
- [197] *...никто, состоящий в Ганзе, не должен вступать в торговое товарище-
ство с кем-либо, не состоящим в Ганзе...*
- [198] *...их должны перенести два наших грузчика...*
- [199] *...сколько причитается грузчикам, но сверх того — ничего...*
- [200] *...сукно, которое ежедневно приобретается у суконщиков...*
- [201] *дает (свой товар) скорнякам на проверку...*

